

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Уральское отделение Вольного экономического общества России
Уральский государственный экономический университет

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПУБЛИЧНОГО И ЧАСТНОГО ПРАВА ПРИ РЕГУЛИРОВАНИИ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

МАТЕРИАЛЫ
IV Международной научно-практической конференции

(Екатеринбург, 19 мая 2021 г.)

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Уральское отделение Вольного экономического общества России
Уральский государственный экономический университет

**ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ПУБЛИЧНОГО И ЧАСТНОГО ПРАВА
ПРИ РЕГУЛИРОВАНИИ ЦИФРОВИЗАЦИИ
ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ**

М а т е р и а л ы
IV Международной научно-практической конференции

(Екатеринбург, 19 мая 2021 г.)

Екатеринбург
Издательство Уральского государственного
экономического университета
2021

УДК 341.1/8:341.9:331.104(082)

ББК 67.9+67.93я431

П78

Научный редактор

доктор юридических наук, доцент

Г. З. Мансуров

Ответственный за выпуск

кандидат юридических наук

М. А. Задорина

П78 **Проблемы взаимодействия публичного и частного права при регулировании цифровизации экономических отношений** : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 21 мая 2021 г.) / науч. ред. Г. З. Мансуров ; отв. за вып. М. А. Задорина ; М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Урал. отд-ние Вольного экон. о-ва России, Урал. гос. экон. ун-т. — Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2021. — 137 с.

В сборник включены статьи участников конференции, проведенной Уральским государственным экономическим университетом. В работе конференции приняли участие сотрудники образовательных организаций, магистранты, работники правоприменительных и правоохранительных органов Российской Федерации, а также ученые зарубежных стран. В сборнике рассмотрен широкий спектр вопросов, связанных с поиском баланса частноправовых и публично-правовых способов регулирования цифровизации экономических отношений.

Для профессорско-преподавательского состава, аспирантов, магистрантов и бакалавров, а также практических работников.

УДК 341.1/8:341.9:331.104(082)

ББК 67.9+67.93я431

© Авторы, указанные в содержании, 2021

© Уральский государственный
экономический университет, 2021

Вступительное слово

19 мая 2021 г. в Уральском государственном экономическом университете состоялась IV Международная научно-практическая конференция «Проблемы взаимодействия публичного и частного права при регулировании цифровизации экономических отношений». Необходимость ежегодного подведения итогов научной деятельности юридического сообщества Университета осознавалась практически с первых дней создания Института права. И если первоначально такая работа проводилась в основном на круглых столах разрозненными кафедральными коллективами, то в дальнейшем, в рамках Института финансов и права, общение происходило уже в формате конференций. В этом, юбилейном для юристов Университета году — ровно десять лет назад в стенах Университета стали готовить юристов, — мы провели уже четвертую конференцию.

Как известно, в настоящее время в нашей стране идет процесс масштабной цифровой трансформации общественных отношений. 5 июля 2017 г. на заседании Совета при Президенте по стратегическому развитию и приоритетным проектам В. В. Путин особо отметил, что проект по развитию цифровой экономики носит сквозной характер, охватывает все без исключения сферы жизни, напрямую влияет на деятельность наших компаний, касается каждого гражданина. А в Послании Президента России 2019 г. были уже конкретные задачи: «Парламентариев прошу оперативно принять законы, приоритетные для создания правовой среды новой, цифровой экономики, которые позволят заключать гражданские сделки и привлекать финансирование с использованием цифровых технологий, развивать электронную торговлю и сервисы. Всё наше законодательство нужно настроить на новую технологическую реальность»¹. По этой причине было принято решение определить цифровизацию как основную повестку конференции. Практически все публикации в той или иной мере затрагивают правовые проблемы цифровизации. При этом обращено внимание и на ряд смежных проблем.

Сопредседатель оргкомитета конференции,
доктор юридических наук, доцент
Гафур Закирович Мансуров,
член организационного комитета конференции,
кандидат юридических наук
Мария Андреевна Задорина

¹ *Послание* Президента Российской Федерации Федеральному собранию от 20 февраля 2019 г. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44032> (дата обращения: 01.05.2021).

Секция 1

Публичное и частное право в условиях цифровой трансформации

Е. И. Бахтеева

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Несоблюдение правил промышленной безопасности опасных производственных объектов как угроза экономической безопасности: уголовно-правовой аспект

Аннотация. Статья посвящена проблемам, связанным с использованием газопровода в нарушение установленных законодательством Российской Федерации правил промышленной безопасности. Автор рассматривает возможность привлечения должностных лиц газораспределительной организации к уголовной ответственности за злоупотребление должностными полномочиями.

Ключевые слова: газопровод; уголовная ответственность; промышленная безопасность; опасные производственные объекты; злоупотребление должностными полномочиями.

С начала 2021 г. автор статьи консультирует индивидуального предпринимателя (далее — ИП) по комплексной проблеме, которая имеет признаки совокупности затруднений экономического и правового характера. К сожалению, не только этот клиент находится в настоящее время в подобной ситуации. Если органы власти в ближайшее время не предпримут меры по решению вопроса, может произойти событие, угрожающее не только экономической безопасности, но и жизни и здоровью людей. В рамках настоящей статьи рассмотрим данную проблему подробнее.

Итак, ИП приобрел объекты газоснабжения из нескольких газопроводов и газораспределительных пунктов. Они в настоящее время эксплуатируются Государственным унитарным предприятием «ГС» (далее — ГУП «ГС»), которое по Уставу относится к газораспределительной организации. ИП оказывает услуги по предоставлению в аренду недвижимого имущества — газовой трубы и помещений газораспределительных пунктов. Услугу по сдаче в аренду ИП намеревался оказывать ГУП «ГС».

В 2018 г. руководство ГУП СО «ГС» подало заявление в Ростехнадзор об исключении объектов газового хозяйства, принадлежащих ИП из состава опасных производственных объектов (далее — ОПО), III класс опасности. ИП подал заявление в Ростехнадзор и Прокуратуру о недопустимости подобного исключения, потребовал отказать ГУП СО «ГС» в его требованиях, если ГУП СО «ГС» и дальше будет являться в отношении указанных объектов эксплуатирующей организацией.

Однако, продолжая эксплуатировать данные опасные объекты, ГУП СО «ГС» все-таки исключила объекты газового хозяйства из ОПО «Сеть газоснабжения городского округа ВН».

Данные объекты не были включены в состав иного ОПО, что противоречит как действующему на 17 декабря 2018 г. приказу Ростехнадзора от 25 ноября 2016 г. № 494 «Об утверждении Административного регламента по предоставлению Федеральной службой по экологическому, технологическому и атомному надзору государственной услуги по регистрации опасных производственных объектов в государственном реестре опасных производственных объектов», так и действующему на сегодняшний день аналогичному Регламенту, утвержденному Приказом Ростехнадзора от 8 апреля 2019 г. № 140 «Об утверждении Административного регламента Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору предоставления государственной услуги по регистрации опасных производственных объектов в государственном реестре опасных производственных объектов». Вышеуказанные нормативные акты Ростехнадзора не позволяют исключать из состава ОПО опасные объекты, если они одновременно не включаются в состав иного ОПО (за исключением случая, если объекты действительно выводятся из эксплуатации и в связи с этим теряют свою опасность).

Согласно ст. 9 Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов», именно организация, эксплуатирующая опасный производственный объект, выступает субъектом, ответственным за надлежащее функционирование опасного производственного объекта и все внутренние административные регламенты, которыми руководствоваться участники процесса, должны соответствовать закону.

ГУП СО «ГС» как признавало факт использования указанных объектов, так и отказывалась признавать данный факт¹.

Кроме того, косвенным подтверждением факта использования указанных объектов ГУП СО «Газовые сети» является акт проверки от

¹ Решение Арбитражного суда Свердловской области от 14 марта 2016 г. по делу № А60-51657/2015.

14 сентября 2018 г., поведенный Федеральной службой по экологическому, технологическому и атомному надзору в отношении ГУП «ГС». ГУПСО «ГС» 19 декабря 2017 г. было подано заявление об исключении вышеуказанных объектов из государственного реестра ОПО, однако в связи с несоответствием требованиям п. 24, 25 Административного регламента по предоставлению Федеральной службой по экологическому, технологическому и атомному надзору государственной услуги по регистрации опасных производственных объектов в государственном реестре опасных производственных объектов, утвержденной приказом Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору от 25 ноября 2016 г. № 494 «Об утверждении Административного регламента по предоставлению Федеральной службой по экологическому, технологическому и атомному надзору государственной услуги по регистрации опасных производственных объектов» в исключении объектов было отказано, о чем свидетельствует уведомление от 20 декабря 2017 г.

Фактически актом проверки установлено, что ГУПСО «ГС» заключили договор аренды от 29 марта 2012 г. № 120190 с ООО «РГС», который был представлен в Федеральную антимонопольную службу России для обоснования затрат по ценообразованию тарифа по газоснабжению жителей Свердловской области. В 2014 г. руководство ГУПСО «ГС» было информировано о том, что газопровод высокого давления принадлежит ИП, а не ООО «РГС».

Таким образом, в период времени с 2014 г. по настоящее время, руководство ГУПСО «ГС» предоставляет в Федеральную антимонопольную службу России недостоверные сведения, которыми обосновывает ценообразование тарифа по газоснабжению жителей Свердловской области.

Учитывая сложившуюся спорную ситуацию, ИП испытывает серьезное беспокойство за надлежащее состояние данных объектов, представляющих повышенную опасность в эксплуатации.

Причинами аварий, как правило, являются ненадлежащая эксплуатация газового оборудования или его неудовлетворительное состояние. Безопасное использование и содержание газового оборудования обеспечиваются путем осуществления комплекса работ, в том числе технического обслуживания, ремонта и замены оборудования. Работы выполняются на основании договора о техническом обслуживании и ремонте, которые должна заключать именно эксплуатирующая организация, а не собственник.

В зимний и весенний периоды из-за снегопада, смены температур наружного воздуха, создается повышенная вероятность утечки газа.

В силу исключения данных объектов из перечня опасных существует реальная возможность, особенно в настоящих климатических условиях, и в отсутствие необходимого контроля за их техническим состоянием, которая может повлечь за собой как человеческие жертвы, так и причинение крупного имущественного ущерба.

На наш взгляд, в деянии руководителя Ростехнадзора имеются признаки злоупотребления должностными полномочиями.

Основной объект данного преступления — общественные отношения, регламентирующие установленный законом порядок деятельности государственных органов. Федеральная служба по экологическому, технологическому и атомному надзору в соответствии с постановлением Правительства РФ от 30 июля 2004 г. № 401 «О Федеральной службе по экологическому, технологическому и атомному надзору» является федеральным органом исполнительной власти.

Дополнительным объектом являются права и законные интересы граждан, охраняемые интересы общества и государства. В качестве таковых могут выступать отношения по охране жизни, здоровья, собственности неопределенного круга лиц.

Объективная сторона преступления предусматривает наличие следующих обязательных признаков:

- а) использование должностным лицом, своих полномочий;
- б) полномочия должны быть использованы вопреки законным интересам этой организации;
- в) наступление конкретных последствий деяния, а именно: существенного нарушения прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства;
- г) наличие причинной связи между действием либо бездействием лица, выполняющего управленческие функции, и указанными выше последствиями.

При решении вопроса о наличии либо отсутствии в действиях (бездействии) лица состава данного преступления необходимо устанавливать круг и характер его служебных прав и обязанностей, закрепленных в законодательных и иных нормативных правовых актах, в уставах, положениях, инструкциях и т. п.

Согласно п. 15 постановления Пленума Верховного суда № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий», использованием должностным лицом служебных полномочий вопреки интересам службы судам нужно считать совершение деяний, которые были прямо связаны с реализацией должностным лицом его прав и обязанностей, но справедливо опровергали как общим направлениям деятельности государственных и муниципальных органов, так и тем це-

лям полномочий данной должности. Действия Руководителя Ростехнадзора по исключению объектов газового хозяйства из перечня особо опасных, без включения их в другой, на мой взгляд противоречат целям и задачам дел Ростехнадзора.

Обязательным признаком состава преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 285 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. (далее — УК РФ), является причинение тяжких последствий.

Согласно п. 18. постановления Пленума Верховного суда № 19 под существенным нарушением прав граждан или организаций по итогу злоупотребления должностными полномочиями нужно понимать собой законных прав и свобод физических и юридических лиц. Учитывая, что вышеуказанные действия повлекли за собой исключение объектов из перечня общественно опасных, полагаю, что существует реальная угроза причинения тяжких последствий в виде вреда жизни, здоровью и имущества граждан.

Субъективная сторона преступления предполагает вину в форме прямого или косвенного умысла. Руководитель Ростехнадзора осознал, что исключение объектов из перечня общественно опасных повлечет за собой отсутствие должного контроля за их эксплуатацией и техническим состоянием и безразлично относился к данному факту.

Субъект преступления — специальный — должностное лицо, каковым безусловно является Руководитель Ростехнадзора. Он, как лицо, обладающее организационно-распорядительными функциями, обладал полномочиями по принятию данного решения.

Все необходимые признаки совершения состава преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 285 УК РФ, руководителем Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору выполнены, следовательно, он подлежит уголовному преследованию.

О. Г. Бельдина

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Взаимодействие частного и публичного права при регулировании оборота Больших данных в цифровой экономике

Аннотация. В статье рассматривается определение Больших данных. Выделяются признаки и риски для пользователей при сборе Больших данных. Выявлены проблемы при частноправовом регулировании. Предлагается использование Европейской модели регулирования. Приведен анализ необходимости внедрения данной системы с учетом специфики Российской Федерации.

Ключевые слова: Большие данные; цифровая экономика; персональные данные; оператор Больших данных.

Все чаще государство начинает задумываться о применении прогрессивных технологий для достижения экономических эффектов. В программе, утвержденной распоряжением Правительства от 28 июля 2017 г. № 1632-р «Цифровая экономика», Большие данные стоят на первом месте среди сквозных технологий. По оценкам Ассоциации больших данных, «развитие рынка больших данных в России даже при самом пессимистичном сценарии способно в ближайшие пять лет принести экономический эффект не менее 0,3 % ВВП или 1,3 трлн р. Это 15 % выручки от нынешнего экспорта нефти»¹. Как утверждает ассоциация, эти цифры просчитали аналитики Boston Consulting Group. Помимо того, частным компаниям в маркетинговых целях хочется знать о гражданах практически все: от тех покупок, которые они совершают, до их мыслей.

Сначала необходимо разобраться, что же такое «Большие данные» (англ. Big data). Первое определение, которое встретил автор: «Большие данные — это структурированный и неструктурированный массив данных, причем структурированные представляют собой упорядоченный набор информации, поддающийся поиску и систематизации, неструктурированные же данные даны в форматах, которые затрудняют поиск, например, графические изображения или аудио- или видеоданные»². Такое определение не вносит ясности в исследуемый материал. Чтобы эффективно использовать инструмент в научной ра-

¹ До 1,8 % ВВП: представлена стратегия развития рынка больших данных. — URL: <https://www.computerworld.ru/articles/Do-18-VVP-predstavlena-strategiya-razvitiya-rynka-bolshih-dannyh> (дата обращения: 13.05.2021).

² Taylor C. Structured vs. Unstructured Data // Datamation. 2018. — URL: <https://datamation.com/big-data/structured-vs-unstructured-data.html> (дата обращения: 13.05.2021).

боте, обязательно необходимо выделить признаки определяемого понятия, таковыми для Больших данных являются:

- 1) большой объем анализируемой и собираемой информации;
- 2) разнообразие;
- 3) высокая скорость изменения и возможность оперативной обработки¹.

Исходя их вышеперечисленных признаков, А. И. Савельев вывел следующее определение Больших данных: «это динамически изменяющийся массив информации, который представляет ценность в силу больших объемов и возможности оперативной обработки автоматизированными средствами, что в свою очередь позволяет использовать их для аналитики, прогнозирования и автоматизации бизнес-процессов» [2].

Разобравшись с определением, необходимо вернуться к основному вопросу о правовом регулировании использования Больших данных, так как обработка информации в данной сфере спровоцировало угрозу обработки информации без согласия пользователей и вторжение в частную жизнь.

А. И. Савельев выделяет следующие риски использования Больших данных в сфере неприкосновенности частной жизни:

1) утрата контроля за использованием данных, которая может повлечь попадание информации к нежелательным лицам (в пример можно привести скандал с сетью Facebook, данные о пользователях которой были использованы с целью получения психологического портрета и в последствии для политической агитации);

2) риски обработки неточных или неполных данных (если обработка данных производится неверно. То пользователь может получать ненужную ему рекламу, если же это касается несовершенства алгоритмов, которые связаны со здоровьем, то это может нанести вред организму);

3) риски дискриминации, если с помощью обработки больших данных вычисляют индивидуальные предпочтения или особенности пользователя (место жительства, количество расходуемых в месяц средств), то система может быть настроена таким образом, что для пользователей будет установлена различная цена: уже выявлены случаи, когда пользователям техники Apple предлагают цены на товары выше, чем тем, кто пользовался другими марками техники², что всту-

¹ *Big Data: A Tool for Inclusion or Exclusion? Understanding the Issues* (FTC Report). — URL: <https://www.ftc.gov/reports/big-data-tool-inclusion-or-exclusion-understanding-issues-ftc-report> (дата обращения: 13.05.2021).

² *Allen F. When the Device You Use Determines the Price You Get* // Techlicious. 2014. — URL: https://www.techlicious.com/blog/price-discrimination-by-operating-system-device/?__cf_chl_captcha_tk__=pmd_npAsuISDFPbXk8KYyjUE_xBq9A8443wads0g6-qIHMs-1631676200-0-gqNtZGzNAvuJcnBsZQdl (дата обращения: 24.04.2018).

пает в противоречие с п. 2 ст. 426 Гражданского кодекса Российской Федерации¹, которая предусматривает одинаковую цену для всех потребителей в публичном договоре.

Если мы говорим о частноправовом регулировании сбора данных в правоотношениях пользователь и те, кто, собирают данные (далее будем называть этого субъекта оператором), то становится понятно, что пользователь товаров, работ, услуг или просто гражданин, который просматривает определенную информацию, на уровне договорной конструкции, когда субъекты должны быть равными, всегда остается незащищенной стороной. Пользователю предлагают присоединиться к тем условиям, которые действуют у данной платформы, на устройстве и т. п., а он (пользователь) их порой даже и не читает, а потом удивляется, почему ему начинают предлагать, например, товары, которые он только что просматривал на определенных сайтах или просто о них поговорил с приятелем. Эта проблема появилась не сегодня, она характерна не только для «Условий использования сервиса», так как немногие читают множество страниц, написанных мелким шрифтом, а если и читают, то далеко не все положения им становятся понятными [1]. В иностранной литературе такая ситуация получила название «парадокс прозрачности» [3, с. 58].

Из всего вышесказанного становится понятно, что без публично-правового регулирования не обойтись, чтобы обеспечить защиту более слабой стороны в данных отношениях.

И здесь можно предложить европейскую модель регулирования, которая Большие данные включили в поле координат законодательства о персональных данных (Общеввропейский регламент по защите персональных данных — General Data Protection Regulation, GDPR). Причем персональные данные здесь определены очень широко, поэтому проблематика Больших данных рассматривается как составная часть прав человека и гражданина, а оператор сбора таких данных обязан соблюдать права пользователей от начала сбора и заканчивая уничтожением. При этом очень жестко контролируется исполнение данного законодательства, применяя высокие штрафы за его несоблюдение, которые исчисляются миллионами евро.

Конечно, слепое копирование такой системы не допустимо, особенно в части размеров штрафов, но рациональное зерно можно обнаружить в любой системе, особенно, если она уже функционирует.

Становится понятно, что внедрение новых технологий необходимо, но делать это нужно с соблюдением баланса интересов граждан, бизнеса и государства.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ.

Библиографический список

1. *Каранетов А. Г., Савельев А. И.* Свобода договора и ее пределы: в 2 т. — М.: Статут, 2012. — Т. 2: Пределы свободы определения условий договора в зарубежном и российском праве. — 453 с.
2. *Савельев А. И.* Направление регулирования больших данных и защита неприкосновенности частной жизни в новых экономических реалиях // Закон. — 2018. — № 5. — С. 122–144.
3. *Савельев А. И.* Проблемы применения законодательства о персональных данных в эпоху «Больших данных» (Big Data) // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2015. — № 1. — С. 43–66.

Г. А. Беляев

Белорусский государственный экономический университет,
г. Минск, Республика Беларусь

К вопросу об обязанности страхователя уплачивать страховую премию по договору страхования ответственности руководителей юридических лиц

Аннотация. Статья посвящена проблемам, возникающим в связи с необходимостью исполнения обязанности страхователя уплачивать страховую премию по договору страхования ответственности руководителей юридических лиц в Республике Беларусь. Автор приходит к выводу о том, что обеспечение баланса прав и законных интересов всех участников страховых правоотношений невозможно без формирования единообразной правоприменительной практики в части реализации прав, исполнения обязанностей и привлечения к ответственности сторон по договору страхования ответственности руководителей юридических лиц

Ключевые слова: договор; страхование; ответственность; руководитель; юридическое лицо; директор; менеджер; права; обязанности.

В настоящее время экономические отношения характеризуются цифровизацией и высокой динамикой, что, в свою очередь, предполагает концентрацию капитала. Рисковый характер хозяйственной деятельности, сопряженный с имущественными потерями, обуславливает актуальность разработки правовых механизмов, направленных на минимизацию таких потерь.

Эффективным средством защиты имущественных прав и интересов является страхование. В условиях распространения организационных форм, предполагающих коллективное участие, применения гражданско-правовых мер защиты корпоративных прав и интересов, страхование ответственности руководителей юридических лиц позволяет

обеспечить как их имущественные права и интересы, так и интересы самих юридических лиц.

Отсутствие комплексных исследований, посвященных вопросам правового регулирования страхования ответственности руководителей, а также противоречивость практики страхования такой ответственности обуславливают необходимость выявления прав, обязанностей и ответственности сторон по договору добровольного страхования гражданско-правовой ответственности руководителей юридических лиц.

Данная статья посвящена обязанности страхователя уплачивать страховую премию по договору страхования ответственности руководителей юридических лиц. В основу настоящего исследования легли труды В. Ю. Абрамова, В. В. Алейниковой, А. И. Вицына, Е. В. Голевой, Д. И. Мейера, Т. М. Рассоловой, В. И. Серебровского, И. И. Степанова, В. С. Белых, С. В. Тарадонова, К. Е. Турбиной, Ю. Б. Фогельсона, А. И. Худякова, В. В. Шахова, Г. Ф. Шершеневича и др.

Страхование, по образному выражению И. И. Степанова, представляет собой преодоление последствий несчастья, поэтому и сущность договора страхования заключается в передаче ответственности за последствия несчастья [2, с. 20]. Основное право страхователя — это право на получение страхового возмещения; основная обязанность страховщика — обязанность произвести страховую выплату, что справедливо, поскольку право и обязанность эти охватывают собой цели и задачи страхования, то, для чего страхователи вступают в страховые правоотношения. Однако эти право и обязанность не являются безусловными, так как их реализация и исполнение зависит от одного существенного обстоятельства — наступления страхового случая.

В. И. Серебровский указывает, что страхование представляет собой двустороннее правоотношение: одна сторона (страхователь) обязывается к уплате известного вознаграждения (страховой премии), другая же сторона (страховщик) принимает на себя риск, т. е. обязанность нести ответственность за те последствия, которые могут произойти для жизни или имущества данного лица от наступления предусмотренного страхованием события [1, с. 438].

В соответствии с п. 1 ст. 819 Гражданского кодекса Республики Беларусь¹ (далее – ГК) по договору страхования одна сторона (страховщик) обязуется при наступлении предусмотренного законодательством или договором события (страхового случая) возместить другой стороне (страхователю) или третьему лицу (застрахованному лицу, выгодоприобретателю), в пользу которого заключен договор, причиненный вследствие этого события ущерб застрахованным по договору

¹ Гражданский кодекс Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-3.

имущественным интересам (произвести страховую выплату в виде страхового возмещения или страхового обеспечения) в пределах определенной договором суммы (страховой суммы, лимита ответственности), а другая сторона (страхователь) обязуется уплатить обусловленную договором сумму (страховой взнос, страховую премию).

И. И. Степанов видит основную обязанность страховщика в устранении последствий страхового случая, а поскольку, по мнению ученого, страхуется всегда вещь, то обязанность страховщика заключается для него в возмещении стоимости поврежденного имущества [2, с. 175].

Для страхователя основной и безусловной обязанностью является уплата страховой премии. Исследователи полагают, что уже из самого договора страхования вытекает для страхователя обязанность уплатить премию, которая определяется обычно в виде процента с ценности страхуемого имущества, и размер ее различается в зависимости от степени риска, соединенного с вещами данного рода [4]. Поэтому закон признает страховую премию (страховой взнос) существенным условием договора страхования (п. 1 ст. 832 ГК).

По мнению исследователей, страхователь уплачивает страховщику премию взамен риска, по этой причине без премии немислимо страхование. Суть страхового договора сводится к отдаче предмета на страх, но если бы страховщик принимал ответственность за целостность предмета без вознаграждения со стороны страхователя, то в обязательстве его не было бы риска, поскольку риск предполагается только там, где возможность потери конкурирует с возможностью приобретения. В то же время премия есть плата за риск, мерило цены риска, а мерилom ценностей служат деньги. При этом как плата за риск премия должна быть пропорциональна риску [3, с. 106].

В научной литературе при рассмотрении правовой природы страховой премии подчеркивается, что она является платой за страховую услугу, и вся страховая премия, получаемая страховщиком, в полном объеме принадлежит последнему независимо от того, куда он ее затем направляет [2, с. 278]. Страховую премию определяют как плату, уплачиваемую страхователем страховщику [1, с. 365].

В ст. 844 ГК закрепляется схожее определение страховой премии, с тем лишь уточнением, что плата может быть выражена исключительно денежной суммой. Так, страховая премия — это сумма денежных средств, подлежащая уплате страхователем страховщику за страхование. Подобная норма истолковывается как прямой запрет платить премию не в денежной форме, в связи с чем любые иные варианты (отступное, новация и т.п.) не должны применяться.

Законом устанавливается, что при определении размера страховой премии стороны применяют разработанные и согласованные страхов-

щиком страховые тарифы, определяющие страховой взнос с единицы страховой суммы, с учетом объекта страхования и характера страхового риска. Так, в п. 15 Правил Добровольного страхования ответственности руководителей Белорусского республиканского унитарного страхового предприятия «Белгосстрах» № 88¹ (далее – Правила Белгосстраха) предусмотрено, что размер страховой премии определяется исходя из лимита ответственности по договору и страхового тарифа. Размер страховой премии обычно не изменяется в течение срока действия договора страхования. Однако при увеличении страхового риска страховщик вправе потребовать и увеличения размера страховой премии.

Кроме того, в период действия договора страхования страхователь с согласия страховщика вправе увеличить лимит ответственности с уплатой дополнительной страховой премии. Такое право страхователя закреплено в п. 12 Правил Белгосстраха. Страховая премия может быть уплачена страхователем в белорусских рублях либо в иностранной валюте путем безналичного перечисления на счет страховщика, либо наличными деньгами в кассу страховщика. Страховая премия должна быть уплачена одновременно за весь период страхования. В таком случае страховая премия уплачивается страхователем при заключении договора страхования. С согласия страховщика страхователь имеет право уплатить страховую премию в рассрочку: в два срока, поквартально или в согласованные сторонами сроки.

В соответствии с п. 20 Правил Белгосстраха в случае неуплаты очередной части страховой премии в установленный договором срок страховщик вправе прекратить договор страхования с 00:00 ч дня, следующего за последним днем установленного срока уплаты очередной части страховой премии либо не прекращать договор страхования при наличии письменных обязательств страхователя погасить имеющуюся задолженность в течение срока, представленного страховщиком, но не более 30 календарных дней со дня просрочки платежа. При этом если страховой случай наступит до уплаты очередной части страховой премии, внесение которой просрочено, то страховщик удерживает просроченную часть страховой премии из суммы страхового возмещения, подлежащей выплате.

Таким образом, изложенное позволяет нам сделать вывод о том, что уплата страховой премии является основной обязанностью страхователя по договору страхования ответственности руководителей юридических лиц. Детальный теоретико-правовой анализ основных прав, обязанностей и ответственности сторон по договору страхования от-

¹ *Правила № 88 добровольного страхования ответственности руководителей:* прил. к письму. — URL: <http://bgs.by/files/files/88.pdf> (дата обращения: 24.04.2020).

ветственности руководителей юридических лиц обусловлен необходимостью формирования единообразной правоприменительной практики, обеспечения баланса прав и законных интересов всех участников страховых правоотношений в исследуемой области. Это обуславливает необходимость дальнейшего исследования данного вида страхования.

Библиографический список

1. *Серебровский В. И.* Избранные труды по наследственному и страховому праву. — 2-е изд., испр. — М.: Статут, 2003. — 556 с.
2. *Степанов И. И.* Опыт теории страхового договора. — Казань: Унив. тип., 1875. — 204 с.
3. *Фогельсон Ю. Б.* Страхование право: теоретические основы и практика применения. — М.: ИНФРА-М, 2012. — 574 с.
4. *Шершеневич Г. Ф.* Учебник торгового права: учебник. — М.: Юрайт, 2019. — 303 с.

С. Н. Бурлака

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Здоровье и цифровые технологии: правовые проблемы взаимодействия

Аннотация. В статье говорится об актуальности и своевременности развития в России телемедицины, особенно в нынешних реалиях, связанных с пандемией коронавирусной инфекции. Цифровизация в сфере медицины, несомненно, является фактором, облегчающим общение пациента и врача, а иногда и единственным возможным способом их взаимодействия. Но законодательство, регулирующее оказание подобных услуг, имеет ряд недоработок. В статье анализируются плюсы и минусы применения цифровых технологий в медицине. Автор выделяет особенности данных процедур и приходит к выводу о необходимости совершенствования регулирования оказания медицинских услуг в дистанционном формате.

Ключевые слова: телемедицина; телемедицинские услуги; цифровые технологии; персональные данные.

Потребности россиян в телемедицинских услугах в последнее время значительно возросли. Огромное влияние здесь оказала, конечно же, пандемия новой коронавирусной инфекции. Законодательно положения о телемедицине в 2017 г. были внесены в Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Также особенности оказания дистанционных медицинских услуг регулируются Порядком организации и оказания

медицинской помощи с применением телемедицинских технологий, утвержденном приказом Минздрава России от 30 ноября 2017 г. № 965н.

Тем не менее, необходимо отметить несовершенство правового регулирования телемедицины. В основном оно заключается в отсутствии регулирования некоторых спорных вопросов, возникающих при использовании телемедицинских технологий [1]. Более того, законодательство в некоторой мере тормозит их развитие. В итоге медицинские учреждения не стремятся вводить новые технологии в свою деятельность. Разъяснения по некоторым спорным вопросам были даны в Письме Минздрава России от 9 апреля 2018 г. № 18-2/0579 «О разъяснении порядка организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий», но эти положения не охватили все законодательные пробелы применения цифровых технологий в медицине.

Телемедицина представляет собой информационные технологии, обеспечивающие дистанционное взаимодействие медицинских работников между собой и с пациентами, а также идентификацию указанных лиц и документирование действий при проведении консультаций, консилиумов и дистанционного медицинского наблюдения. Причем, телемедицина не является отдельным видом медицинской деятельности, она применяется как ее технологический аспект [2]. Таким образом, правовой статус телемедицины определяет ее как медицинские услуги, оказываемые в дистанционной форме.

Говоря о недостатках правового регулирования телемедицины в России, в первую очередь, необходимо указать на проблемы в терминологии этой сферы [4]. Так, в законе говорится о понятии «консультация», но при этом нет легального законодательного определения этого термина. Этот пробел вносит неопределенность при разграничении понятий «консультация» и «лечение», что в свою очередь затрудняет понимание вопроса о том, какие конкретно врачебные процедуры возможно осуществлять дистанционно, а какие — только при очном приеме. Также одной из ключевых проблем является то, что законодатель прямо не определяет полномочия врача в сфере дистанционной диагностики и лечения заболеваний пациентов. Нормативно не установлены этапы оказания дистанционной медицинской помощи, не указаны структурные подразделения, оказывающие такую помощь, также отсутствуют стандарты оказания медицинской помощи онлайн. Стандарты должны определять цели деятельности «виртуального кабинета врача», а также его оснащение [3]. При этом пандемия по сути ничего поменяла в сфере регулирования применения телемедицины. На данный момент применение дистанционных телемедицинских технологий

возможно только при коррекции уже назначенного лечения пациента и его дальнейшего наблюдения.

Необходимо указать, что 1 октября 2020 г. начался эксперимент по оказанию телемедицинской помощи пациентам на Едином портале госуслуг. Консультацию врача теперь можно получать посредством применения дистанционных технологий, но это возможно только после первичного очного приема у врача. С 1 января 2021 г. введены новые правила рентгенологических и ультразвуковых исследований. Правила устанавливают, что анализ результатов рентгенологических исследований может проводиться с применением телемедицинских технологий, для этого необходимо направить медицинские изображения в другую медицинскую организацию.

Анализируя все вышеуказанное, можно определить, что одним из наиболее явных ограничений, тормозящих применение телемедицинских технологий, является запрет на дистанционную постановку диагноза. При этом иногда диагностика или начальное назначение лечения онлайн не только возможно, но и необходимо, так как не создает дополнительной угрозы здоровью пациента, которая может возникнуть во время личного приема, к примеру, в условиях пандемии. Некоторые медицинские компании не могут выйти на российский рынок, так как их деятельность не предполагает необходимости очной встречи врача и пациента. Хотя, безусловно, во многих случаях первичная личная встреча пациента и врача необходима, например, если для постановки диагноза необходима пальпация [6]. Но некоторые диагнозы все-таки можно поставить, основываясь на результатах анализов, на снимках и т. д. Исходя из этого абсолютный запрет на постановку диагноза без личной встречи, а также на первичное назначения лечения полностью без исключений является сильным препятствием для развития телемедицины.

При этом необходимо указать на растущую востребованность телемедицинских услуг. Об этом свидетельствуют статистические данные. Так, например, в 2020 г. около 5 млн пациентов воспользовались медицинскими услугами в дистанционном формате. Тогда как в 2019 г. численность таких пациентов достигала примерно 1,5 млн. Также в качестве подтверждения востребованности телемедицины можно привести тот факт, что начиная с марта 2020 г. только в Москве было проведено более 1 млн телемедицинских консультаций для пациентов, болеющих коронавирусом.

Следующей проблемой в сфере телемедицины является проблема информационной безопасности, так как внедрение и применение любых информационных технологий, в том числе в сфере медицины всегда связано с необходимостью обеспечения информационной безопас-

ности. При оказании телемедицинских услуг осуществляется обработка большого количества информации. Поэтому несоблюдение безопасности персональных данных пациентов и нарушение конфиденциальности врачебной тайны могут являться основными проблемами, возможность возникновения которых в сфере телемедицины весьма вероятна. Необходимо сказать, что в российском законодательстве режим защиты врачебной тайны определен в полной мере, и что касается дистанционных медицинских технологий, то здесь каких-то его особенностей не установлено. Но, тем не менее, правовое регулирование персональных данных в сфере телемедицины не представляется таким очевидным.

В первую очередь речь коснемся обеспечения безопасности персональных данных пациентов. Телемедицина предполагает обязательное использование Интернета, что намного увеличивает потенциальные риски утечки информации, и, таким образом, вероятность раскрытия третьим лицам сведений о пациентах увеличивается во много раз [5]. Медицинское учреждение при оказании телемедицинских услуг обладает правовым статусом оператора персональных данных. При обработке персональных данных пациентов заинтересовано в этом именно медицинское учреждение. Таким образом, исходя из особенностей применения дистанционных технологий в медицине уровень ответственности медицинских учреждений за оборот персональных данных возрастает в значительной степени. Но, при этом специальное регулирование ответственности операторов персональных данных, полученных в процессе оказания медицинских услуг в сфере телемедицины, отсутствует. Также, необходимо отметить, что медицинское учреждение имеет право поручать обработку персональных данных пациентов третьим лицам. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» указывает, что третьи лица, получающие доступ к персональным данным, должны соблюдать конфиденциальность и безопасность при обработке этих данных, но при этом закон не содержит никаких особых условий в отношении специальных категорий персональных данных. Получается, что доступ к персональным данным пациентов, к которым относятся и сведения, составляющие врачебную тайну, могут получить достаточно большой круг лиц, включая операторов и обработчиков информации, что, конечно же, увеличивает потенциальную вероятность утечки информации. Еще одной проблемой обработки персональных данных пациентов является отсутствие законодательного закрепления требований к серверам, на которых такая информация хранится, и порядка доступа к ним. Информация должна храниться на надежных серверах, что сделает невозможным утечку персональных данных пациентов. Процедура до-

ступа к данным о конкретном пациенте при их размещении должна быть доступна только тем медицинским работником, у кого есть на это законное основание. Обязательно при обработке и хранении таких данных необходимо использовать системы усиленной защиты информации и ее шифрования и реализовывать другие меры в целях безопасности хранения персональных данных. На данный момент законодательного регулирования таких требований не существует.

Таким образом, исходя из вышеуказанного необходимо констатировать, что в сфере оказания телемедицинских услуг существуют проблемы, которые требуют законодательного регулирования. Такими проблемами являются неоднозначность подхода к дистанционной постановке диагноза, а также наличие значительных рисков утечки персональных данных пациентов и нарушения режима врачебной тайны.

Библиографический список

1. *Владимирский А. В.* История телемедицины — первые 150 лет // Журнал телемедицины и электронного здравоохранения. — 2015. — № 1. — С. 10–18.

2. *Владимирский А. В.* Первичная телемедицинская консультация «пациент-врач»: первая систематизация методологии // Журнал телемедицины и электронного здравоохранения. — 2017. — № 2. — С. 50–61.

3. *Карпов О. Э., Клименко Г. С., Лебедев Г. С.* Применение интеллектуальных систем в здравоохранении // Современные наукоемкие технологии. — 2016. — № 7-1. — С. 38–43.

4. *Кудряшов Ю. Ю., Атьков О. Ю., Касимов О. В.* Телемедицинская профилактика, реабилитация и управление здоровьем: проблемы и решения // Врач и информационные технологии. — 2016. — № 2. — С. 73–80.

5. *Ростовцев В. Н., Терехович Т. И.* Организационно-технологическая система телемедицинской диспансеризации // Вопросы организации и информатизации здравоохранения. — 2017. — № 90. — С. 75–77.

6. *Садыкова Е. В., Юлдашев З. М.* Система удаленного мониторинга состояния здоровья и оказания экстренной медицинской помощи пациентам с хроническими заболеваниями // Биотехносфера. — 2017. — № 1. — С. 2–7.

М. А. Бучакова, В. Е. Мушаков

Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации,
г. Омск

Персональные данные: правовой аспект

Аннотация. Исследуется правовой аспект защиты персональных данных, в том числе его составной части — биометрических персональных данных, в условиях цифровизации общества. Авторы приходят к выводу, что эффективное применение цифровых технологий имеет негативную сторону, проявляющуюся в возможной утечке сведений о частной жизни граждан.

Ключевые слова: цифровизация общества; персональные данные; биометрия человека; правовое регулирование; сфера оборота персональных данных; информационно-коммуникативные технологии.

Активное использование информационных и коммуникативных технологий в системе управления государством приводит к повышению эффективности оказания государственных и муниципальных услуг, транспарентности осуществляемых административных процедур. Принятая Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг.¹ создала возможности доступности населению получения информации, передаваемой по сети Интернет. Это способствовало активизации граждан в качестве интернет-пользователей при взаимодействии с органами публичной власти. Принятый ранее Федеральный закон «О персональных данных» предусмотрел возможность безопасной обработки информации, включающей ее сбор, использование, сохранение и распространение. Данный документ стал возможен в связи с присоединением Российской Федерации (далее — РФ) к Конвенции Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных². В Европе проблема защиты персональных данных в условиях цифровизации общества была осознана значительно раньше, нежели в России, что способствовало принятию не только конвенционных соглашений, направленных на охрану частной жизни, но и закреплению этих вопросов в национальном законодательстве.

В России только в последние несколько лет вопрос защиты персональных данных индивидов актуализировался, что обусловлено, с одной стороны, активностью использования телекоммуникационных

¹ *Стратегия* развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг.: утв. указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203.

² *Конвенция* о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных (заключена в г. Страсбурге 28 января 1981 г.).

технологий в различных сферах жизнедеятельности общества, прежде всего, банковской, финансовой, строительной, медицинской и так далее. С другой стороны, виртуальная среда явилась фактором совершения преступлений, имеющих мошеннический характер. Эта проблема усугубилась в период ковидного локдауна.

Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» «О персональных данных» содержит широкое определение соответствующих данных. По сути, под персональными данными понимается любая информация, идентифицирующая индивида, и в этой связи, возникает задача дифференцировать личностные характеристики, имеющие отношение к личности и задействованные в виртуальной среде.

Биометрия человека является одним из видов его персональных данных. Федеральным законом «О персональных данных» в ч. 1 ст. 11 под биометрическими персональными данными понимаются «сведения, которые характеризуют физиологические и биологические особенности человека, на основании которых можно установить его личность». К физиологическим данным человека относятся геометрия его лица и рук, строение тела, рисунок сетчатки глаза, отпечатки пальцев, почерк и голосовая артикуляция. Биологическими данными выступают сведения о группе крови, а также о молекулярном строении ДНК. В юридической литературе встречаются мнения о выделении отдельной группы поведенческой биометрии, включающей манеру ходьбы человека, ведения им разговора, особенности подписи и способов печати на клавиатуре [2, с. 81]. Указанные данные, с наиболее возможной точностью, позволяют идентифицировать человека на основании его практически неизменных особенностей.

Биометрическая идентификация широко используется в повседневной жизни человека: при использовании личного смартфона, в социальных сетях, в ходе дактилоскопической регистрации лица правоохранительными органами, при получении государственных услуг, при прохождении паспортного контроля на объектах транспортного сообщения и в иных случаях. В силу развития цифровых технологий и поиска новых путей обеспечения конфиденциальности граждан, биометрические персональные данные стали активно использоваться в экономической сфере общественных отношений.

В банковской сфере биометрия человека выступает эффективным инструментом безопасного обслуживания клиентов. Биометрические персональные данные используются для доступа клиента через банкомат либо в офисе банка, при обслуживании по счету и использовании беспарольного доступа к информационным системам банка. В настоящее время ряд российских коммерческих банков предлагают оплату

покупок в магазинах со специальными терминалами с помощью сетчатки и радужной оболочки глаза¹, а также регистрацию в качестве клиента при предъявлении фотографии и записи голоса². Использование биометрии банками возможно только при письменном согласии клиента как субъекта персональных данных, так как банковские правоотношения не входят в перечень оснований ч. 2 ст. 11 Федерального закона «О персональных данных». В указанной норме перечислены случаи, когда такое согласие не требуется.

В банковской сфере также применяется биометрия сотрудников банка в целях контроля их трудовой дисциплины.

Вместе с тем, биометрическое банковское обслуживание вызывает опасения. Согласно ч. 1 ст. 14.1 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» банки обладают правомочием с согласия гражданина размещения его биометрических персональных данных в единой биометрической системе (далее — ЕБС). Последняя создана по инициативе Центрального Банка РФ и Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ. В ЕБС содержатся два параметра гражданина — голос и лицо, с помощью которых он имеет возможность удаленно получить финансовые услуги. По поводу вышеуказанной процедуры в юридической литературе встречаются критические мнения. По справедливому замечанию И. Г. Гугнюка, вопрос о передаче биометрических персональных данных связан с безопасностью при получении банковской услуги, и при этом с возможным ограничением прав и свобод человека [1, с. 209]. Важно, чтобы биометрия человека распространялась только с его добровольного согласия. Поэтому принуждение клиента к передаче биометрических персональных данных взамен на оказание банковской услуги должно трактоваться в качестве нарушения положений Конституции РФ.

От уровня защиты биометрических персональных данных зависит перспектива их развития в секторе банковских услуг. Очевидно, что существенная часть населения, обладающая низкой цифровой грамотностью, с недоверием воспримет передачу своей биометрии сотрудникам банка. Учитывая последующую передачу данных в ЕБС, С. Р. Чеджемов, З. Т. Золоева обоснованно утверждают о том, что определенная категория граждан в силу религиозного фактора может противодействовать передаче биометрических данных» [3, с. 42]. В связи

¹ *Биометрия* в СберБанке. — URL: https://www.sberbank.ru/ru/person/dist_services/bio (дата обращения: 13.05.2021).

² *Если вы хотите сдать биометрические данные.* — URL: <https://www.vtb.ru/personal/online-servisy/gosuslugi-client-vtb> (дата обращения: 13.05.2021).

с этим в ближайшее время не следует ожидать широкомасштабного распространения биометрической идентификации клиентов в сфере оказания банковских услуг.

Биометрические персональные данные используются на рынке ценных бумаг. Инвесторы предоставляют биометрические персональные данные в ходе регистрации, пополнения инвестиционного либо брокерского счета, а также совершения операций посредством цифровых платформ, предоставляемых биржевым брокером. Кроме того, в мобильных сервисах биржевых брокеров для входа в личный кабинет инвестор идентифицируется по отпечатку пальца.

Таким образом, процессы цифровизации российского общества сопровождаются попытками законодателя обеспечить защиту персональных данных в виртуальной среде. Это возможно, в том числе при дифференцированном подходе к данным, идентифицирующим человека в виртуальной среде. Биометрические персональные данные закреплены действующим отечественным законодательством и выступают надежным идентификатором граждан в экономической сфере общественных отношений. Однако возможности обхода режима обеспечения защиты персональных данных являются предпосылкой совершенствования правовых основ внедрения биометрических технологий в общественную жизнь.

Библиографический список

1. *Гугнюк И. Г., Гугнюк К. М., Фабрикина М. А.* О финансово-правовом регулировании деятельности по использованию биометрических технологий в банковской деятельности: современные тенденции // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2021. — № 2. — С. 203–210.
2. *Кривогин М. С.* Особенности правового регулирования биометрических персональных данных // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2017. — № 2. — С. 80–89.
3. *Чеджемов С. Р., Золоева З. Т.* Биометрические персональные данные человека — средство защиты его прав или тотального контроля государства над личностью // Конституционное и муниципальное право. — 2019. — № 11. С. 39–43.

В. С. Гальцов

Белорусский государственный экономический университет,
г. Минск, Республика Беларусь

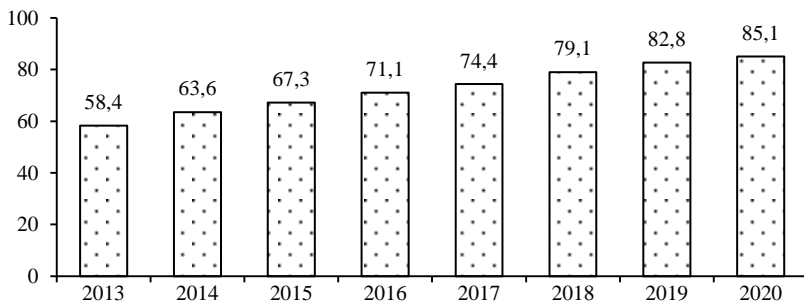
Криминалистические аспекты воздействия информационного пространства сети Интернет на несовершеннолетних лиц

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы деструктивного воздействия информационного пространства сети Интернет на несовершеннолетних лиц. Выделены факторы коммуникативного воздействия (психологическая особенность подростков, объективные условия, негативно влияющие на жизнь несовершеннолетних, деструктивные коммуникации в сети Интернет, субъективный выбор несовершеннолетним антисоциальных моделей поведения), приводящие к их криминальному поведению.

Ключевые слова: криминалистика; сеть Интернет; преступления с участием несовершеннолетних; воздействие на несовершеннолетних лиц; факторы, влияющие на криминальное поведение подростков.

Инновационное развитие общественной жизни привело к тому, что мировое сообщество пришло к созданию общественных моделей, основанных на цифровых информационно-коммуникационных технологиях. Сегодня трудно себе представить нормальное функционирование государственных и общественных институтов, а также жизнь человека без круглосуточного доступа к информационному пространству сети Интернет. При этом применительно к Республике Беларусь по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь доступ населения в возрасте 6–72 лет к услугам сети Интернет имеет постоянную, ежегодную положительную динамику (см. рисунок).

Оценивая с положительные стороны и ресурсный потенциал, указанного выше явления, нельзя не отметить его положительные стороны. К ним можно отнести: создание единого информационного пространства; создание информационной системы административных процедур; предоставление широкого доступа к открытым данным; новым возможностям образовательной сферы основанным на удаленном доступе к знаниям; создание системы электронных услуг; повышение эффективности работы организаций и увеличение объема производства и потребления товаров и услуг и т. п. Так, говоря о роли сети «Интернет» в жизни человека, можно выделить несколько функций: экономическую; социальную; информационную; коммуникационную; образовательно-познавательную; психологическую; развлекательную и др.

Доступ населения в возрасте 6–72 лет к услугам сети Интернет¹

Однако оценивая положительные моменты развития цифровых технологий в общественной жизни, также следует обозначить и обратную, негативную сторону медали. Как нами указывалось в более ранних публикациях повсеместное внедрение геолокации и датчиков ведет к вмешательству в личное пространство человека; отдельные граждане уходят от реальной жизни в виртуальный мир; у людей теряются навыки вербального общения; внедрение автоматизации приводит к сокращению рабочих мест и безработице; не возможности адаптации определенных слоев населения, отдельных категорий работников и предприятий, к реалиям цифровой экономики; исчезновение отдельных профессий и рынков; свободное распространение некачественного товара и недостоверной информации; усиление глобализации² и др.

Негативные аспекты развития цифровых технологий были отмечены и мировым сообществом. Так, на Всемирном экономическом форуме, проходившем с 21 по 24 января 2020 г. в Давосе негативные аспекты развития «цифровой экономики» определили одними из основных рисков для человечества.

Проведенный анализ публикаций, информационных сообщений и статистических данных позволяет высказывать особую озабоченность по поводу негативного влияния информационного пространства

¹ *Доступ населения в возрасте 6–72 лет к услугам сети Интернет.* — URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/makroekonomika-i-okruzhayushchaya-sreda/informatsionno-telekommunikatsionnye-tekhnologii/graficheskiy-material-grafiki-diagrammy/dostup-naseleniya-v-vozraste-6-72-let-k-uslugam-seti-internet/> (дата обращения: 01.05.2021).

² *Гальцов В. С.* Развитие цифровой экономики как фактор обеспечения экономической безопасности Республики Беларусь // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов: тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 20 февраля 2020 г.) — Минск: Акад. МВД, 2020. — С. 104–106.

сети Интернет на несовершеннолетних лиц. В качестве негативных тенденций, связанных с молодежью и сетью Интернет можно выделить различное участие несовершеннолетних в преступлениях, охватываемыми многими главами особенной части Уголовного кодекса Республики Беларусь, а именно: главой 19 «Преступления против жизни и здоровья»; главой 20 «Преступления против половой неприкосновенности или половой свободы»; главой 21 «Преступления против уклада семейных отношений и интересов несовершеннолетних»; главой 22 «Преступления против личной свободы, чести и достоинства»; главой 23 «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина»; главой 27 «Преступления против общественной безопасности» и др.

Изучение связей информационного воздействия с деструктивным, антисоциальным, суицидальным, криминальным и др. поведением несовершеннолетних лиц позволяет судить о том, что влияние на принятие ими решений и определение определенной поведенческой модели обще принятых регуляторов общественного поведения таких как норм морали, обычаев, традиций, религиозных норм, корпоративных норм и норм права в сети Интернет сведено к минимуму. Еще в недавнем прошлом мы говорили о самовыражения подростков в виде раннего курения и приема алкоголя, уличных массовых драках и «блатной» романтики, то сегодня под воздействием деструктивных факторов — это: участие в массовых беспорядках; незаконные действия в отношении предметов, поражающее действие которых основано на использовании горючих веществ; умышленное блокирование транспортных коммуникаций; участие в общественных объединениях, религиозных организациях, посягающими на личность, права и обязанности граждан; вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественное поведение; склонение к самоубийству, незаконное собрание либо распространение информации о частной жизни; принуждение; клевета; потребление наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов и участие в их незаконном обороте; изготовление и распространение порнографических материалов или предметов порнографического характера с изображением несовершеннолетних; уничтожение, повреждение и надругательство над историко-культурными ценностями и др.

Исследование криминалистических аспектов воздействия информационного пространства сети Интернет на несовершеннолетних лиц позволяет выделить отрицательные аспекты, которые оказывают негативное, деструктивное воздействие на несовершеннолетних, а именно:

— пропаганда фашизма, неонацизма, ультранационализма, национальной и религиозной нетерпимости;

- вербовка в антисоциальные группы, деструктивные группы фанатов и стравливание их между собой;
- формирование у подростков кастовости, превосходства одной социальной группы над другой;
- реклама виртуального мира, вовлечение в компьютерную и игорную зависимость;
- навязывание несовершеннолетним новых этических норм, ценностей и социальных стандартов и т. п.;
- пропаганда и оправдание антисоциального, аморального образа жизни, сексуальной распушенности;
- героизация и романтизация криминального мира и др.

Проведенное нами с позиции криминалистики исследование ситуаций, связанных деструктивным воздействием на несовершеннолетних по средствам сети Интернет позволило выделить определенные факторы, способствующие этому.

По нашему мнению, первым фактором является психологическая особенность подростков. В рамках исследуемой темы, к психологическим особенностям подростков, можно отнести: узкость мировоззрения; недостаточность образования и жизненного опыта; ранние амбиции; обостренные социальные чувства (любви, независимости, признания, ненависти и др.), заниженный уровень самокритичности, повышенная эмоциональность; не соразмерность психологических процессов возбудимости и торможения; несформированное понимание смерти; импульсивность; внушаемость; подражательность и др.

Второй фактор, связан с объективными условиями, негативно влияющим на жизнь несовершеннолетних, а именно: расслоение молодежного общества на бедных и богатых; получение некоторыми представителями молодежи общественных и материальных благ несообразных их возрасту, без должного труда и усердия; культивирование беззаботного образа жизни; постоянное, интенсивное информационное воздействие о благах и прелестях жизни; свободный доступ к информации несоответствующей возрастным категориям; снижения качества информации до сугубо потребительского уровня; пропаганда явно выраженной градации предметов потребления от обыденных до престижных; обилие дорогостоящих развлечений и относительно свободный доступ к ним; отсутствие определенного дохода и т.п.

Третьим фактором, влияющим на поведение несовершеннолетних, является деструктивные групповая и межличностная коммуникации. Участие несовершеннолетних лиц в онлайн-режиме в различных социальных сетях («ВКонтакте», «Одноклассники», Telegram, Twitter, Facebook, Skype, Viber, WhatsApp и др.) дает им возможность «живого» общения и обмена информацией, что в общем то само по себе и не

плохо. Однако, положительно оценивая наличие социальных сетей следует, с позиции криминалистики, отметить такие негативные аспекты как: анонимность общения и распространения информации и, как результат, безответственность; выбор роли, несвойственную человеку при обычном общении; возможности личной и групповой травли оппонента; отсутствие необходимости личного знакомства и соответственно психологических барьеров и др. Так например, в сети Интернет распространены следующие способы коммуникативного деструктивного воздействия на несовершеннолетних:

— троллинг — представляющий собой размещение в сети Интернет информации провокационного характера с целью склонения несовершеннолетних лиц к межличностному конфликту, оскорблениям и т. п.;

— кибербуллинг — определенного рода травля оппонента, заключающаяся в агрессивном поведении и нападении;

— кибергруминг — определяется как вхождение с несовершеннолетним лицом в доверительные отношения с целью его дальнейшей сексуальной эксплуатации;

— секстинг — заключается в пересылке личных фотографий, сообщений интимного содержания посредством социальных и коммуникативных сетей.

Четвертый фактор, напрямую вытекает из предыдущих, и связан с субъективным выбором несовершеннолетним антисоциальных моделей поведения на основе ошибочных представлений о вседозволенности, смерти, бессилии общепринятых регуляторов общественного поведения, массовом нарушении норм права и т. п., а именно: жизнь по принципу «все и сразу»; стремления к самоутверждению первым попавшимся путем, включая преступный; желание славы и известности любым способом; подражание кумирам, известным личностям из сети Интернет; выбор ценностных ориентиров, задаваемых виртуальным миром (при этом, чаще всего, реальная жизнь становится помехой) и др.

Таким образом, подводя итог, можно сказать, что при многочисленных положительных аспектах особенность современной информационной среды сети Интернет заключается в существовании деструктивного воздействия на несовершеннолетних лиц, которое в конечном итоге сказывается на их криминальном поведении. В качестве факторов, способствующих этому можно выделить психологическую особенность подростков, объективные условия, негативно влияющие на жизнь несовершеннолетних, деструктивные коммуникации в сети Интернет; субъективный выбор несовершеннолетним антисоциальных моделей поведения.

Т. И. Евсеев, И. В. Евсеев

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Правовые особенности при разрешении вопросов, связанных с введением моратория на банкротство в России

Аннотация. Исследуются проблемы, с которыми сталкиваются правоприменители при рассмотрении вопросов, связанных с введением моратория на процедуры банкротства в условиях применения режима повышенной готовности. Авторы обращают внимание на проявляющиеся правовые проблемы, связанные с банкротством, с учетом зарубежного опыта.

Ключевые слова: мораторий; банкротство; сроки применения; дополнительное производство.

В настоящее время граждане России столкнулись с эпидемиологическими проблемами распространения коронавирусной инфекции (COVID-19), которая проявилась во всех регионах Российской Федерации (далее — РФ). Свыше 2 000 000 граждан подверглись воздействию инфекции. Принятые на государственном уровне меры по предотвращению инфекции сказались на всех сферах жизни включая и сферу права, которая в соответствии с возникших вариантов судебных решений. Именно об этих вариантах и примерах правоприменения мы попробуем поразмышлять. В этом случае лучше рассмотреть эти вопросы в соответствии с ходом рассмотрения дела.

1. Возбуждение дела о банкротстве после введения моратория.

Как известно в соответствии с п. 2.1 ст. 7 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве) право на обращение в арбитражный суд с заявлением о признании должника банкротом возникает при условии предварительного, не менее чем за пятнадцать календарных дней до обращения в арбитражный суд, опубликования уведомления о намерении обратиться с заявлением о признании должника банкротом путем включения его в Единый федеральный реестр сведений о банкротстве сведения о лицах (далее — ЕФРСБ).

В период действия моратория уведомление кредитора о намерении обратиться с заявлением о признании должника банкротом, внесенное в ЕФРСБ в период действия моратория, не подлежит размещению в сети «Интернет» до окончания срока действия моратория в случае отнесения должника к лицам, на которых распространяется действие моратория. Данные действия осуществляет АО «Интерфакс» как оператор ЕФРСБ.

По смыслу абзаца 2 п. 2 ст. 9.1 Закона о банкротстве АО «Интерфакс» получает сведения о лицах, включенных в перечень лиц, на ко-

торых распространяется действие моратория от Федеральной налоговой службы РФ, которая, в свою очередь, осуществляет формирование реестра таких лиц и его актуализацию.

Вместе с тем, к данному механизму возникает несколько вопросов. Размещение уведомлений о намерении обратиться с заявлением в ЕФРСБ является платной услугой, которая регулируется нормами Гражданского кодекса РФ¹ (далее — ГК РФ), плата вносится в момент обращения кредитора к оператору ЕФРСБ, следовательно, возникает вопрос вправе ли оператор ЕФРСБ отказать кредитору в размещении уведомления на том основании, что должник входит в перечень лиц, на которых распространяется действие моратория? При наличии такого отказа обязан ли оператор возвратить денежные средства, либо данные денежные средства остаются у оператора?

Ответ на данные вопросы будет утвердительный. Оператор ЕФРСБ вынужден будет отказать в размещении уведомления в связи с мораторием и обязан будет возвратить оплату.

Но, по нашему мнению, возможен иной вариант действий оператора. Кредиторы направляют оператору ЕФРСБ уведомления о намерении обратиться с заявлением о признании должника банкротом. Оператор принимает данные уведомления и формирует в отношении каждого должника некую календарную картотеку уведомлений кредиторов, которые оператор публикует после окончания действия моратория в порядке их поступления.

В таком случае лицо, направившее первым уведомление о намерении обратиться с заявлением о банкротстве должника, будет являться первым в реестре заявителей, направивших уведомление оператору ЕФРСБ, а значит после окончания действия моратория и публикации ранее направленных уведомлений в силу п. 2.1 ст. 7 Закона о банкротстве у такого лица возникло право на обращение в суд с заявлением о признании должника банкротом, и такое лицо будет заявителем по делу о банкротстве². Заявления остальных кредиторов, направивших уведомления, будут рассматривать как заявления о вступлении в то же дело о банкротстве.

Такой порядок представляется логичным, поскольку избегает ситуации, при которой после прекращения действия моратория, кредиторы будут соревноваться в скорости публикации уведомлений о намерении обратиться с заявлением о банкротстве, и нивелирует последу-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ.

² Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда РФ от 12 марта 2019 г. № 301-ЭС18-23938 по делу № А11-10011/2018.

ющие споры кредиторов о том, кто будет являться заявителем в деле о банкротстве.

Также норма ст. 9.1 Закона о банкротстве разъясняет, что в случае, когда на момент введения моратория в ЕФРСБ уже опубликовано уведомление кредитора намерении обратиться с заявлением о признании должника, такое уведомление не предоставляет кредитору право на подачу в арбитражный суд заявления о признании должника несостоятельным (банкротом) в течение срока действия моратория, и далее указано, что со дня начала действия моратория сведения, содержащиеся в таком уведомлении, утрачивают силу.

При этом Верховный суд РФ в обзоре по отдельным вопросам судебной практики № 2 от 30 апреля 2020 г.¹ указал, что после истечения срока действия моратория или после исключения должника из числа лиц, на которых он распространяется, кредитор до обращения в суд с заявлением о признании должника банкротом должен повторно направить уведомление о намерении обратиться с заявлением о банкротстве. Право на инициирование дела о банкротстве может быть реализовано кредитором по истечении пятнадцати календарных дней после опубликования повторного уведомления (вопрос 8).

В случае, если кредитор все-таки обратится в суд с заявлением о несостоятельности (банкротстве) должника в период действия моратория, либо до момента до даты введения моратория, вопрос о принятии которых не был решен арбитражным судом к дате введения моратория, то такое заявление подлежит возвращению арбитражным судом.

Вместе с тем, если заявление кредитора было принято до момента введения моратория, но вопрос об обоснованности не был рассмотрен судом, то суд не ограничен действием моратория, и вправе признать должника, включенного в перечень лиц, на которых распространяется действие моратория, несостоятельным (банкротом) и ввести процедуру наблюдения.

Из этого можно сделать вывод, что Закон признает исключительными возникновение признаков банкротства должника в связи с пандемией только с момента введения моратория. В случае если признаки несостоятельности возникли до момента введения моратория, то Закон считает, что такая несостоятельность возникла не в связи с пандемией, а значит на должника не распространяются мораторные меры поддержки. На наш взгляд такой подход не справедлив, поскольку не учи-

¹ *Обзор* по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2, утв. Президиумом Верховного суда РФ 30 апреля 2020 г.

тывают интересы должников, которые ощутили влияние пандемии и ее последствия за долго до издания постановления Правительства РФ о введении моратория.

Вместе с тем, Верховный суд РФ в обзоре по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1 от 21 апреля 2020 г.¹ указал, что достаточным основанием для возврата арбитражным судом заявления кредитора о признании должника банкротом является включение должника в перечень лиц, на которых распространяется мораторий. При этом для суда не имеют правового значения обстоятельства возникновения задолженности должника перед кредиторами (в том числе причины, по которым она возникла, связь с основанием для введения моратория), а также период ее возникновения.

Из этого следует, что суды будут формально подходить к вопросу о возбуждении дела о несостоятельности (банкротства), проверяя входит ли должник в перечень лиц, подпадающий под мораторий, не анализируя возникло ли несостоятельность (банкротство) в результате пандемии или иных обстоятельств, не связанных с пандемией. Данный подход невозможно приветствовать, поскольку в ситуации, когда очевидно, что не платежеспособность должника возникла до введения моратория, дело о банкротстве не будет возбуждено, в результате должник необоснованно будет пользоваться мораторием, и защищаться от своих кредиторов.

Таким образом, нормы ст. 9.1 Закона о банкротстве вводит барьеры, препятствующие кредитору возбудить дело о несостоятельности (банкротстве) в отношении должника, входящего в перечень лиц, на которых распространяется действие моратория.

В дополнение, Поручением Правительства РФ от 18 марта 2020 г. предписано ФНС России, государственным корпорациям и федеральным органам исполнительной власти, имеющим подведомственные организации, отложить до 1 мая 2020 г. сроки подачи заявлений о банкротстве в отношении лиц, имеющих задолженность перед бюджетами бюджетной системы РФ, государственными корпорациями, федеральными органами исполнительной власти и подведомственными им организациями в случаях, если по ним ранее не возбуждено дело о банкротстве (п. 4).

¹ *Обзор* по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1, утв. Президиумом Верховного суда РФ 21 апреля 2020 г.

Необходимо обратить внимание, что Правительство РФ вводит ограничение на подачу заявлений не только в отношении компаний подпадающие под действие моратория, но и в отношении всех должников. Однако, несмотря на то, что мораторий введен на 6 мес., вышеуказанная мера действует только 27 дней.

Тем не менее, должник, в отличие от кредиторов, вправе обратиться в суд с заявлением о банкротстве собственной организации.

При этом, должник находящийся под мораторием обладает правом, но не обязанностью обращаться с заявлением о самобанкротстве, поскольку согласно подп. 1 п. 3 ст. 9.1 Закона о банкротстве на срок действия моратория в отношении должников приостанавливаются обязанности должника и иных лиц, предусмотренные с. 9 и п. 1 ст. 213.4 Закона о банкротстве. По нашему мнению, данная норма создает возможности для злоупотребления правом со стороны должников, поскольку в случае, если должник имеет признаки не платежеспособности, последний, с высокой долей вероятности будет накапливать долги перед иными кредиторами в отсутствие каких-либо стимулов для обращения в суд о самобанкротстве.

Таким образом, из порядка возбуждения дела мы видим, что Закон о банкротстве предоставляет должнику временной период с целью восстановить свою платежеспособность и исполнить свои обязательства перед кредиторами, а кредиторов стимулирует договариваться с должниками, находить возможности для реструктуризации задолженности, а не использовать возбуждение дела о несостоятельности (банкротстве) как ординарный вариант принудительного исполнения судебного решения.

2. Последствия введения моратория.

Пункт 3 ст. 9.1 Закона о банкротстве предусматривает ряд мер в отношении должников:

— приостанавливаются обязанности должника и иных лиц, по подаче заявления должника в арбитражный суд о банкротстве;

— не допускаются удовлетворение требований учредителя (участника) должника о выделе доли (пая) в имуществе должника в связи с выходом из состава его учредителей (участников), выкуп либо приобретение должником размещенных акций или выплата действительной стоимости доли (пая);

— не допускается прекращение денежных обязательств должника путем зачета встречного однородного требования, если при этом нарушается очередность удовлетворения требований кредиторов;

— не допускается изъятие собственником имущества должника — унитарного предприятия, принадлежащего должнику имущества;

— не допускается выплата дивидендов, доходов по долям (паям), а также распределение прибыли между учредителями (участниками) должника;

— не начисляются неустойки (штрафы, пени) и иные финансовые санкции за неисполнение или ненадлежащее исполнение денежных обязательств и обязательных платежей, за исключением текущих платежей;

— не допускается обращение взыскания на заложенное имущество, в том числе во внесудебном порядке;

— приостанавливается исполнительное производство по имущественным взысканиям по требованиям, возникшим до введения моратория (при этом не снимаются аресты на имущество должника и иные ограничения в части распоряжения имуществом должника, наложенные в ходе исполнительного производства).

Остановимся на некоторых из них.

Приостановление обязанности должника и иных лиц, по подаче заявления должника в арбитражный суд о банкротстве при ближайшем рассмотрении выглядит как эффективная мера, способствующая должнику, без оглядки на возможность привлечения к его ответственности, реализовать собственный план по выводу организации из кризисного состояния.

Однако, в предмет доказывания по спору о привлечении к субсидиарной ответственности за неподачу (несвоевременную подачу) заявления должника среди прочего входит среди прочего входят наличие обстоятельств, предусмотренных п. 1 ст. 9 Закона о банкротстве, и точная дата возникновения данных обстоятельств, с момента которых должник должен подать такое заявление.

Соответственно, если должник входит в «мораторный перечень» и у него возникли обстоятельства, предусмотренные п. 1 ст. 9 Закона о банкротстве до момента введения моратория, и кредитор докажет данный фактический состав, то мораторий не освободит руководителя должника и его контролирующих лиц от ответственности по обязательствам, которые возникли после истечения срока предусмотренным п. 2 ст. 9 Закона о банкротстве, т. е. возникшие уже в период действия моратория.

Кроме того, как уже ранее было отмечено в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 3 апреля 2020 г. № 428 «О введении моратория на возбуждение дел о банкротстве по заявлению кредиторов в отношении отдельных должников» в перечень лиц перечень лиц, на которых распространяется действие моратория включены системообразующие и стратегические предприятия и организации, соот-

ветственно, данные организации не праве распределять прибыль и выплачивать дивиденды своим акционерам.

Однако существует точка зрения, что данные меры применяются автоматически не ко всем организациям, подпадающим под мораторий, а только к тем организациям, которые являются должниками по смыслу абз. 3 ст. 2, п. 1 ст. 3 Закона о банкротстве, т. е. должник — индивидуальный предприниматель, или юридическое лицо, оказавшиеся неспособными удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей в течение трех месяцев с даты, когда они должны были быть исполнены.

Следовательно, в случае если, системообразующие и стратегические предприятие, либо иное юридическое лицо подпадающие под мораторий, не имеет задолженности, не исполненной в течение 3 мес., то ограничения, предусмотренные мораторием, в том числе запрет на выплату дивидендов не распространяются на такую организацию.

Подтвердить или опровергнуть данное утверждение сможет судебная практика, которая будет складываться уже после окончания действия моратория.

Также вызывает интерес приостановление исполнительного производства производство по имущественным взысканиям по требованиям, возникшим до введения моратория. Статья 39 и 40 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее — Закон об исполнительном производстве) не содержит как такого основания для приостановления исполнительного производства, так и не предусматривает какой субъект принимает решение о приостановлении исполнительного производства.

Однако подп. 4 п. 1 ст. 39 Закона об исполнительном производстве предусмотрено, что исполнительное производство подлежит приостановлению судом полностью или частично в иных случаях, предусмотренных федеральным законом. Поскольку приостановление исполнительное производство в период действия моратория, предусмотрено Законом о банкротстве, то такое приостановление возможно по решению суда.

Вместе с тем, вовлечение суда в процесс приостановления исполнительного производства, приведет к дополнительной нагрузке на судебную систему, а также не оперативному реагирования на необходимость приостановления производства, что в свою очередь, повлечет возникновению дополнительных споров между участниками исполнительного производства. Поэтому обоснованным выглядит приостановление исполнительного производства судебным приставом-исполнителем.

Также необходимо отметить, что Президиумом Верховного суда РФ утвержден обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1 от 21 апреля 2020 г., в котором суд отметил, что «законодатель предусмотрел в моратории приостановление исполнительного производства, но при этом допустил сохранение арестов (в отличие от процедуры наблюдения — абз. 4 п. 1 ст. 63 Закона о банкротстве) можно сделать вывод, что исполнительные листы могут выдаваться судом. При этом в ходе исполнительного производства по данным исполнительным листам допустимо совершение действий по ограничению распоряжением имуществом должника, предусмотренных законодательством об исполнительном производстве»¹.

Данное разъяснение направлено на создание условий исполнимости вынесенных решений, поскольку взыскатель, получив исполнительный лист, может предъявить исполнительный лист в службу судебных приставов и обеспечить исполнение своих требований в будущем путем наложения арестов на имущество или денежные средства.

Однако данная мера выглядит странной с точки зрения того, что мораторий является реабилитационной мерой направленной на восстановление платежеспособности должника, поскольку в условиях ограниченных ресурсов и наложенных арестов на имущество должник не сможет восстановить свое финансовое положение. Например, в период действия внешнего управления должник вправе произвести продажу части своего имущества в целях удовлетворения требования кредиторов (ст. 111 Закона о банкротстве), но при введении моратория должник не сможет реализовать часть своего имущества, так как на имущество будет наложены аресты, в результате мораторий как реабилитационная мера будет бессмыслен.

Вместе с тем, Верховный суд РФ в обзоре по отдельным вопросам судебной практики № 2 от 30 апреля 2020 г. указал, что введение в отношении должника моратория означает и невозможность получения взыскателем принудительного исполнения путем предъявления исполнительного документа непосредственно в банк (кредитную организацию)².

¹ *Обзор* по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1, утв. Президиумом Верховного суда РФ 21 апреля 2020 г.

² *Обзор* по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2, утв. Президиумом Верховного суда РФ 30 апреля 2020 г.

В результате Верховный суд РФ устраняет «пробел», действующий нормы ст. 9.1 Закона о банкротстве, и наделяет кредитные организации полномочиями по отказу в принятии к исполнению исполнительного документа в отношении должника подпадающего под действие моратория. Данными действиями суд подтверждает, что мораторий является реабилитационной процедурой, в период действия которой активы должника обладают иммунитетом от обращения взыскания.

В дополнение к иммунитету имущества, законодатель также ввел запрет на начисление неустойки (штрафы, пени) и иные финансовые санкции за неисполнение или ненадлежащее исполнение денежных обязательств и обязательных платежей, за исключением текущих платежей. В развитие данного положения в обзоре по отдельным вопросам судебной практики № 2 от 30 апреля 2020 г. Верховный суд РФ ввел запрет на начисление процентов за пользование чужими денежными средствами по ст. 395 ГК РФ, являющиеся мерой гражданско-правовой ответственности.

С учетом изложенного можно констатировать, что Верховный суд РФ предпринимает попытки придать мораторию реабилитационную направленность, и максимальным образом предоставить должнику защиту от кредиторов с целью восстановления своей платежеспособности.

Таким образом, меры, предложенные законодателем безусловно направлены на поддержку лиц, которые пострадали в результате чрезвычайных обстоятельств, однако исполнение данных мер вызовет на практике большие затруднения, и безусловно породит большое количество споров между хозяйствующими субъектами.

3. Сроки оспаривания сделок.

В соответствии со статьями 61.2 и 61.3 Закона о банкротстве сделка, совершенная должником в период от 3 лет до 1 месяца до момента принятия заявления о признании банкротом может быть признана арбитражным судом недействительной.

Подпункт 1 п. 4 ст. 9.1 Закона о банкротстве расширяет вышеуказанные периоды оспаривания сделок. Так в делах о банкротстве, возбужденных в течение трех месяцев после прекращения действия моратория в отношении должников, на которых он распространялся периоды исчисляются с даты введения моратория и включают в себя соответствующий период до введения моратория, период моратория, а также в течение одного года с момента прекращения действия моратория, но не позднее даты возбуждения дела о банкротстве.

Исходя из изложенной нормы максимальный период оспаривания сделок составляет:

- 3 года 9 месяцев по п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве;
- 1 год 9 месяцев по п. 1 ст. 61.2 Закона о банкротстве;
- 10 месяцев по п. 1. ст. 61.3 Закона о банкротстве.

Указанные сроки включают нормативный срок, установленный нормами Глава III.1, шестимесячный срок действия моратория, и период до момента возбуждения дела о банкротстве (в пределах 3 мес.).

Столь значительные периоды оспаривания сделок обусловлены тем, что в период действия моратория у кредиторов отсутствовала возможность для возбуждения дела о несостоятельности (банкротстве) должника, и мотивируют должника восстанавливать свою платежеспособность в период действия моратория, а не использовать мораторий в недобросовестных целях.

Таким образом, законодатель учел интересы кредиторов в случае возбуждения дела о несостоятельности (банкротстве) должника.

4. *Зарубежный опыт введения моратория на банкротство.*

Наряду с Российской Федерацией ряд Европейских государств ввели мораторий на возбуждение дел о банкротстве. Так в Федеративной республике Германия был принят закон «О временной приостановке обязанности подачи заявления о собственном банкротстве и ограничении ответственности органов управления в случае банкротства, вызванного пандемией COVID-19»¹. Из названия данного закона следует что данный закон, в отличие от российского, адресован в первую очередь лицам, пострадавшим от последствий пандемии. Однако в отличие от российского закона не устанавливает конкретный перечень лиц, к которым применяется мораторий, но выделяет два критерия для определения лица, к которому применяется мораторий:

- банкротство должника связано с последствиями распространения вируса COVID-19;
- имеются перспективы устранить существующую неплатежеспособность должника.

Также закон вводит презумпцию если должник не был неплатежеспособным до 31 декабря 2019 г., то предполагается, что банкротство обусловлено последствиями пандемии COVID-19 и имеется вероятность устранения существующей неплатежеспособности.

Нельзя не отметить, что германский закон в отличие от российского весьма точно определил круг лиц, кому необходима поддержка в виде моратория. Рассмотрим применение данного закона на следующем примере: у должника был единственный ресторан, который в результате пожара был полностью уничтожен, в результате должник стал

¹ Закон о моратории в Германии (перевод А. Шайдуллина) — URL: <https://bankruptclub.ru/2020/04/04/закон-о-моратории-германия> (дата обращения: 15.05.2021).

неплатежеспособным. По российскому закону такому должнику будет предоставлен мораторий, поскольку такой должник осуществляет мораторный вид деятельности, но в этот период у должника не будет никакой возможности восстановить свою платежеспособность, следовательно, мера поддержка в виде моратория для такого должника будет бессмысленна. По германскому закону такому должнику не будет предоставлена мера поддержки, поскольку он не отвечает вышеуказанным критериям.

По нашему мнению, российскому законодателю необходимо было пойти по аналогичному пути.

Вторым преимуществом германского закона, в отличие от российского закона является отказ от субординации требований участников (акционеров) должника. В частности, абз. 2 параграфа 2 закрепляет: «Возврат нового займа до 30 сентября 2023 г. предоставленного в период приостановления, и обеспечение по таким займам не считаются причиняющим вред кредиторам, указанное относится также к возврату займа участников (акционеров) и платежи по требованиям и правовым актам, которые экономически эквиваленты займам участников». При этом субординация не применяется к заявлениям о банкротстве, поданным до 30 сентября 2020 г.

В абз. 2 параграфа 2 закрепляет «предоставление займа (кредита) и обеспечения в течение периода приостановления не должны рассматриваться в качестве недобросовестных вкладов для целей оттягивания введения процедуры несостоятельности».

Данная мера безусловно необходима, поскольку в условиях экономического кризиса получить денежные средства от кредитных организаций будет практически невозможно, в результате единственным способом поддержать ликвидность должника будет финансовые вливания от учредителей (акционеров). Предоставление защиты таким инвестициями безусловно будет мотивировать учредителей (акционеров) предпринять все возможные меры к спасению должника.

Также закон предоставляет защиту сделкам по возврату денежных средств по займам (кредитам), предоставленным государственным банком и «его финансовыми» партнерами и другими институтами» в рамках государственной программы помощи в связи с пандемией. Аналогичный режим распространяется на всех иных лиц, за исключением тех, которым было известно, что санация и финансирование должника не позволят преодолеть неплатежеспособность должника.

Соответственно, германских закон в первую очередь защищает добросовестных кредиторов, не допуская злоупотребления правом со стороны иных лиц. К сожалению, российский закон не может похвастаться таким достижением. Более того, в случае возврата денежных

средств российским должником в рамках аналогичных сделок, скорее всего такие сделки будут признаны судом недействительными, поскольку либо нарушает права кредиторов, либо нарушает очередность удовлетворения требований кредиторов.

Третьим преимуществом германского закона является сокращенный период запрета для кредиторов на подачу заявлений о банкротстве, это период с 28 марта по 28 июня 2020 г., и далее закон добавляет если основания для открытия процедуры банкротства возникли до 1 марта 2020 г., то суд может возбудить такое дело.

Данной мерой германский закон находит баланс между интересами должника и кредиторами. При этом закон, в отличие от российского закона, предоставляет кредитору возможность доказать, что должник не отвечает вышеуказанным мораторным критериями и в отношении него необходимо возбудит дело о банкротстве.

Таким образом, германский закон имеет ряд преимуществ и в первую очередь направлен на восстановление ликвидности должника, и мотивировании всех участников экономического оборота различными способами восстановить платежеспособность должника.

В заключении все-таки хочется сказать, что законодатель своевременно среагировал на быстрое изменение экономической ситуации вызванной пандемией, и попытался комплексно подойти к поддержке хозяйствующих субъектов, путем введения моратория на банкротство. По замыслу законодателя мораторий является реабилитационной процедурой, в течении которой должнику предоставляется иммунитет имуществу должника от требований кредиторов как в исполнительном производстве, так и в ходе процедуры возбуждения дела о несостоятельности (банкротстве), а также предоставляется отсрочка и рассрочка в исполнении требований кредиторов.

Однако закон предоставляет такую поддержку определенным лицам, круг которых установлен административно, что в свою очередь, порождает ситуацию при который должник пострадавший от последствий пандемии, но не входящий в список привилегированных субъектов, не получит поддержку в виде моратория о банкротстве, что не справедливо и не соответствует цели введения моратория, либо обратную ситуацию, когда поддержка предоставляется субъекту, которому она не нужна (стратегические предприятия). Также скорость принятия закона повлекла возникновению противоречий, в частности в исполнительном производстве, где должник освобожден от обращения взыскания на свое имущество, но не освобожден от арестов имущества, препятствующие восстановлению платежеспособности должника.

Более того, российский закон в отличии от германского отставляет должника один на один со своими проблемами, и никаким либо об-

разом не мотивирует учредителей (акционеров) спасти должника, а напротив вводя длительные сроки оспаривания сделок, наводит последних на мысль отстраниться от должника.

В настоящий момент Верховный суд РФ через обзоры практики пытается устранить «пробелы», допущенные законодателем, но уместно ли ему это, покажет только время.

В итоге воспользоваться мерой поддержки в виде моратория на банкротство сможет воспользоваться малое число предприятий, а после окончания моратория стоит ожидать огромный «вал» дел, возбужденных в отношении мораторных должников, а значит дальнейшее разрушение экономики. Это явно не тот результат, к которому стремился законодатель.

Г. Г. Жамалова, Ф. Х. Айматова

Ташкентский государственный экономический университет,
г. Ташкент, Республика Узбекистан

Актуальные проблемы юридической ответственности в цифровой среде

Аннотация. Статья посвящена вопросам привлечения к юридической ответственности в период цифровой трансформации экономики. Авторы отмечают, что в то время как развивающиеся и появляющиеся цифровые технологии с огромной пользой служат потребностям правительств, предприятий и отдельных лиц, непредвиденные последствия их использования могут быть вредными. Рассматриваются различные аспекты безопасности новой технологической сферы с точки зрения юридической ответственности.

Ключевые слова: информационная безопасность; цифровое развитие; юридическая ответственность; административная ответственность.

Искусственный интеллект (ИИ), робототехника, беспилотные автомобили, цепочка блоков, интернет вещей (IoT) — даже для нетехнических специалистов в последние годы было трудно не слышать об этих новых цифровых технологиях (EDT), учитывая, как во многом они доминировали в публичных дебатах. Эти модные слова означают еще один скачок вперед и процветание с еще одной промышленной революцией. Хотя последнее, безусловно, уже в пути, мы все еще находимся в начале этой трансформации, и нам предстоит еще много исследований и разработок. В то же время неоспоримая неопределенность в отношении потенциальных рисков, связанных с такими новыми технологиями, заставила многих усомниться, по крайней мере, в темпах этого развития, если не в целом.

Описанные проблемы показывают, что несколько конфликтующих прав, непосредственно связанных с созданием, управлением и сохранением данных, записей и архивов, находятся под угрозой в цифровой среде: право на прозрачность и секретность, право на доступ и конфиденциальность, право на знания и экономическую выгоду, право на распространение своей работы и на ее целостность, право на память и право быть забытым, право на сохранение своего наследия и право на забвение.

В соответствии с Отчетом об ответственности за искусственный интеллект и другие новые цифровые технологии, в котором подробно излагаются выводы Экспертной группы по ответственности и новым технологиям, есть следующие основные выводы о том, как следует разрабатывать и, при необходимости, изменять режимы ответственности, чтобы адаптироваться к этой развивающейся области цифровых технологий. Рассмотрим некоторые из них.

1. Если конкретная технология увеличивает сложность доказательства наличия элемента ответственности сверх того, что можно разумно ожидать, потерпевшие должны иметь право на содействие в доказывании.

2. Новейшие цифровые технологические процессы должны иметь функции ведения журналов, где это целесообразно в данных условиях, и невозможность ведения журнала или предоставления разумного доступа к зарегистрированным данным должна привести к переводу бремени доказывания, чтобы не наносить ущерб жертве.

3. Уничтожение данных жертвы следует рассматривать как ущерб, подлежащий компенсации при определенных условиях.

4. Нет необходимости предоставлять устройствам или автономным системам статус юридического лица, поскольку вред, который они могут причинить, может и должен относиться к существующим лицам или организациям [1].

В связи со стремительным развитием информационных технологий и глобальной сети Интернет увеличиваются факторы риска. Прежде всего, неизбежно растет интернет-зависимость общества от информационных технологий, что в свою очередь обуславливает его уязвимость к различным видам информационных посягательств. А также с увеличением численности пользователей всемирной сети Интернет возрастает потенциальная возможность стать жертвой применения информационных технологий в противозаконных действиях.

Согласно тематическому докладу Комиссии Совета Европы по правам человека «Верховенство закона в Интернете», вопрос об обеспечении верховенства закона в сети Интернет и в более широком цифровом мире является одним из самых актуальных на сегодняшний

день. «В эпоху „больших данных,, (когда данные о наших действиях передаются и (или) используются в совокупной форме) и интернета вещей (когда все больше и больше физических объектов — вещей — общаются через интернет) становится все труднее обеспечить настоящую анонимность: чем больше данных доступно, тем легче становится идентифицировать человека. Более того, интеллектуальный анализ больших данных все более изощренными способами приводит к созданию профилей»¹. Как видно, чтобы защитить данные, установленные по каждому человеку, Европейская комиссия в качестве пути решения вопроса определила необходимость неукоснительного соблюдения принципа верховенства закона. Конвенция о защите частных лиц в отношении автоматической обработки персональных данных (Конвенция № 108) определяет, каким образом должно обеспечиваться соблюдение общих требований законодательства о правах человека в контексте обработки персональных данных².

Следует отметить, что правонарушения, совершаемые в сети «Интернет», не требуют особых усилий и затрат, глубоких технических познаний. Злоумышленникам достаточно иметь компьютер, программное обеспечение и подключение к информационной сети. Новые коммуникационные технологии открывают беспрецедентные возможности для улучшения доступа к информации, а технология может улучшить связь и предоставить доступ для тех, кто находится в неблагоприятном положении из-за удаленности или экономических обстоятельств [2]. В связи с этим система информационной ответственности будет выгодна с точки зрения закона.

Различные, но не менее важные проблемы возникают из-за того, что отдельные лица и организации, большие и малые, все больше увлекаются соблазном облачных вычислений к многочисленным преимуществам, которые они предлагают. Масштабируемые, гибкие, эффективные вычислительные ресурсы по требованию означают, что электронную почту, фотографии, документы, записи и архивные фонды можно легко хранить и обмениваться ими через, казалось бы, бесконечное количество размещенных веб-приложений, а также что сложное программное обеспечение, платформы и инфраструктура доступны для экономных и ограниченных технологических ресурсов.

¹ *Верховенство права* в интернете и в остальном цифровом мире: тематический доклад, опубликованный Комиссаром Совета Европы по правам человека. Основные положения доклада и рекомендации Комиссара. — URL: <https://rm.coe.int/16806da6be> (дата обращения: 01.05.2021).

² *Конвенция* о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных (заключена в г. Страсбурге 28 января 1981 г.).

Библиографический список

1. *Дуранти Л.* Доверие и конфликтные права в цифровой среде. — М.: БКИ, 2012. — 120 с.
2. *Полякова Т. А., Савенкова Д. Д.* Актуальные проблемы юридической ответственности в сфере обеспечения информационной безопасности (понятие, основания возникновения, виды) // Вестник Южно-уральского государственного университета. Серия: Право. — 2018. — Т. 18, № 3. — С. 88–94.

М. А. Задорина

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Цифровизация здравоохранения и ее влияние на конституционное право на охрану здоровья и медицинскую помощь

Аннотация. Статья посвящена вопросам внедрения цифровых технологий в сфере здравоохранения. Особое внимание уделяется проблемам цифровой трансформации здравоохранения. Сформулированы предложения по цифровизации процесса реализации конституционного права на охрану здоровья и медицинскую помощь. Автор приходит к выводу о том, что дополнительным импульсом для цифровой трансформации системы здравоохранения послужила пандемия коронавируса COVID-19, создав предпосылки для перехода на электронные прививочные сертификаты.

Ключевые слова: здравоохранение; право на охрану здоровья; медицинская помощь; цифровая трансформация; пандемия; цифровые технологии; прививочный сертификат.

В соответствии с ч. 1 ст. 41 Конституции Российской Федерации каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь¹. В соответствии с ч. 2 ст. 18 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» право на охрану здоровья обеспечивается за счет оказания доступной и качественной медицинской помощи, что становится возможным только при условии создания эффективно функционирующей системы здравоохранения, отвечающей потребностям государства, общества и личности в укреплении и сохранении здоровья.

Необходимо отметить, что система здравоохранения наряду с системой образования чаще остальных подвергаются разного рода преобразованиям и реформам [2]. При этом именно на систему здраво-

¹ Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.

охранения пришлось «основной удар» начавшейся в 2020 г. пандемии коронавируса COVID-19. Первые месяцы распространения этого заболевания в России показали важность развития цифровых технологий и сервисов для улучшения качества предоставления медицинских услуг и оказания медицинской помощи. В своем Указе от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г.» Президент РФ В. В. Путин в качестве одной из таких целей определил «Цифровую трансформацию» применительно к различным отраслям экономики и социальной сферы. В частности, он указал на необходимость достижения «цифровой зрелости» здравоохранения, а также и увеличения доли массовых социально значимых услуг, доступных в электронном виде¹.

В рамках настоящей статьи остановимся подробнее на некоторых проблемах, связанных с внедрением цифровых технологий в сфере здравоохранения.

На сегодняшний день каждому гражданину доступна возможность в электронном виде записаться на прием к врачу через официальный портал государственных услуг², региональные или муниципальные порталы медицинских услуг. Однако проблем с записью не возникает только при желании посетить терапевта. Запись к узким специалистам зачастую в электронном виде не проводится. Причиной этого служит то обстоятельство, что посещение профильных специалистов возможно только после приема терапевта и выдачи им направления к конкретному врачу. Кроме того, если такой врач работает на долю ставки, то талоны к нему в электронном виде не выдаются вообще, их выдача осуществляется в регистратуре медицинской организации в рамках «живой очереди».

Следует заметить, что в настоящее время из-за пандемии внедрена электронная система записи на вакцинацию от COVID-19. Так, например, можно записаться на прививку через Официальный портал государственных услуг. Для этого необходимо заполнить заявление с указанием основных сведений о себе, выбрать пункт вакцинации, а также время посещения. Однако на практике записаться на желаемое время удается не всегда. В большинстве случаев лица, желающие поставить прививку, вынуждены вставать в лист ожидания и ждать извещения о ближайшем возможном времени проведения вакцинации. Период ожидания извещения составляет несколько дней, а период ожидания вакцинации — до двух недель. Вместе с тем при посещении выбранного пункта в указанные в извещении дату и время гражданам

¹ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г.: указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474.

² Госуслуги. — URL: <https://www.gosuslugi.ru> (дата обращения: 12.04.2021).

приходится ждать вакцинации в условиях живой очереди (в среднем от 45 минут). При этом если человек забыл принести прививочный сертификат или не подал его врачу, запись о полученной прививке в него не вносится. Сведения о вакцинации сохраняются на Официальном портале государственных услуг, который позволяет распечатать справку о пройденной вакцинации. Полагаем, что это первый шаг в направлении перехода на электронные прививочные сертификаты.

Важно отметить, что врачи при осуществлении приема пациентов обязаны заполнять его медицинскую карту не только в бумажном виде, но и дублировать информацию о приеме в специальной информационной системе медицинского учреждения. Однако в случае потери медицинской карты пациента медицинские организации записи о посещении специалистов при помощи этой информационной системы не восстанавливают, а заводят новую карту без единой записи. При этом в случае неоднократного посещения одного и того же специалиста, к сведениям из этой информационной системы (особенно если между посещениями прошло больше года) он, как правило, не обращается. Возникает вопрос о целесообразности ведения такой информационной системы, если на ее заполнение тратится время, а сведения из этой системы потом не используются. Исключения составляют частные медицинские организации, которые могут даже полностью вести карты пациентов в электронном виде и при приеме обращаться к сведениям из соответствующих информационных систем.

Все это негативно сказывается на возможности реализации одного из основных социальных прав личности — права на охрану здоровья и медицинскую помощь [1, с. 51], которое выступает гарантом реализации всех иных прав в целом [3, с. 151]. В связи с этим в рамках цифровой трансформации здравоохранения представляется необходимым обеспечить возможность осуществления записи к любому врачу в электронном виде, независимо от условий его работы, а также и возможность записи на получение любой прививки, не только от COVID-19, внедрить электронный прививочный сертификат. Кроме того, необходимо повысить функциональность используемых в медицинских организациях информационных систем, чтобы у каждого врача была возможность обратиться к записям о предыдущих приемах пациента, независимо от того, имеется ли медицинская карта в бумажном виде или нет. Названные преобразования будут способствовать цифровизации процесса реализации конституционного права на охрану здоровья и позволят расширить возможности каждого человека на получение доступной и качественной медицинской помощи.

Подводя итог, следует сказать, что за последние несколько лет процессы цифровизации охватили в той или иной мере все сферы жиз-

недеятельности российского общества, включая здравоохранение. Дополнительным импульсом для цифровой трансформации системы здравоохранения послужила пандемия коронавируса COVID-19. Вместе с тем для обеспечения возможности реализации конституционного права на охрану здоровья и медицинскую помощь предстоит решить еще немало проблем, связанных с внедрением и использованием цифровых технологий в здравоохранении.

Библиографический список

1. Банникова И. Г. Право на охрану здоровья и медицинскую помощь: содержание и историческая ретроспектива // Вестник Пензенского государственного университета. — 2014. — № 2 (6). — С. 51–55.

2. Задорова М. А. Цифровизация процесса реализации конституционного права на образование в России // Проблемы взаимодействия публичного и частного права при регулировании цифровизации экономических отношений: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 17 ноября 2020 г.). — Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2020. — С. 36–40.

3. Пащенко И. Ю. Право на охрану здоровья и медицинскую помощь в системе социальных прав человека и гражданина // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. — 2016. — № 10. — URL: <http://wwenews.esrae.ru/pdf/2016/10/600.pdf> (дата обращения: 12.04.2021).

В. Г. Истомина

Институт философии и права

Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург

Правовые формы взаимодействия государства и частного бизнеса в сфере охраны окружающей природной среды

Аннотация. В статье кратко характеризуются возможные направления взаимовыгодного сотрудничества государства и хозяйствующих субъектов в области экологии, существующие как в России, так и за рубежом, в том числе продажа прав на загрязнение, экологические ценные бумаги, торги, связанные с решением природоохранных задач, государственно-частное партнерство в указанной сфере.

Ключевые слова: экологическая ситуация; правовое регулирование; разрешения на загрязнение; «зеленые» облигации; экологические торги; государственно-частное партнерство.

Проблема противодействия загрязнению окружающей среды и минимизации уровня антропогенного воздействия на природу, особенно со стороны крупных промышленных предприятий и мегаполи-

сов, в настоящее время стоит достаточно остро не только в России, но и во всем мире. Генеральной Ассамблеей ООН 25 сентября 2015 г. была принята резолюция «Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.», где были сформулированы определенные цели глобального характера, которые должны учитываться государствами — членами ООН при разработке внутренних планов и программ стратегического развития. Среди указанных целей названы: обеспечение открытости, безопасности, жизнестойкости и экологической устойчивости городов и населенных пунктов; обеспечение перехода к рациональным моделям потребления и производства; защита и восстановление экосистем суши и содействие их рациональному использованию, рациональное лесопользование, борьба с опустыниванием, прекращение и обращение вспять процесса деградации земель и прекращение процесса утраты биоразнообразия¹.

Изучение общественного мнения в нашей стране также показывает, что граждане осознают серьезность существующих экологических проблем и необходимость принятия мер по их разрешению. Так, согласно исследованиям Высшей школы экономики 94 % россиян считают, что экологическая проблема в стране является острой, еще 5 % признают, что она есть, но считают ее неважной, а 1 % респондентов полагают, что в их регионе такой проблемы нет². При этом исследователи отмечают, что на долю России приходится примерно 17,4 % мировых выбросов парниковых газов. Энергоемкость российской экономики в 1,9 раза выше среднемировой, вдвое превышает уровень США и втрое — ведущих стран Европы [8, с. 55]. В этих условиях перед нашим государством стоит непростая задача не только обеспечить поступательное экономическое развитие и рост производства, но и не допустить ухудшения экологической ситуации и более того — добиться серьезных позитивных результатов в решении экологической проблемы. Важным ориентиром при формировании государственной политики в сфере охраны окружающей среды должны выступать положения ст. 42 Конституции Российской Федерации³ (далее — Конституция РФ),

¹ *Преобразование* нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.: резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 25 сентября 2015 г. — URL: https://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/70/1&Lang=R (дата обращения: 30.04.2021).

² «Плохая» или «критически плохая»? Россияне все больше обеспокоены состоянием экологии. — URL: <http://ekb.dk.ru/news/plohaya-ili-kriticheski-plohayarossiyane-vse-bolshe-obespekoyeni-sostoyaniem-ekologii-237119419> (дата обращения: 30.04.2021).

³ *Конституция* Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.

устанавливающие право каждого индивида на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением. Следует отметить, что в настоящее время на федеральном уровне принят ряд документов нормативного и программного характера, направленных на улучшение экологической обстановки и защиту окружающей среды от неблагоприятных воздействий. В частности, речь идет об указе Президента РФ от 19 апреля 2017 г. № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 г.», распоряжении Правительства РФ от 18 декабря 2012 г. № 2423-р «О плане действий по реализации Основ государственной политики в области экологического развития РФ на период до 2030 г.», национальном проекте «Экология», утвержденном президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам 24 декабря 2018 г. и ряде других. Указанные документы предполагают решение многочисленных задач природоохранного характера, демонстрируя заинтересованность государства в улучшении экологии и создании более благоприятных условий для проживания населения.

Так, например, национальный проект «Экология» предполагает ликвидацию всех выявленных на 1 января 2018 г. несанкционированных свалок в границах городов, уменьшение не менее чем на 20 % совокупного объема выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух в наиболее загрязненных городах, повышение качества питьевой воды для населения, экологическое оздоровление водных объектов, включая реку Волга, озера Байкал и Телецкое, внедрение «наилучших доступных технологий», направленных на предотвращение негативного воздействия на окружающую среду. Вместе с тем из предусмотренных на реализацию данного проекта 4,041 трлн р. большую часть планируется получить из внебюджетных источников, т. е. с привлечением средств частных инвесторов. Заинтересованность частного бизнеса в реализации экологических проектов может заключаться в том, что таким образом субъекты предпринимательства получают доступ к природным ресурсам, облегчаются процедуры оформления аренды, права пользования, собственности на ресурсы, снижаются политические риски [5, с. 80]. Также частный бизнес таким образом может получать и дополнительные государственные средства на поддержку внедрения инновационных, экологически более безопасных технологий производства и переработки продукции. В настоящее время в зарубежной и российской практике существуют разные формы взаимодействия государства и предпринимательских структур, направленные на реализацию различных проектов в сфере охраны окружающей

природной среды. К таковым можно отнести, прежде всего, продажу квот на загрязнение окружающей среды, экологические ценные бумаги, торги, связанные с защитой экологии, заключение соглашений о государственно-частном партнерстве либо концессионных соглашений, а также ряд других. Каждая из указанных форм взаимодействия имеет определенную специфику и порядок реализации. Так, в ряде зарубежных стран, прежде всего в США, достаточно хорошо развит рынок торговли квотами, правами на загрязнения (marketable waste-discharge permits). Там широко используется политика компенсации выбросов, заключающаяся в том, что компания, сократившая выбросы, приобретает «право на выброс» в виде лицензии, которую можно продать другой компании (например, планирующей открыть завод в данном районе), нуждающейся в разрешении на эмиссию своих загрязнений. При этом компания-продавец должна сократить выбросы на большую величину, чем та, на которую она продает лицензию [8, с. 58]. Это способствует получению прибыли компаниями, уменьшившими вредные выбросы. Кроме того, в ряде стран применяется и продажа разрешений на загрязнения с аукциона, что дает возможность государству привлекать дополнительные средства для проведения природоохранных мероприятий. В России такого рынка в настоящее время не сложилось по различным причинам, в том числе и в связи с существованием в теории российского права общего принципа неотчуждаемости лицензионных прав, получившего выражение в ряде норм законодательства. В частности, в п. 3 ст. 559, п. 2 ст. 656 Гражданского кодекса РФ¹ (далее — ГК РФ).

Сегодня во многих странах мира получила распространение практика выпуска экологических ценных бумаг, чаще всего в виде так называемых «зеленых» облигаций («green» bonds). Они представляют собой эмиссионные долговые ценные бумаги, доходы от которых должны быть направлены на реализацию экологического проекта [4, с. 45]. Первую эмиссию «зеленых» облигаций на сумму в 600 млн евро в 2007 г. осуществил Европейский инвестиционный банк, являющийся международной финансовой организацией, созданной в рамках Европейского Союза для территориального и отраслевого развития. В настоящее время рынок «зеленых» облигаций продолжает развиваться и на середину декабря 2020 г. мировой объем выпуска этих облигаций составил, по различным оценкам, 1,002 трлн долл. США [6, с. 8]. Следует отметить, что эмитентами таких облигаций могут выступать как публично — правовые образования, так и международные финансовые органи-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 2 от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ.

зации, субъекты, осуществляющие предпринимательскую деятельность. Важным является то, что средства, полученные от размещения «зеленых» облигаций, должны быть направлены на внедрение экологически чистых технологий, уменьшение энергоемкости производства, модернизацию очистных сооружений, решение других экологически ориентированных вопросов. Для стимулирования эмиссии коммерческими организациями подобных облигаций им со стороны государства может оказываться различная поддержка. Так, например, в Италии государство поддерживает развитие рынка «зеленых» облигаций путем предоставления государственных гарантий для повышения кредитного рейтинга эмитента и снижения ему процентной ставки по кредитам, а также создания специальной технологической платформы «Minibond market» для развития рынка облигаций [7, с. 390–391]. В России также делаются определенные шаги в направлении государственной поддержки экологического инвестирования. В соответствии с постановлением Правительства РФ от 30 апреля 2019 № 541 «Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета российским организациям на возмещение части затрат на выплату купонного дохода по облигациям, выпущенным в рамках реализации инвестиционных проектов по внедрению наилучших доступных технологий, и (или) на возмещение части затрат на уплату процентов по кредитам, полученным в российских кредитных организациях, а также в международных финансовых организациях, созданных в соответствии с международными договорами, в которых участвует Российская Федерация, на реализацию инвестиционных проектов по внедрению наилучших доступных технологий», предусмотрено предоставление субсидий из федерального бюджета российским организациям на возмещение части затрат на выплату купонного дохода по облигациям, выпущенным ими, если привлекаемые организацией заемные средства пойдут на решение экологических проблем путем внедрения на объектах, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду, наилучших доступных технологий. Следует отметить, что данное направление привлечения средств частных инвесторов для решения экологических проблем представляется перспективным, однако необходимо дальнейшее развитие правовой базы подобного инвестирования в целях расширения сферы его применения.

Также одной из возможных форм взаимодействия публично-правовых образований и предпринимательских структур в сфере охраны окружающей среды является организация и проведение торгов, направленных на решение экологических проблем. Конечно, в качестве организаторов торгов в области экологии могут выступать и частные компании. Подобные торги проводятся как в форме аукциона, так

и в форме конкурса. В литературе отмечается, что последние пять лет рынок электронных торгов в области экологии развивается все нарастающими темпами. Вместе с тем не существует единых требований к размещению закупок на негосударственных площадках, что приводит к проблеме неограниченности количества способов размещения, оформления и проведения закупок [3, с. 70–71]. Однако стоит отметить, что общие требования к организации и проведению торгов как на государственных, так и на негосударственных площадках установлены ст. 447–449.1 ГК РФ, а также ст. 17 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции». Надзор за соблюдением антимонопольного законодательства при проведении торгов осуществляется Федеральной антимонопольной службой, обладающей властными полномочиями по защите нарушенных прав их участников [2].

Одним из получающих все большее распространение направлений совместной деятельности государства и частного бизнеса по решению экологических проблем является заключение соглашений о государственно-частном партнерстве и концессионных соглашений. Само понятие государственно-частного партнерства в литературе трактуется по-разному. Иногда к нему предлагается относить весь спектр взаимодействия власти и бизнеса, нацеленный на решение глобальных и локальных задач социально-экономического развития [9]. Вместе с тем существует законодательное определение государственно-частного партнерства, закрепленное в ст. 3 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в РФ и внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» (далее — Закон о государственно-частном партнерстве), согласно которой под ним понимается юридически оформленное сотрудничество публичного и частного партнеров, основанное на объединении ресурсов и распределении рисков и возникающее на основании соглашения, заключенного в соответствии с этим Федеральным законом. Правовой режим концессионных соглашений определен Федеральным законом от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» (далее — Закон о концессионных соглашениях). В соответствии со ст. 7 Закона о государственно-частном партнерстве и ст. 4 Закона о концессионных соглашениях к объектам соглашения о партнерстве либо концессионного соглашения в числе прочих могут относиться гидротехнические сооружения, объекты, на которых осуществляются обработка, утилизация, обезвреживание, размещение твердых коммунальных отходов, объекты, используемые для организации отдыха граждан и туризма, объекты благоустройства территорий. Поэтому данные нормы позволяют использовать механизм государственно-частного партнерства либо концессионного со-

глашения в целях защиты окружающей среды. В качестве примеров такого использования в литературе называется модернизация мусороперерабатывающего завода в Москве, завод по переработке твердых бытовых отходов в Санкт-Петербурге, мусоросортировочный комплекс в Нижегородской области, комплекс по переработке и утилизации твердых бытовых отходов в Саратовской области и ряд других. Вместе с тем отмечается, что современная правовая база государственно-частного партнерства не позволяет в полной мере раскрыть его потенциал в решении экологических проблем. Так, ни в определении государственно-частного партнерства, ни в указанных в законодательстве принципах его осуществления интересы экологии никак не фигурируют [1, с. 80–82]. Отмеченное замечание в целом можно признать обоснованным и в качестве одного из принципов осуществления государственно-частного партнерства и концессионной деятельности закрепить охрану окружающей природной среды.

Представляется, что улучшение экологической обстановки является той целью, в достижении которой имеется общая заинтересованность как государства, так и общества в целом. При этом объединение усилий государственных органов и предпринимательских структур будет способствовать скорейшему ее достижению.

Библиографический список

1. *Баев В. Г., Калинина И. А.* Реализация задач экологической политики в рамках государственно-частного партнерства как фактор устойчивого развития России // *Российский журнал правовых исследований.* — 2017. — № 4 (13). — С. 76–85.

2. *Истомин В. Г.* Юридическая сущность и проблемы реализации отдельных полномочий антимонопольного органа по защите прав и законных интересов участников торгов // *Конкурентное право.* — 2015. — № 1. — С. 40–43.

3. *Коваленко В. Н., Савченко А. П.* Проблемы развития электронных торгов в области экологии // *Проблемы становления общества и экономики, основанные на знании: неоиндустриализация и методы исследования: сб. науч. ст. молодых исследователей.* — Краснодар: КГУ, 2016. — С. 69–73.

4. *Косов М. Е., Рогова Т. М., Зотов А. Е.* Правовой режим зеленых облигаций // *Вестник экономической безопасности.* — 2020. — № 6. — С. 44–49.

5. *Пахальчак Г. Ю.* О перспективах развития механизмов государственно-частного партнерства в экологической сфере // *Дискуссия.* — 2013. — № 9 (39). — С. 77–84.

6. *Прохоров В. В.* Использование механизмов государственно-частного партнерства при реализации экологических проектов // *Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского государственного аграрного университета.* — 2020. — № 4 (18). — С. 3–14.

7. Раков И. Д. На пути к зеленой экономике: опыт Италии и Франции // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. — 2018. — № 11. — С. 389–397.

8. Седаш Т. Н. Экономические инструменты стимулирования природоохранной деятельности: анализ зарубежного опыта // Финансы и кредит. — 2015. — № 7. — С. 54–64.

9. Феоктистов К. С. Тенденции взаимодействия власти и бизнеса в отечественной экономике // Экономика и бизнес: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. — Новосибирск: ЦРНС, 2011. — С. 18–19.

О. А. Кожевников

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург;
Уральский государственный юридический университет, г. Екатеринбург

Цифровизация и конституционные права граждан: новые грани взаимодействия

Аннотация. Статья посвящена вопросам развития российского общества, научно-технического прогресса, цифровых технологий, которые не могли не сказаться на обновлении содержания конституционных прав граждан и их объединений, а также механизмов их реализации. Автором на основе исследования нормативной базы приведены примеры воздействия цифровых процессов на механизм реализации отдельных конституционных прав граждан. Сделан вывод о необходимости нормативного обеспечения и развития «проникновения» цифровых технологий и процессов в механизм реализации конституционных прав граждан и их объединений.

Ключевые слова: цифровизация; Конституция России; конституционные права и свободы; информационные технологии; пандемия коронавируса.

Динамика развития современного российского общества неразрывно связана с цифровыми процессами и технологиями. Российская Федерация, подписав Окинавскую Хартию глобального информационного общества¹, подтвердила свою решимость в формировании и развитии государственной политики в области развития интернет-технологий в стране, внедрение информационно-коммуникационных технологий в механизмы реализации и обеспечения конституционных прав граждан и их объединений в целях эффективного и поступательного развития российского общества и публично-властных структур.

Широкое внедрение информационных технологий в современную «матрицу» конституционно-правовых отношений неизбежно возлагает

¹ Окинавская хартия Глобального информационного общества, принята 21 июля 2000 г.

на юридическое сообщество обязанность формировать новые подходы к научному осмыслению и правовому обеспечению механизмов реализации и защиты прав граждан в целях адаптирования российского законодательства к формирующейся новой «цифровой» реальности [4].

Важность именно правового регулирования применения цифровых технологий в механизме реализации и защиты конституционных прав граждан оказались особенно актуальным в условиях продолжающихся угроз, связанных с пандемией коронавируса COVID-19, особенно, при решении задач дистанционного получения и проверки сведений и документов из различных источников в целях обеспечения конституционных гарантий прав граждан в различных сферах жизнедеятельности.

В рамках настоящего исследования хотелось бы остановиться лишь на некоторых из числа многочисленных конституционных прав граждан, реализация которых в последнее время была подвержена значительным трансформациям правового характера в связи с внедрением процессов цифровизации.

Как известно, Конституция РФ¹ провозгласила наше государство в качестве правового, в котором права и свободы человека являются высшей ценностью и обеспечиваются правосудием. Провозглашенное в ст. 46 Конституции РФ право на судебную защиту является одним из основополагающих в конституционно-правовом статусе граждан РФ и реализация заявленного права осуществляется только судами в силу ч. 1 по отношению ко всем остальным правам и свободам человека и гражданина ст. 118 Конституции РФ. 1 января 2017 г. вступил в силу разработанный при непосредственном участии Верховного суда РФ Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти». Названным правовым актом существенно расширен объем электронного правосудия в различные виды судебных процессов, что позволило гражданам, в рамках реализации своего конституционного права на судебную защиту, широко использовать электронный порядок подачи документов в судебные инстанции. Данный закон позволили судам извещать участников судебных процессов, путем использования сети Интернет, нормативно закрепил возможность оформлять судебные акты в форме электронного документа и направлять их или их копии лицам, участвующим в деле, в электронном виде. Огромным шагом вперед в обеспечении конституционных гарантий реализации

¹ Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.

права на судебную защиту стало создание и запуск интернет-портала ГАС «Правосудие», позволяющего заинтересованным гражданам и их объединениям подавать предусмотренные процессуальным законодательством документы в суды в электронном виде, а также отслеживать ход интересующих их дел в режиме онлайн.

Конституционный суд РФ неоднократно в своих решениях подчеркивал, что положения ст. 45 (ч. 2) и 46 (ч. 1) Конституции РФ предоставляет право любому заинтересованному лицу по своему усмотрению выбрать форму и способ защиты своих прав, в том числе и в судебном порядке, при этом в случае обращения за судебной защитой, гражданин связанным с императивно-установленным федеральным законом порядком судопроизводства¹. Из указанного вывода очевидно следует, что вступление в силу Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти» повлекло за собой серьезные изменения в процессуальные законы, регламентирующие порядок осуществления правосудия по отдельным делам и категориям исходя из установленной законодательством РФ подсудности и подведомственности споров. В качестве примера можно привести положения ст. 13, 197, 199, 224 ГПК РФ², ст. 16, 179, 198 КАС РФ³, ст. 15, 169, 176 АПК

¹ См. подробнее: *По делу* о проверке конституционности ст. 3, 4, п. 1 ч. 1 ст. 134, ст. 220, ч. 1 ст. 259, ч. 2 ст. 333 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, подп. «з» п. 9 ст. 30, п. 10 ст. 75, п. 2 и 3 ст. 77 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», ч. 4 и 5 ст. 92 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» в связи с жалобами граждан А. В. Андронova, О. О. Андроновой, О. Б. Белова и др., уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и регионального отделения политической партии Справедливая Россия в Воронежской области: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22 апреля 2013 г. № 8-П; *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Понедельникова Виталия Васильевича на нарушение его конституционных прав ст. 32 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного суда РФ от 17 ноября 2009 г. № 1427-О-О; *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Шужмовой Юлии Александровны на нарушение ее конституционных прав ст. 32 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного суда РФ от 23 марта 2010 г. № 388-О-О; *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Хрипунова Геннадия Михайловича на нарушение его конституционных прав ст. 3, 4, п. 1 ч. 1, ч. 3 ст. 134, ст. 259 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного суда РФ от 25 сентября 2014 г. № 2134-О.

² *Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации* от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ.

³ *Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации* от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ.

РФ¹, согласно которым судебный акт, за исключением акта, содержащего сведения, составляющие государственную или иную охраняемую законом тайну, если дело рассмотрено в закрытом судебном заседании, может быть выполнен в форме электронного документа, который подписывается судьей усиленной квалифицированной электронной подписью [1].

Статья 43 Конституции РФ гарантирует каждому право на образование. Указанное право предполагает обеспечение гарантии общедоступности и бесплатности дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования в государственных и муниципальных учреждениях и предприятиях. В части получения высшего профессионального образования законодательством РФ установлено, что оно может осуществляться бесплатно на конкурсной основе в государственных или муниципальных образовательных учреждениях.

Нет сомнений, что пришедшая в РФ угроза коронавирусной инфекции COVID-19 существенным образом оказала воздействие на цифровую модернизацию всей системы российского образования [3]. Вместе с тем нормативные предпосылки для внедрения в образовательный процесс без ущерба цифровых технологий для подготовки современных высококвалифицированных специалистов, востребованных в динамично-развивающихся условиях экономики, технологий и права, разработчики федеральных государственных образовательных стандартов в области высшего образования в качестве одного из важнейших параметров соответствия образовательной программы высшего образования государственным требованиям к ее качеству и содержанию установили обязательное наличие в высшем образовательном учреждении электронной информационной образовательной среды, включающей в себя электронные библиотечные системы, другие ресурсы, доступные вне зависимости от места нахождения обучающегося [2].

Глава государства в своем указе от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах Российской Федерации до 2024 г.» обозначил одну из важнейших целей в системе российского образования — это создание современной и безопасной цифровой образовательной среды, обеспечивающей качество и доступность образования всех видов и уровней без ущерба качеству подготовки обучающихся. Внедрение цифровых технологий в образовательную среду является дополнительной гарантией возможности реализации каждым гражданином своего конституционного права на образование, прежде всего, преодолевая объективные барьеры в виде места проживания и социально-экономических условий обучающихся [5].

¹ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ.

Статья 7 Конституции РФ провозглашает российское государство в качестве социального, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. В рамках реализации данного предназначения российское законодательство включает в себя обширную нормативную базу по мерам поддержки различных групп населения. При этом многочисленные меры социальной поддержки, предусмотренные на федеральном и на региональном уровне, до недавнего времени, были «обделены» использованием цифровых технологий, что, безусловно, существенным образом снижало эффективность государственного управления в социальной сфере. Серьезнейшим образом ситуация изменилась в 2020 г. в связи с вынужденным применением органами государственной власти различных мер по ограничению распространения коронавирусной инфекции на территории РФ. Произошедшие революционные изменения в цифровизации социального обеспечения существенным образом изменили в представлениях граждан мнение об «инертности государства и его аппарата», позволили продемонстрировать, что цифровые технологии при наличии воли и желания могут существенным образом ускорить реализацию социальных гарантий граждан, особенно социально-незащищенных слоев общества, к быстрым решениям и, что важно, эффективным действиям. В качестве примера можно привести реализацию мер государственной поддержки, которые были предусмотрены Указом Президента РФ от 7 апреля 2020 г. № 249 «О дополнительных мерах социальной поддержки семей, имеющих детей». Для получения, предусмотренных названным актом социальных выплат, гражданам РФ было достаточно через сайт Пенсионного фонда России по ссылке «О предоставлении дополнительной ежемесячной выплаты», заполнить соответствующую анкету с указанием необходимых реквизитов и данных банковского счета, куда будут перечисляться выплаты. Дальнейшие все действия уже совершались уполномоченными лицами территориальных подразделений Пенсионного фонда России.

Подводя итоги, следует несомненно отметить, что прогресс в лице различных цифровых и информационных технологий все больше оказывает влияние на механизмы обеспечения гарантий конституционных прав граждан и их объединений, изменение процедур и содержание отдельных конституционных прав личности путем внедрения в механизмы реализации различных информационных технологий и платформ. Указанные изменения объективны и, безусловно, необходимы, но они очевидно возлагают серьезные обязательства на законодателя и правоприменительные органы в части формирования адекватно сложившемуся уровню правоотношений правовой основы и устранение в ней все еще существующих правовых коллизий; формирование

обновленного понятийно-терминологического аппарата; предоставление равного доступа всех граждан к общедоступным информационным ресурсам, а также продолжению на уровне законодательства фактам злоупотребления цифровыми технологиями и ресурсами в целях получения личной выгоды и определенных благ.

Библиографический список

1. *Александров А. Ю., Верещак С. Б., Иванова О. А.* Цифровизация российского образовательного пространства в контексте гарантий конституционного права на образование // Высшее образование в России. — 2019. — Т. 28, № 10. — С. 73–82.
2. *Задорина М. А.* Развитие юридического образования в России: вызовы 2020 // Современные проблемы государства и права: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 65-летию Сибирского университета потребительской кооперации (Новосибирск, 10 декабря 2020 г.) / под ред. Р. А. Прошальгина. — Новосибирск: СибУПК, 2020. — С. 520–523.
3. *Задорина М. А.* Цифровизация процесса реализации конституционного права на образование в России // Проблемы взаимодействия публичного и частного права при регулировании цифровизации экономических отношений: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 17 ноября 2020 г.). — Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2020. — С. 36–40.
4. *Карасев А. Т., Кожевников О. А., Мещерягина В. А.* Цифровизация правоотношений и ее влияние на реализацию отдельных конституционных прав граждан в Российской Федерации // Антиномии. — 2019. — № 3. — С. 99–119.
5. *Приженникова А. Н., Коляда Г. Ю.* Цифровизация правосудия: теоретические и практические аспекты // Образование и право. — 2020. — № 2. — С. 240–250.

О. А. Колоткина

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

**К вопросу о трансформации
объективного и субъективного права
в условиях цифровизации:
теоретико-правовой аспект исследования**

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с трансформацией объективного и субъективного права под воздействием процессов цифровизации. Автор ставит цель исследовать влияние процессов цифровизации на действующее законодательство (объективное право) и действие права через вступление субъектов в конкретные цифровые правоотношения (субъективное право).

Ключевые слова: трансформация; объективное право; субъективное право; цифровизация; цифровая среда; действие права; цифровые правоотношения.

В настоящее время цифровые технологии оказывают существенное влияние на общественные отношения, что требует должной реакции со стороны всей правовой системы и ее отдельных элементов, включая само право во всех формах его проявления. Под воздействием информационно-коммуникационных технологий уже сформировалась иная, новая реальность, в которой меняется образ социальной системы, ее составляющих — социальных институтов и социальных регуляторов, включая право. Право, которое всегда в привычном понимании выступало в качестве нормативного средства воздействия, становится само объектом воздействия процесса цифровизации [3]. Право во взаимосвязи с иными элементами правовой системы претерпевает изменение в своих формах и содержании. Трансформация права прослеживается через изменение системы действующего законодательства РФ, расширение перечня конституционных прав и свобод граждан и др.

Трансформация объективного (позитивного) права в условиях цифровизации. Под воздействием процессов цифровизации активно идет процесс трансформации системы действующего законодательства. Речь идет о праве в объективном (позитивном) смысле, т.е. исходящем от государства и устанавливающим обязательные правила поведения, которые фиксируются в различных нормативных источниках. В настоящее время российское законодательство постепенно дополняется новыми источниками права, которые регулируют отношения в процессе появления и внедрения цифровых технологий. Этот процесс в настоящее время носит достаточно системный и плановый характер, что подтверждается реализацией положений федерального проекта «Норма-

тивное регулирование цифровой среды», разработанного в рамках реализации программы «Цифровая экономика Российской Федерации»¹. В настоящее время, в целях реализации указанного федерального проекта были приняты:

1) федеральные законы, вносящие изменения в уже действующие нормы законодательства, в том числе в ГК РФ², К РФ³, ТК РФ⁴ в части установления правового статуса «смарт-контрактов»; законодательно-го определения понятия «цифровые права»; предоставления налоговых льгот, связанных с экспортом ИТ-услуг; обеспечения перехода на электронные трудовые книжки и др.;

2) федеральные законы, устанавливающие новый предмет правового регулирования в части использования краудфандинговых платформ для привлечения инвестиций⁵; учета и обращения цифровых финансовых активов, а также законодательного определения понятия «цифровая валюта», с определением ее правового режима, особенностью которого является признание ее в качестве имущества, а не денежной единицы⁶;

3) иные акты подзаконного характера — стратегического планирования, программные документы, концепции, правила и др.

Одной из особенностей правового регулирования общественных отношений, складывающихся в цифровой среде, является их динамичность развития, а значит и изменения в короткий временной период. В связи с этим актуализируется вопрос о том, какие нормативные правовые акты — законы или акты подзаконного характера (стратегии, программы, концепции и др.), должны оказывать своевременное и полное регулирование общественных отношений, связанных с процессами цифровизации. Очевидным является то, что в настоящее время в массиве действующего законодательства преобладают федеральные законы, которые либо вносят изменения, дополнения в ранее принятые законодательные акты, либо федеральные законы, принятые в целях регулирования общественных отношений, составляющих новый предмет

¹ Программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утв. распоряжением Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р.

² Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ.

³ Налоговый кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ.

⁴ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ.

⁵ О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ.

⁶ О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ.

правового регулирования. В то же время надо учитывать, что законодательный процесс, в результате которого принимаются законы в сфере регулирования отношений, связанных с цифровизацией, является достаточно долговременным, усложненным с точки зрения его осуществления и не всегда своевременно реагирующим на динамично меняющиеся отношения в данной сфере. Все это может лишить определенной гибкости законодательство в исследуемой сфере, ограничивая его в возможности оперативно и своевременно реагировать на изменения общественных отношений, связанных с процессами цифровизации. Таким образом, там, где происходит динамичное развитие общественных отношений, необходимо, на наш взгляд, использовать сочетание актов нормативного содержания различной юридической силы и целеполагания. Наряду с федеральными законами особое место в действующем законодательстве должны занимать акты стратегического планирования и программные документы, которые должны достаточно гибко и своевременно обеспечить правовое воздействие.

Трансформация субъективного права в условиях цифровизации. Процессы цифровизации оказывают влияние не только на право в объективном смысле, под которым прежде всего понимается систем общеобязательных правил проведения, закрепленных в действующем законодательстве государства, но и на право в субъективном смысле. Право в объективном смысле «оживает» в результате его действия, в том числе, когда субъекты права реализуют предоставленные им возможности нормами действующего законодательства через конкретные правоотношения. В связи с чем актуализируется вопрос влияния процесса цифровизации на расширение сферы правового регулирования, т. е. включения в нее новых общественных отношений, ранее которые либо не были урегулированы правом, либо прежде и вовсе не существовали. Это отношения, связанные с использованием информационных баз данных, получением государственных и муниципальных услуг в цифровой форме, с реализацией цифровых прав на забвение, на «цифровую смерть», на доступ в интернет и др. Также требует и уточнения в целом структура таких отношений, которые оказываются под воздействием цифровых технологий [2]. С точки зрения теории права, классическая структура любого правоотношения должна включать в себя такие элементы как субъект, объект и содержание [1]. Цифровые технологии меняют контуры и содержание традиционных элементов правоотношения.

Так, субъекты права, в частности физические лица, в сети Интернет становятся участниками разнообразных виртуальных отношений, многие из которых, уже сегодня это очевидный факт, влекут за собой определенные юридические последствия. В связи с чем актуа-

лизируется проблема юридической значимой идентификации личности в интернет-пространстве, так как зачастую в виртуальные отношения вступает не конкретный субъект права, а обезличенный цифровой образ субъекта под каким-либо никнеймом. В настоящее время данная проблема находит частичное разрешение, с учетом конкретного субъектного состава, к примеру, через идентификацию лиц в интернете. Высказываются и другие предложения, связанные с разрешением данной проблемы — применение режима права собственности к персональным данным виртуальной личности, тем самым признавая такие данные в качестве объекта гражданско-правовых отношений [2].

С развитием цифровизации и ее влиянием на общественных отношения меняется и общее устоявшееся в теоретико-правовой науке представление об объекте права, выступающего в качестве еще одного элемента правоотношения. Безусловно, основным объектом правоотношений в сфере цифровизации выступает информация, что соответствует и действующим нормам законодательства, определяющим информацию в качестве объекта правовых отношений (ст. 5 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»). Определенное воздействие оказывает на различные правоотношения цифровая информация, к примеру, в сфере электронной коммерции. Цифровая информация может выступать в качестве самостоятельного объекта правоотношений. С 1 октября 2019 г. в ГК РФ был введен новый объект правоотношений — цифровое право (ст. 141.1). Такие права будут признаны, если они возникнут на определенной информационной платформе.

Перечень виртуальных объектов постоянно расширяется, что требует от законодателя достаточно гибкого подхода с учетом реализации прав и законных интересов всех субъектов цифровых правоотношений и обеспечения баланса как частных, так и публичных интересов с изучаемой сфере деятельности [4]. Исходя из вышесказанного, актуализирует и проблема самого содержания цифровых правоотношений — субъективных прав, входящих в него правомочий (право-пользования, право-распоряжения, право-требование и право-притязание) и юридической обязанности субъектов отношений, возникающих в цифровой среде.

Библиографический список

1. Колоткина О. А., Ягофарова И. Д. Теория государства и права: учеб. пособие. — Екатеринбург: Урал. ин-т коммерции и права, 2015. — 176 с.
2. Талатина Э. В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. — 2018. — № 2. — С. 5–17.

3. *Хабриева Т. Я.* Право в условиях цифровизации. — СПб.: СПбГУП, 2019. — 36 с.

4. *Ягофарова И. Д.* Пределы реализации прав и свобод человека как необходимость в условиях обеспечения национальной безопасности // Сибирский юридический форум: проблемы обеспечения прав человека: материалы Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. Ю. В. Анохина. — Барнаул: Барнаул. юрид. ин-т МВД России, 2020. — С. 75–76.

В. Б. Малкеров

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Использование цифровых технологий для регулирования отношений в сфере труда

Аннотация. Рассматривается правовое регулирование в сфере труда с использованием цифровых технологий при уточнении прав и обязанностей сторон по трудовому правоотношению. Отмечается, что нахождение баланса между интересами работников и их представителей, а также работодателей может быть процессом динамичным либо регулироваться с помощью возможностей цифровой экономики.

Ключевые слова: профсоюзы; правовой статус; работодатели; цифровая экономика.

Установление баланса во взаимоотношениях между работниками и их представителями с одной стороны и работодателями с другой задача довольно сложная. Экономические интересы сторон предполагают наличие двух противоположных тенденций, определяющих позицию сторон по отношению друг к другу. В научной литературе написано огромное количество работ, посвященных противоречиям между трудом и капиталом. В самом сокращенном виде это противоречие можно отразить следующим образом. Работодатели, собственники предприятий, стремятся к максимальной прибыли, именно в этом заключается смысл создания и функционирования коммерческих организаций. Затраты, связанные с выплатой заработной платы, охраной труда, различные меры стимулирования увеличивают издержки деятельности организаций, что естественно уменьшает прибыль собственников. В свою очередь, работники хотели бы иметь максимально выгодные условия труда, максимально высокую заработную плату.

Однако помимо антагонизма в отношениях работников и работодателей могут существовать и тенденции сближающие интересы работников и работодателей. Например, излишняя экономия в этих вопросах приведет к вымыванию квалифицированных кадров, они будут искать работу у других работодателей, с лучшими условиями труда.

Возрастет уровень травматизма, несчастных случаев на производстве, что не будет способствовать устойчивому развитию организации. Работники, в свою очередь, понимают, что давление на работодателя всеми имеющимися способами в целях установления лучших условий труда, получения максимально высокой зарплаты, поддержания высокого уровня охраны труда, снижает прибыль работодателя. Очевидно, что слишком высокие издержки производственной деятельности организации приведут к ее банкротству и, следовательно, к потере работниками их рабочих мест.

Практически во всех развитых в экономическом отношении странах интересы работников в отношениях с работодателями выражают профсоюзные организации. Россия в данном аспекте не является исключением. Профсоюзные организации в нашей стране обладают достаточно широким спектром прав, закрепленных в трудовом законодательстве. Профсоюзные организации, по общему правилу, представляют интересы трудовых коллективов при заключении коллективных договоров. В ст. 37 Трудового кодекса Российской Федерации¹ (далее — ТК РФ) не исключается возможность других субъектов, кроме профсоюзов, представлять интересы трудовых коллективов при проведении переговоров по коллективному договору, но отдает приоритет именно профсоюзным организациям. Так профсоюзная организация, объединяющая более 50 % работников, имеет возможность без всякого согласования с другими организациями, имеющимися в трудовом коллективе, выступить инициатором о начале ведения переговоров с работодателем о заключении коллективного договора. Если нет профсоюза, объединяющего более 50 % работников, то тогда только трудовой коллектив может избрать иную профсоюзную организацию для ведения коллективных переговоров, и если и таковой организации не окажется, то только тогда можно выбирать иного представителя для ведения коллективных переговоров. Также имеются широкие права профсоюзов при осуществлении контроля за соблюдением норм по охране труда, профсоюзы выражают свое мнение при принятии работодателем локальных нормативных актов, выражают свое мнение при увольнении работника по инициативе работодателя по ряду оснований, а также имеют ряд других правомочий. Имеется анализ практики деятельности профсоюзов, как в нашей стране, так и за рубежом. Данный анализ дает возможность сформулировать ряд некоторых выводов.

Слабые профсоюзные организации дают возможность работодателю усилить эксплуатацию работников, допускать нарушения законодательства в сфере выплаты заработной платы, снизить уровень охра-

¹ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ.

ны труда, что в целом повышает уровень социальной напряженности в обществе. Несообразное усиление роли профсоюзов чревато ростом иждивенческих настроений в трудовом коллективе, снижением производительности труда, стагнации показателей конкретного предприятия.

Таким образом, деятельность профсоюзного движения в стране может носить как позитивный характер, так и приводить к негативным последствиям. Задача государства заключается в том, чтобы усиливать позитивные тенденции и купировать негативные. Анализ состояния профсоюзного движения в России позволяет сделать вывод, что наиболее сильные профсоюзные организации сформировались в крупных организациях и в государственном секторе. Доля членов профсоюзного движения в мелком и среднем бизнесе составляет примерно один процент от общего числа членов профсоюзов в стране [2, с. 113]. Следовательно, имеются значительные организационные резервы для усиления позитивного влияния профсоюзов в сфере среднего и малого бизнеса.

Согласно ст. 1 ТК РФ одной из главных задач трудового законодательства является правовое посредничество между работниками и работодателями. Другими словами, законодатель имеет возможность увеличить набор прав одной из сторон по трудовым правоотношениям, соответственно увеличивая объем обязанностей другой стороне.

Таким образом, законодатель обязан искать баланс интересов между сторонами с тем, чтобы найти оптимальное сочетание прав и обязанностей работников (или их представителей) и работодателей. Сегодняшнее состояние централизованного законодательства в этом вопросе может характеризоваться определенными чертами. Прежде всего следует отметить, что изменение федерального законодательства требует достаточно долговременного процесса. Существующие нормы федеральных законов, регулирующие права профсоюзов, достаточно статичны и меняются не часто. Так после принятия ТК РФ (вступил в силу с 1 февраля 2002 г.) в главу 58, которая регулирует основные права профсоюзов, был внесен ряд изменений в 2006 г. и по одному редакционному изменению в 2013 г. и в 2014 г. (по настоящему времени). Поскольку основные права профсоюзов и соответствующие корреспондирующие обязанности работодателей изложены прежде всего в ТК РФ и в Федеральном законе от 12 января 1996 г. № 10-ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности», то мы можем сделать вывод, что они не только достаточно статичны. При этом правовой статус профсоюзов являются универсальными для организаций всех форм собственности и находящихся в совершенно разных фактически сложившихся экономических ситуациях.

Права профсоюзных организаций, зафиксированный в централизованном трудовом законодательстве, будут одинаковыми у благопо-

лучных с социальной точки зрения организаций, где высокий уровень заработной платы, на высоком уровне организованы мероприятия по охране труда и у организаций, где совершенно противоположная ситуация. Можно, конечно, утверждать, что конкретные права определенной первичной профсоюзной организации могут меняться в зависимости от условий коллективных договоров и коллективных соглашений. Это верно, но эта динамика правового статуса профсоюзных организаций будет зависеть прежде всего от организованности и сплоченности членов профсоюзной организации, ее фактической возможности оказывать давление на работодателя, вынуждая его принимать условия выгодные представителям работников. Думается, что ситуация с определением правового статуса профсоюзов и работодателей должна быть иной, определяться не субъективными качествами лидеров профсоюзной организации и представителей работодателя.

С точки зрения автора данной статьи, права профсоюзной организации на конкретном предприятии целесообразно установить в прямой зависимости от экономических показателей и состояния ситуации по охране труда в этой организации. Возможности воздействия первичных профсоюзных организаций на работодателя должны возрастать при выявлении уклонения работодателя от социально ответственного распоряжения заработанной организацией прибыли. Например, если прибыль предприятия не инвестируется в модернизацию оборудования предприятия, а тратится на приобретения предметов роскоши для личного потребления работодателя, то в этом случае права профсоюзных организаций по контролю за финансовой деятельностью работодателя должны увеличиваться. При этом централизованное законодательство должно было бы установить определенные нормативы по различным показателям деятельности предприятия. Разработка подобных нормативов должна быть совместной задачей экономистов и юристов, специалистов в других сферах. При этом должен учитываться и мировой опыт и разработки ученых теоретиков, мнения практиков. Как могло бы это выглядеть на практике?

Допустим, нормативно рекомендован коэффициент инвестирования в модернизацию организации 0,5, или 50 %. Другими словами, нормативно рекомендовано работодателю половину от чистой прибыли направлять на модернизацию предприятия. Работодатель направляет на модернизацию 60 % (коэффициент 0,6). В этом случае профсоюз не имеет права контролировать финансовую деятельность организации. Если коэффициент будет менее нормативно рекомендованного (допустим, 0,4, или 40 %), то профсоюзы получают возможность контролировать финансовую деятельность организации, выражать свое мнение по поводу тех или иных финансовых решений с правом обра-

щения в надзирающие органы. Если коэффициент упадет до критической отметки (допустим, 0,2, или 20 %), то профсоюзы должны получить право уже не выражать свое мнение, а давать согласие на определенные финансовые решения работодателя. Подобные нормативно рекомендованные нормы должны быть установлены и в других сферах, связанных с функционированием организации. Например, если количество уволенных работников по инициативе работодателя, предположим по сокращению штата, будет выше, чем научно обоснованный рекомендованный показатель, то возрастают права профсоюзов при участии в процедуре сокращения. По вышеуказанному механизму должны устанавливаться плавающие права профсоюзов в сфере охраны труда, улучшению социальной сферы организации и так далее.

В научной литературе отмечалось, что внедрение цифровизации используется работодателями для ущемления прав работников, в обиход даже вошел такой термин как «уберизация» [1, с. 99]. Это происходит в силу возможностей работодателя организовать трудовую деятельность работников таким образом, чтобы работники меньше контактировали друг с другом, например, при дистанционной организации труда. Разобщенность работников приводит к их меньшей организованности. Исторический опыт показывает, что именно на наиболее крупных заводах и фабриках, в период перехода от феодализма к капитализму, зарождались и наиболее успешно функционировали профсоюзные организации. Однако возможности цифровой экономики позволяют не только создать препятствия для деятельности по организации рабочего движения, но и создать предпосылки для улучшения деятельности профсоюзного движения. Например, вышеизложенные идеи о динамичности правового статуса профсоюза проще воплотить в жизнь используя возможности цифровизации. Развитие электронного механизма передачи и обработки данных, ускорения процессов, связанных с анализом этих данных, дает возможность оперативно получать информацию необходимую для корректировки правового статуса участников трудовых отношений. Возможно, профсоюзным организациям следует бороться за то, чтобы контролировать развитие процессов цифровизации в выгодном для себя русле. Например, в настоящее время цифровизация во многих учреждениях и организациях сводится к переводению отчетности в электронную форму. Желательно, чтобы принятия решений по поводу конфликтных, затрагивающих финансы ситуаций принимались не исходя из возможностей работодателя и профсоюза «продавить» такое решение, а более механистическим образом, с использованием плавающих нормативов, которые зависят от социально-экономической ситуации в организации, возможно даже с использованием искусственного интеллекта. Кроме того, необходимо

сократить объем сведений, которые относятся к коммерческой тайне организации, дабы усилить возможности общественного контроля.

Библиографический список

1. *Евлаев А. Н., Зубков С. А.* Глобальные профсоюзы в поисках модели справедливой цифровой экономики // Поиск: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. — 2020. — № 4 (81). — С. 90–99.

2. *Фельдман П. Я., Дудин А. А.* Социально-экономические и политические детерминанты развития профсоюзов России: взгляд в будущее // Вестник Башкирского института социальных технологий. — 2020. — № 2 (47). — С. 110–118.

Г. З. Мансуров

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Искусственные нейронные сети

Аннотация. Целью работы является анализ проблем применения искусственных нейронных сетей в работе правоохранительных органов и для преступных целей. Обращено внимание на принципиальную особенность искусственных нейронных сетей — они не программируются, а самообучаются в процессе функционирования.

Ключевые слова: искусственная нейронная сеть; функции классификации, предсказания и распознавания; этические аспекты.

Под термином нейросеть (искусственные нейронные сети) в самом общем виде принято понимать компьютерную программу, способную к самообучению, т. е. принятию самостоятельных решений с учетом собственного предыдущего опыта. В основу программы заложена математическая модель биологического нейрона, структурно-функциональной единицы нервной системы.

Нейрон (от др.-греч. волокно, нерв) — «электрически возбудимая клетка, которая обрабатывает, хранит и передает информацию с помощью электрических и химических сигналов»¹. Нейроны именуют также нервными клетками. Они могут соединяться один с другим, формируя биологические нейронные сети.

В результате попыток приблизить принцип работы компьютера к образу мышления человека были созданы искусственные нейронные сети — компьютерные системы, собранные из огромного количества

¹ *Введение* в нейробиологию. — URL: <https://edu.volgmed.ru/mod/book/view.php?id=5726&chapterid=1602> (дата обращения: 01.05.2021).

процессоров-искусственных нейронов, которые способны обучаться и действовать по принципу, очень похожему на работу человеческого мозга. Искусственные нейронные сети также еще именуют и нейрокомпьютерами.

Каждый такой процессор, по аналогии с нервной клеткой человека, имеет дело только с сигналами, которые он периодически получает, и сигналами, которые он периодически посылает другим процессорам. Но, будучи соединенными в большую сеть с управляемым взаимодействием, они вместе способны выполнять очень сложные задачи [2]. Принципиальной особенностью искусственных нейронных сетей является то, что они не программируются, а самообучаются в процессе функционирования.

Наиболее часто в настоящее время нейронные сети применяются для целей классификации, предсказания и распознавания. Так, например, в банковской среде с помощью этих программ производится первичная классификация потенциальных клиентов по таким критериям как платежеспособность, кредитная история и т. д. Участники фондового и валютного рынков используют искусственные нейронные сети для предсказания колебаний курсов валют или котировок акций. Но самым популярным в настоящее время является функция распознавания искусственных нейронных сетей. Например, идентификация субъектов в социальной сети Facebook, распознавание (детектирование) номеров автомобилей и т. д.

В правоохранительных органах выделяются следующие основные направления использования искусственных нейронных сетей:

- 1) для обработки текстовых, аудио- и видеофайлов, информации о банковских транзакциях, данных о местонахождении физических лиц;
- 2) ведение баз данных, в том числе биометрических и их редактирование;
- 3) обнаружение фактов мошенничества и взлома платежных систем;
- 4) обнаружение и удаление вредоносного программного обеспечения в платежных системах;
- 5) распознавание индивидуального почерка хакеров и хакерских группировок, обнаружение сетевых атак и установление их локализации [1, с. 112–113].

Как отмечает И. А. Кузьмин, преступники используют искусственные нейронные сети для следующих целей [1, с. 113]:

- 1) для незаконных операций на финансовом рынке путем проникновения в программное обеспечение торговых платформ;
- 2) для хищения денежных средств со счетов кредитных организаций путем взлома платежных протоколов;

- 3) для преодоления защиты систем корпоративно-информационной безопасности;
- 4) для хищений объектов интеллектуальной собственности, в том числе программного обеспечения;
- 5) для совершения убийств, замаскированных под технические инциденты;
- 6) для разведывательной деятельности против правоохранительных органов.

При всех своих достоинствах нейронные сети имеют определенные недостатки. В настоящее время одной из серьезных проблем является отсутствие функций учета этических аспектов общественной жизни, в частности, в сфере межрасовых отношений. Так, например, умный дозатор мыла отказался обслужить чернокожего. Устройство без перебоев работает, когда руку подносит белокожий человек, или же подносится белая салфетка, однако на черную руку он не реагирует¹.

Таким образом, искусственные нейронные сети (нейрокомпьютеры) — компьютерные системы, собранные из огромного количества процессоров-искусственных нейронов, которые способны обучаться и действовать по принципу, очень похожему на работу человеческого мозга. Принципиальной особенностью искусственных нейронных сетей является то, что они не программируются, а самообучаются в процессе функционирования.

Библиографический список

1. Кузьмин И. А. Искусственные нейронные сети: перспективы использования в правоохранительной деятельности // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. — 2018. — № 4 (8). — С. 109–116.
2. Сурнина А. О. Элементы глобальной оптимизации моделей нейронной сети // Academy. — 2017. — № 3 (18). — С. 32–36.

¹ *Робот-расист*: «умный» дозатор мыла проигнорировал руки негра. — URL: <https://rusnext.ru/news/1502991117> (дата обращения: 01.05.2021).

Л. И. Миннегалиева

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Электронный документ как доказательство при рассмотрении гражданских дел

Аннотация. В условиях цифровизации экономических отношений электронные документы все чаще заменяют традиционный их бумажный вариант. При конфликтной ситуации эти документы становятся доказательством в суде. Автором статьи рассматриваются особенности роли и использования электронного документа как доказательства при рассмотрении гражданских дел.

Ключевые слова: электронный документ; доказательство; гражданские дела; скайп; метаданные.

Электронный документ — любые данные или информация, хранящиеся в электронном формате или на электронных носителях. Любая запись, сделанная на магнитной ленте (видео или аудио), компьютерной дискете или компакт-диске, рассматривается как электронное свидетельство. В настоящее время есть много форм, которые могут принимать эти данные. Наиболее распространенными являются электронная почта, текстовые документы и файлы из электронных документов, таблиц и иных приложений. В условиях цифровизации экономических отношений этими формами активно пользуются как граждане в повседневной жизни, так и организации при осуществлении своей предпринимательской деятельности.

Обработанные текстовые файлы могут содержать важную информацию, которая не всегда очевидна из распечатанного файла. Например, в электронный документ может содержаться информация о том, когда был создан этот документ, личность этого создателя, когда он был в последний раз сохранен, а также личность человека, который его сохранил.

Учетная информация, заархивированная в электронных таблицах, может быть крайне важной, в ситуациях, когда речь идет о расчетах убытков или, когда возникает спор относительно правил бухгалтерского учета, выдачи, движения денежных средств. Базы данных и электронные дневники могут содержать информацию о взаимоотношениях с контрагентами, служить свидетельством конкретных встреч.

Как и в случае с электронной почтой, наиболее распространенное заблуждение относительно информации и данных, хранящихся в электронном виде, состоит в том, что после удаления они исчезают навсегда. В действительности, любая информация, хранящаяся на электронных носителях (например, на жестком диске), не исчезает окончательно.

но при удалении. Эта информация просто скрыта от пользователя до момента пока не будет перезаписана информацией при следующем сохранении. Даже в этом случае, если новая информация занимает меньше места, чем старая, часть старой информации останется (почти так же, как частично перезаписанная лента).

В настоящий момент основная проблема электронного документа как доказательства заключается в том, что он должен быть восприимчивым, т. е. иметь такую форму, чтобы можно было однозначно определить его содержание с помощью различных программных и технических средств [1, с. 355].

Если говорить о нормативном регулировании рассматриваемого вопроса, то здесь стоит выделить Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Именно в нем определены такие важные понятия, как «электронное сообщение», «информационные технологии» и «обладатель информации».

Обращаясь к вопросу ЭД как доказательства в суде, следует заметить, что из ст. 55 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации¹ (далее – ГПК РФ) следует, что он представляет собой сведения, которые имеют «весомость» для того или иного дела и могут быть получены от сторон, а также от третьих лиц в формате аудио- и видеозаписей и иных формах.

ГПК РФ относит ЭД к категории письменных доказательств, что в свою очередь, определяет и способы получения данных доказательств по делу. Согласно ч. 1 ст. 71 ГПК РФ к письменным доказательствам относятся документы, имеющим цифровой формат, а также вид графической записи, сделанной как при помощи факсимильной, так и электронной связи.

В Гражданском кодексе Российской Федерации² (далее — ГК РФ) также указывается на возможность заключения сделок в иной форме, отличной от традиционной письменной. В силу п. 2 ст. 434 ГК РФ документ, заключенный между двумя сторонами может быть заключен как при помощи письменной формы, так и с помощью различных современных механизмов, например, почтовой, телефонной, электронной связи и т.п. Возможность использования электронной подписи в процессе заключения или реализации тех или иных сделок отражена и в п. 2 ст. 160 ГК РФ.

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ.

² Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 1 от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ.

Использование электронных доказательств в нашей стране затруднительно без издания единого нормативно-правового акта, закрепляющего порядок создания, хранения, воспроизведения, исследования, удостоверения и проверки достоверности данных, зафиксированных в электронных документах [2, с. 32].

Одним из современных средств передачи сообщениями и информацией, которое позволяет пользователям обмениваться документами и фалами в электронном формате, является Скайп («Skype»). При этом стороны в последнее время достаточно активно для подтверждения своей позиции представляют распечатки и переписку, используемую ими в Скайпе, и суды ее учитывают. Так Арбитражный суд Уральского округа¹ при рассмотрении одного из дел пришел к выводу, что доказательством согласования экспедитором заявки на перевозку грузов (по эпизоду, связанному с утратой груза) является тот факт, что согласно переписке сторон в программе «Skype», сторонами были согласованы дата и время подачи транспортного средства для перевозки груза, а также фамилия, имя, отчество водителя, который будет осуществлять данную перевозку. Как видно, программа «Skype» используется с помощью электронно-вычислительной техники и позволяет быстро обмениваться необходимой информацией, что имеет значение в перевозочных отношениях.

В Арбитражном суде Московского округа² был рассмотрен спор в связи с обменом информацией между пользователями по Скайпу. Ответчик в процессе рассмотрения дела предоставил в суд копию документа (договора займа, заверенного директором) и указал на тот факт, что данный электронный файл был отправлен ему при помощи программы «Skype» от истца. При этом суд признал данный документ подлинником договора.

Современное российское право разрешает предоставлять в качестве доказательства того или иного дела электронного документа, однако не указывает на то, какие именно документы могут предоставляться и являться неопровержимыми доказательствами. Так, например, в Арбитражный суд Уральского округа³ в качестве достоверного доказательства признал платежные документы, подписанные с использованием электронной цифровой подписи, выданной уполномоченным, согласно договору, лицам.

¹ *Постановление* Арбитражного суда Уральского округа от 4 мая 2016 г. № Ф09-3531/16 по делу № А50-6436/2015.

² *Постановление* Арбитражного суда Московского округа от 1 февраля 2017 г. № Ф05-21794/16 по делу № А40-56723/2016.

³ *Постановление* Арбитражного суда Уральского округа от 10 ноября 2017 г. № Ф09-6617/17 по делу № А50-21758/2016.

Исходя из приведенных выше примеров судебной практики важно отметить, что перечень форм, в которых может предоставляться электронный документ как доказательство по рассматриваемому делу, является достаточно расплывчатым, в результате этого, сам судья обязан определять степень правдивости предоставленных в суде доказательств и решать дело в пользу той или иной стороны.

В последнее время широкое распространение в судебной практике получили метаданные, которые используются в качестве доказательств при рассмотрении гражданских дел. Метаданные включают в себя следующую информацию: даты создания и изменения документа; указание на пользователя, который создал и (или) модифицировал документ и т. д. [3, с. 65]. Так, в Решении Арбитражного суда Свердловской области от 16 марта 2018 г. по делу № А60-48002/2017¹ о рассмотрении фотографии было определено, что принадлежность авторских прав третьему лицу был подтвержден при помощи предоставления оригинала данной фотографии с метаданными, которая и была создана третьим лицом (метаданные содержали следующие сведения: дата и время съемки, название камеры, ее модель, разрешение фотографии и т. д.).

В Определении Верховного Суда Российской Федерации от 7 сентября 2020 г. № 306-ЭС20-11480 об отказе в передаче дела № А57-5115/2019 в Судебную коллегию по экономическим спорам Верховного Суда России² для пересмотра в порядке кассационного производства данного постановления одним из доводов указано: факт незаконного подключения истцом дополнительного газоиспользующего оборудования подтвержден в порядке ст. 65 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации³ представленными в материалы дела доказательствами, проанализированными судами, а именно совокупностью содержания подписанных потребителем актов обследования и осмотра, показаний свидетеля, цифровых фотографий с распечатками файлов с метаданными.

Таким образом, электронный документ достаточно часто используется как доказательство в суде. При этом судья самостоятельно определяет, насколько такое доказательство является достоверным по делу. В условиях цифровизации экономических отношений законодателю стоит уделить более пристальное внимание электронным документам

¹ *Решение* Арбитражного суда Свердловской области от 16 марта 2018 г. по делу № А60-48002/2017.

² *Определение* Верховного Суда Российской Федерации от 7 сентября 2020 г. № 306-ЭС20-11480 об отказе в передаче дела № А57-5115/2019 в Судебную коллегию по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации.

³ *Арбитражный процессуальный кодекс* Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ.

как доказательствам по делу, установи более четкие критерии, которыми судьи должны руководствоваться при вынесении судебных актов.

Библиографический список

1. *Бурганова Г. В.* Использование электронных документов в качестве доказательств в уголовном и гражданском процессе // Вестник гражданского процесса. — 2019. — Т. 9, № 1. — С. 354–361.

2. *Мошков Е. А.* Понятие электронного документа и его применение в качестве доказательства в гражданском и арбитражном судопроизводстве Российской Федерации // Арбитражный и гражданский процесс. — 2016. — № 9. — С. 30–34.

3. *Самолысов П. В.* Электронные доказательства в делах о нарушении антимонопольного законодательства // Право и экономика. — 2016. — № 5. — С. 58–65.

В. А. Подшивалова, М. О. Мусаева

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Цифровая трансформация образования: проблемы и перспективы

Аннотация. В статье рассмотрены различные аспекты распространения цифровых технологий в сфере образования. Особое внимание уделено технологическому обеспечению образовательных организаций. Выделены факторы, влияющие на цифровую трансформацию системы образования в России.

Ключевые слова: цифровая трансформация; цифровизация; образовательная организация; образование; персональный компьютер.

Несколько десятилетий назад, когда люди смогли создать домашние компьютеры и поставить их в каждый офис, мир, в буквальном смысле, перевернулся. Именно с этого момента и началась цифровизация разных областей повседневной жизни. Сегодня мы не можем представить свою жизнь без информационных технологий, в том числе и в сфере образования [7].

Стоит отметить, что цифровизация стремительно врывается во все сферы жизнедеятельности и задает новые тренды. Она открывает большое количество новых возможностей, от вакантных мест на рынке труда, до новых, более актуальных методов и методик обучения. Образование сегодня невозможно представить без информационных средств и технологий, они используются гражданами на каждой стадии процесса реализации конституционного права на образование [4].

При этом цифровая трансформация, предполагающая интеграцию цифровых технологий и образовательного процесса, требует внесения коренных изменений в технологии, культуру, операции и принципы создания новых продуктов и услуг, так как образование — это тоже услуга [2, с. 9]. Как подчеркивает Ю. И. Грибанов, «для максимально эффективного использования новых технологий и их оперативного внедрения во все сферы деятельности человека» необходимо «отказаться от прежних устоев и полностью преобразовать процессы и модели работы» [1, с. 56].

Из отличительных черт, которые создают инструменты развития цифровизации в разных областях можно отметить следующие: гибкость (возможность пользоваться техникой в любое время и в любом месте); воспроизводимость; изменчивость; индивидуальность; изобретательность.

Интересна точка зрения А. Ю. Уварова, который движущие факторы трансформации образования делит на внешние и внутренние [6, с. 51]. Можно сказать, что внешние — задаются условиями и требованиями к образовательной системе, а внутренние — определяют потребность и готовность в использовании технологического процесса для решения своих собственных задач. Так, например, к внешним факторам можно отнести федеральные государственные образовательные стандарты, закрепляющие требования к образовательному процессу. К внутренним факторам, в частности, можно отнести потребность в использовании цифровых технологий в образовательном процессе. Следует добавить, что потребность в цифровизации образования особенно остро проявилась из-за пандемии нового типа коронавируса COVID-19 [3], вскрыв множество проблем, связанных с технологической оснащённостью образовательных организаций. В частности, по обеспеченности образовательных организаций персональными компьютерами, используемыми в учебных целях, лидируют образовательные организации высшего образования (см. рисунок).

Также стоит отметить, что несколько лет назад многие образовательные учреждения перешли на электронную систему отслеживания успеваемости ученика («электронный дневник»). Такая система облегчает контроль за успеваемостью, позволяет отслеживать задолженности. Ее можно использовать в любое время и в любом месте, а также она выступает инструментом для быстрой связи ученика с учителем (преподавателем).

Однако процесс внедрения этой системы в сельской местности проходит намного медленнее, нежели в городах и поселках городского типа. В целом, в сельских населенных пунктах процесс цифровой трансформации образования по своим темпам уступает городским

населенным пунктам, из-за чего вопрос о повышении доступности образовательных услуг в деревнях, селах и иных сельских населенных пунктах не теряет своей актуальности [5].

Обеспеченность образовательных организаций персональными компьютерами, используемыми в учебных целях (на 100 обучающихся), ед.¹

В то же время с каждым годом потребность в цифровизации растет, а ресурсы не позволяют в полной мере ее удовлетворить. Так, например, во внедрении цифровых технологий в жизни современного поколения есть определенный риск отрицательного результата. В частности, отсутствие творческой деятельности, снижение умственной активности (так как основную работу будут выполнять программы и современные технологии), слабая социализация в обществе, низкая двигательная и физическая активность (что может повлечь за собой хронические заболевания).

В качестве возможного способа решения возможных проблем можно предложить, например, создание различных кружков и секций по развитию ораторского мастерства, а также навыков коммуникации и самореализации методом «офлайн». Таким образом будет обеспечиваться непосредственный контакт с преподавателями и руководителями. Мотивация граждан к занятиям спортом, увеличение часов физической культуры в образовательных учреждениях, а также внедрение методов поощрения за занятия спортом помогут решить возможные проблемы с двигательной активностью.

Подводя итог, можно сказать, что на сегодняшний день цифровая трансформация меняет нашу жизнь и делает ее одновременно и проще,

¹ Составлено авторами по: *Регионы России. Социально-экономические показатели за 2020 и 2019 гг.* — URL: <https://rosstat.gov.ru/publications-plans> (дата обращения: 01.05.2021).

и сложнее. Да, теперь получить нужную информация для учебы стало легче. И для того, чтобы написать реферат или сочинение не нужно сидеть по несколько часов в библиотеке, а стоит лишь открыть ноутбук и «войти в сеть», но при этом, чтобы это было возможно, нужны тысячи работников и IT-специалистов, обеспечивающих работу образовательных ресурсов. Также нельзя забывать о грамотном пользовании сетью «Интернет» и кибербезопасности, так как эта тема с каждым годом становится все актуальней, особенно для молодых людей, школьников.

Библиографический список

1. *Грибанов Ю. И.* Теоретические положения цифровой трансформации промышленных предприятий // *Методология развития экономики, промышленности и сферы услуг в условиях цифровизации.* — СПб.: СПбПУ, 2018. — С. 48–90.

2. *Задорина М. А.* Конституционное право на среднее профессиональное образование в Российской Федерации: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. — Екатеринбург, 2018. — 31 с.

3. *Задорина М. А.* Развитие юридического образования в России: вызовы 2020 // *Современные проблемы государства и права: сб. материалов Международ. науч.-практ. конф., посвящ. 65-летию Сибирского университета потребительской кооперации (Новосибирск, 10 декабря 2020 г.) / под ред. Р. А. Прошальгина.* — Новосибирск: СибУПК, 2020. — С. 520–523.

4. *Задорина М. А.* Цифровизация процесса реализации конституционного права на образование в России // *Проблемы взаимодействия публичного и частного права при регулировании цифровизации экономических отношений: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 17 ноября 2020 г.).* — Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2020. — С. 36–40.

5. *Томилова Е. Э., Задорина М. А.* Проблема повышения доступности и качества образовательных услуг в сельской местности // *Инновационный потенциал молодежи: формирование нового типа культуры : сб. материалов Всерос. молодеж. науч.-исслед. конф., посвящ. году культуры и году науки в России (Екатеринбург, 27–28 октября 2014 г.).* — Екатеринбург: УрФУ, 2014. — С. 280–284.

6. *Трудности и перспективы цифровой трансформации образования: монография / А. Ю. Уваров, Э. Гейбл, И. В. Дворецкая и др.; под ред. А. Ю. Уварова, И. Д. Фрумина.* — М.: Высшая школа экономики, 2019. — 342 с.

7. *Цифровое будущее государственного управления по результатам / Е. И. Добролюбова, В. Н. Южаков, А. А. Ефремов и др.* — М.: Дело, 2019. — 113 с.

Научный руководитель: М. А. Задорина,
кандидат юридических наук, доцент

Цифровая платформа: понятие и содержание

Аннотация. В статье проведен анализ содержания понятия «цифровая платформа» в нормативно-правовых актах, доктрине и практике. В нормативно-правовых актах «цифровые платформы» определяются как технологии и технические средства. Представители науки рассматривают цифровую платформу как объект или субъект гражданского правоотношения, систему договоров или как комплексное правовое явление. Автор приходит к выводу, что сами цифровые платформы являются технологическими, а взаимодействие этих платформ осуществляют организации, т. е. юридические лица.

Ключевые слова: цифровая платформа; объект гражданского права; субъекты права; договор.

На сегодня в доктрине российского права нет единого мнения относительно содержания понятия «цифровая платформа», а деятельность цифровых платформ с точки зрения права находится в процессе формирования [3, с. 5–6].

В нормативно-правовых актах «цифровые платформы» определяются как технологии и технические средства, с помощью которых происходит информационный обмен между субъектами правоотношений¹. В российской практике, в сфере государственного управления, термин «платформа» очень часто применяется как синоним информационной системы. Представители науки, в свою очередь, рассматривают «цифровые платформы» не только в техническом смысле. Среди юристов не сложилось единого мнения относительно того, к какому правовому явлению относятся «цифровые платформы».

Одни ученые утверждают, что «цифровые платформы» являются субъектами предпринимательской деятельности. Так, например, М. А. Рожкова утверждает, что онлайн-платформы — это «организатор

¹ См. подробнее: *Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 г.*: решение Высшего Евразийского экономического совета от 11 октября 2017 г. № 12; *О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации*: федер. закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ; *О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации*: федер. закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ; *Об утверждении Правил предоставления субсидий российским организациям на возмещение части затрат на разработку цифровых платформ и программных продуктов в целях создания и (или) развития производства высокотехнологичной промышленной продукции*: постановление Правительства РФ от 30 апреля 2019 г. № 529.

торгового оборота (в широком смысле), что, безусловно, позволяет поддержать мнение о том, что здесь есть основания говорить о появлении нового субъекта права» [10]. Аналогичное мнение высказывают и китайские ученые [3, с. 7–8]. С данной точкой зрения согласиться не представляется возможным. Как правильно отмечает В. А. Вайпан, право регулирует общественные отношения между людьми как биологическими существами [2]. Более того, чтобы быть субъектом права необходимо обладать правоспособностью и дееспособностью. В связи с этим, «цифровые платформы» не могут быть самостоятельными субъектами права.

Западные страны и отдельные российские ученые «цифровые платформы» относят к объектам правоотношений [3, с. 7–8]. Европейская комиссия определила цифровую (онлайн) платформу как предприятие, работающее на двухсторонних или многосторонних рынках и использующее интернет для обеспечения взаимодействия между двумя или более отдельными, но взаимозависимыми группами пользователей (потребителей) [5]. А. В. Минбалеев к объектам цифровых правоотношений относит информационные системы и цифровые технологии без уточнения особенностей их правового режима [12, с. 38–39]. Представленные мнения также вызывают сомнения. С точки зрения теории объекта гражданского правоотношения, под ним понимаются материальные и нематериальные блага, по поводу которых возникают гражданские права и обязанности [1, с. 329]. В цифровых правоотношениях, как правило, участвуют не две стороны (между которыми заключается основной договор, например купли-продажи), а три стороны (добавляется еще владелец цифровой платформы, с которым продавец и покупатель должны также заключить договор по использованию данной платформы). В связи с этим Г. З. Мансуров с точки зрения гражданского права под цифровой платформой понимает систему гражданско-правовых договоров [7].

Как нам представляется, договор по использованию цифровой платформы (пользовательское соглашение) порождает гражданско-правовые отношения по оказанию услуг в виде предоставления доступа к информации и функциям, расположенным на цифровой платформе¹. Таким образом, объектом данных правоотношений является услуга. Сама же цифровая платформа, как правильно указывается в исследовании, проведенном специально по заказу Европейского парламента,

¹ См., например: *Пользовательское соглашение* с Яндекс-Такси. Предметом договора является предоставление пользователю доступа к информации и функциям, представленным на сайте (Пользовательское соглашение. — URL: <https://yandex-taxi.polzovatel'skoe> (дата обращения: 13.05.2021)).

«обеспечивает (технологическую) основу для предоставления или агрегирования услуг (контента) от поставщиков услуг (контента) до конечных пользователей» [5]. Таким образом, посредником между сторонами основного договора выступает владелец цифровой платформы. Хотя в литературе высказывается иное мнение, что непосредственным посредником между продавцом и покупателем выступает агрегатор (электронная площадка), а не владелец агрегатора. Например, между продавцами и покупателями (торговые агрегаторы — маркетплейсы), между перевозчиками и пассажирами (агрегатор такси), между исполнителем и заказчиками (агрегатор услуг) [11]. Следует учитывать, что с 1 января 2019 г.¹ законодатель вводит понятие «владелец агрегатора информации о товарах (услугах)», а не «агрегатор информации о товарах (услугах)». Исходя из этого определения, владелец агрегатора предоставляет потребителю в отношении определенного товара (услуги) возможность одновременно ознакомиться с предложением продавца (исполнителя) о заключении договора купли-продажи товара (договора возмездного оказания услуг), заключить с продавцом (исполнителем) договор купли-продажи (договор возмездного оказания услуг), а также произвести предварительную оплату указанного товара (услуги). При этом в соответствии со ст. 309 Гражданского кодекса РФ² предусмотрена возможность исполнения сторонами обязательств без дополнительного их волеизъявления самой цифровой платформой, но при условии, что такая возможность предусмотрена условиями заключенной между ними сделки и при наступлении определенных обстоятельств.

Также необходимо обратиться и к практике. Так, например, аналитики Управления по конкурентной политике Аналитического центра при Правительстве России приводят следующий пример: «весной 2017 г. объединились два крупных агрегатора такси Fasten и RuTaxi и создали группу компаний „Везет“, рыночная доля которой может быть сопоставимой с долей совместного предприятия Яндекс и Uber. Поскольку данные сделки не были согласованы с ФАС России, ведомство заявило о намерении наложить административные санкции на компанию. Следует отметить, что в декабре Европейской суд вынес решение о признании Uber транспортной компанией, а не цифровой платформой, вследствие чего на нее теперь будут распространяться соответствующие отраслевые нормы» [9]. То есть аналитики обращают

¹ О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей»: федер. закон от 29 июля 2018 г. № 250-ФЗ.

² Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ.

внимание, что было слияние не самих агрегаторов, а именно компаний, поэтому при слиянии им необходимо было соблюдать антимонопольное законодательство.

Еще одну точку зрения относительно понятия «цифровая платформа» высказал Т. С. Купревич: «Теперь платформой называют и виртуальную торговую площадку, и всю совокупность ее пользователей, и программный, аппаратный и сетевой комплексы, бизнес-модель и фирму, ее реализующую» [6, с. 312]. То есть автор под цифровой платформой одновременно понимает технологию, экономические и правовые явления. Это связано с тем, что сам термин «платформа», как указывают Е. Губин и Ю. Харитоновна, зачастую используется в популистических целях в маркетинговых материалах [3, с. 12], где данные платформы отнесены не только к технологическому продукту.

Исходя из вышеизложенного, можно констатировать, что сами по себе «цифровые платформы» не относятся к правовому явлению. Цифровые платформы предназначены для цифровой трансформации отраслей экономики и организации взаимодействия участников в этой отрасли. По своей сути они являются «оцифрованными двойниками отраслей экономики страны», образующими в своей взаимосвязи экосистему цифровой экономики [8, с. 320–321]. Данная экосистема в Российской Федерации является фундаментальным элементом цифровой экономики [4]. В Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. раскрывается понятие «экосистема цифровой экономики», под которой понимается «партнерство организаций, обеспечивающее постоянное взаимодействие принадлежащих им технологических платформ, прикладных интернет-сервисов, аналитических систем, информационных систем органов государственной власти Российской Федерации, организаций и граждан»¹. Таким образом, в данном определении заложен основной постулат, что, несмотря на важность перевода экономики на цифровые платформы, взаимодействие этих платформ осуществляют организации, т.е. юридические лица. Сами платформы являются технологическими, а системы их обеспечивающие, в том числе и технические. У права задача выработать требования к созданию данных цифровых платформ. Как правильно указывает В. А. Вайпан, «...непредвиденные последствия новых технологий в целом могут представлять угрозу обществу, а потребители цифровых услуг и продуктов попадают в зону повышенного риска. В этих условиях перед законодателем возникает проблема нахождения баланса между развитием цифровых технологий и необходимостью

¹ Подпункт «с» п. 4 разд. I Указа Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг.».

защиты общественных интересов и прав потребителей» [2, с. 15]. При принятии нормативно-правовых актов, регулирующих цифровые платформы, необходимо взаимодействие юристов и специалистов в сфере цифровых технологий с целью понимания всех особенностей алгоритма действий на данных цифровых платформах. Общие принципы создания и построения взаимоотношений на цифровой платформе должны быть предусмотрены в законе. В подзаконных нормативных актах необходимо предусмотреть регулирование цифровых платформ с учетом требований отдельных отраслей экономики, назначения платформы (т. е. какой вид деятельности осуществляется с помощью платформы), типа платформы (инструментальная, инфраструктурная, прикладная цифровые платформы). В законе положения должны быть посвящены технологическим составляющим (источники информации, средства доставки информации, средства хранения, агрегации и обогащения информации, условия проверки контрагентов и т.п.), а также взаимодействию субъектов (организации, которым принадлежат платформы — оператор платформы; пользователи платформы для достижения своих экономических интересов — субъекты, между которыми непосредственно возникают имущественные, корпоративные, интеллектуальные и иные гражданско-правовые отношения). Этим законом будут регулироваться отношения непосредственно между оператором платформы и пользователями, т. е. необходимо обозначить обязательные условия использования платформы, распределение рисков убытков в случае нарушения или сбоя работы платформы и т.д. Иные условия использования цифровой платформы можно предусмотреть в гражданско-правовом договоре, который будет являться основанием возникновения правоотношений между оператором и пользователями цифровой платформы.

Библиографический список

1. *Алексеев С. С.* Проблемы теории права: курс лекций: в 2 т. — Свердловск: Б. и., 1972. — Т. 1: Основные вопросы общей теории социалистического права. — 396 с.
2. *Вайпан В. А.* Создание современной регуляторной среды для цифровой экономики // Проблемы гармонизации экономических отношений и права в цифровой экономике: монография / отв. ред. В. А. Вайпан, М. А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2020. — С. 12–28.
3. *Губин Е., Харитоновна Ю.* Цифровые платформы в Европе, Китае и России: основные подходы и тенденции правового регулирования // Право и экономика. — 2020. — № 8. — С. 5–13.
4. *Иванов А. Л., Шустова И. С.* Исследование цифровых экосистем как фундаментального элемента цифровой экономики // Креативная экономика.

— 2020. — Т. 14, № 5. — URL: <https://creativeeconomy.ru/lib/110151> (дата обращения: 25.04.2021).

5. *Карицхия А. А.* Цифровые технологические (онлайн) платформы: российский и зарубежный опыт регулирования // ЮрФак: изучение права онлайн. 2019. — URL: https://urfac.ru/?p=2426#_ftn4 (дата обращения: 13.05.2021).

6. *Купревич Т. С.* Цифровые платформы в мировой экономике: современные тенденции и направления развития // Экономический вестник университета. — 2018. — № 37-1. — С. 311–318.

7. *Мансуров Г. З.* Цифровое право: учеб. пособие. — Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2020. — 122 с.

8. *Мыйнова О. В., Белинский А. Ф.* Проблемы и противоречия развития электронной экономики в РФ // Инновационные технологии в развитии социально-экономических систем: сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф. (Севастополь, 23–25 мая 2018 г.) / под ред. Е. И. Пискун, Л. С. Шаховской, Р. М. Нижегородцева. — Севастополь: СевГУ, 2018. — С. 318–326.

9. *Принудительное лицензирование: зарубежный опыт* // Бюллетень о развитии конкуренции. — 2017. — Вып. 20. — URL: <https://ac.gov.ru/files/publication/a/15700.pdf> (дата обращения: 14.05.2021).

10. *Рожкова М. А.* Сайт, информационный ресурс, информационная система, онлайн-платформа — что это такое и как они взаимосвязаны между собой? // Закон.ру. — 2021. — URL: https://zakon.ru/blog/2021/4/19/sajt_informacionnyj_resurs_informacionnaya_sistema_onlajn-platforma_chno_eto_takoe_i_kak_oni_vzaimo (дата обращения: 14.05.2021).

11. *Рожкова М., Кузнецова Л.* Об ответственности агрегаторов в контексте понимания их деятельности как агентирования // Хозяйство и право. — 2019. — № 1. — С. 27–34.

12. *Цифровое право: учеб. пособие* / под общ. ред. В. В. Блажева, М. А. Егоровой. — М.: Проспект, 2020. — 640 с.

С. Г. Сидоров

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург;

С. А. Бараковских

Уральский юридический институт МВД России, г. Екатеринбург

Особенности электронного социального паспорта обучающегося в современных условиях цифровизации

Аннотация. Статья посвящена повышению качества юридического образования в современных условиях цифровизации. Акцентируется внимание на комплексном и систематическом учете всех достижений обучающихся университета как будущих специалистов юридического профиля. Приоритет отдается формированию электронного социального паспорта в виде электронного портфолио каждого обучающегося с соответствующей его характеристикой.

Ключевые слова: качество юридического образования; цифровизация; социальный паспорт; электронное портфолио обучающегося.

Проблематике повышения качества юридического образования посвящены работы многих научных, педагогических и практических исследователей. При этом на первый план новой образовательной парадигмы и реализуемой образовательной политики государства выходит транспарентность национальных государственных образовательных стандартов и инклюзивность реализации болонских принципов, на фоне все большей диверсификации европейских обществ. Все большую актуальность приобретают концепции индивидуальной траектории профессионального развития и переход — от парадигмы одного образования на всю жизнь к концепции образования в течение всей жизни. Безусловно, основными задачами также остаются развитие и совершенствование инновационных образовательных программ с привлечением самых последних информационных технологий, ориентация образования на требования рынка труда и юридических услуг, а также гармоничным соотношением теории и практики. Все эти положения находят свое отражение в соответствующих изменениях государственных образовательных стандартов по подготовке юридических кадров.

Можно утверждать, что подобные усовершенствования только усиливают качество подготовки юридических кадров, обязанностью которых является следование закону, обеспечение конституционной защиты прав и свобод человека и гражданина, которые изначально являются высшей ценностью.

Более того, вопрос подготовки специалистов в области права можно рассматривать и с позиций конституционной безопасности, как это делал, профессор Н. С. Бондарь, который утверждал, что в концен-

трированном виде понимание юридического образования и его качество подготовки суть проблема конституционной безопасности нашей страны. При этом под конституционной безопасностью понимается состояние защищенности личности, общества и государства и последовательного обеспечения верховенства права при балансе конституционных ценностей [1, с. 23].

Исходя из предложенного профессором К.М. Левитаном понятия образования как характеристики результата процесса — мы сосредоточимся только на этом аспекте. «Под результатом подразумевается совокупность систематизированных знаний, умений, навыков, а также интеллектуальных, личностных, поведенческих качеств, сформированных в результате обучения и воспитания в определенной образовательной системе. Стандартизированные требования к знаниям, умениям, навыкам, качествам выпускника специального учебного заведения содержатся в так называемых профессионально-квалификационных характеристиках» [2, с. 15].

В качестве примера выберем федеральный государственный образовательный стандарт 40.05.04¹ по разделу «Требования к результатам освоения программы специалитета», который конкретизирует это необходимостью формирования профильных компетенций. Общее число этих общекультурных, общепрофессиональных, профессиональных и профессионально-специализированных компетенций может достигать по специализации 1 «Судебная деятельность» — 66 и по специализации 2 «Прокурорская деятельность» — 67. Несомненно, возникает вопрос: такая подробная детализация компетенций и разграничение условной модели прокурора или судьи позволит ли в итоге сложить в мозаику успешного специалиста выпускника?

Здесь, пожалуй, следует отметить специфику компетентного подхода, которая заключается в необходимости приобретения обучающимся не столько умений-знаний-навыков в рамках учебной дисциплины, сколько постижение междисциплинарных связей, как основы системно-ориентированного подхода. Говоря другими словами, за каждым частным знанием учебного предмета и преподавателем и обучающийся должны четко понимать то общее, к чему направлена образовательная программа. Однако, операционализация компетенций, вопросы оперативного и текущего контроля сформированности компетенций, уровня их междисциплинарного взаимодействия, учета требований будущей профессиональной деятельности и соответствие ожиданиям бу-

¹ *Федеральный* государственный образовательный стандарт высшего образования по специальности 40.05.04 Судебная и прокурорская деятельность (уровень специалитета), утв. приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 16 февраля 2017 г. № 144.

душего работодателя — это, и многое другое, рассматривается как функционал кафедры, т. е. основного исполнителя и реализатора образовательной программы. При этом определение выпускающей кафедры по специализации, формализация совместной деятельности деканатов, кафедр и учебно-методических объединений, а также выбор способа управления (функционального, системного или процессного подхода) по реализации программ специалитета — отдается на усмотрение образовательных организаций с учетом их многообразия, специфики материальной базы и квалификации профессорско-преподавательского состава. Создание федерального УМО в системе высшего образования по укрупненным группам специальностей и направлений подготовки 40.00.00 «Юриспруденция», безусловно, призвано к упорядочению, стандартизации и единообразному пониманию организации и проведения учебной и методической работы. Отсутствие до настоящего времени четкого нормативного подхода в определении модели прокурора или судьи, так называемого профессионального стандарта юриста, также лишает соответствующего инструментария в системном контроле качества подготовки юридического резерва.

Необходимо заметить, что кадровые службы правоохранительных органов Российской Федерации вопросы профессионального соответствия кандидатов, претендующих на замещение должностей хорошо проработаны. Например, в органах и организациях прокуратуры выделено следующее: нравственные качества, уровень социализации, социальной активности, интеллекта, умственной работоспособности, широта кругозора и интересов, коммуникативные и организаторские качества, характерологические особенности, мотивационная сфера личности с ведущими мотивами деятельности, уровень нервно-психической устойчивости в сложных условиях деятельности, профессиональная направленность. Кроме этого, выделяются и неблагоприятные факторы. В первую очередь это дезадаптивные возможности кандидата к специфике и особенностям службы прокурорского работника.

В соответствии со ст. 41 Закона РФ от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» и Приказа Генпрокуратуры России от 20 июня 2012 г. № 242 «Об утверждении Положения о порядке проведения аттестации прокурорских работников органов и учреждений прокуратуры Российской Федерации» действующие прокурорские работники подлежат аттестации, проводимой с целью совершенствования деятельности органов и учреждений прокуратуры, определению уровня профессиональной подготовки работников и т. д.

В настоящее время процесс цифровизации затронул практически все аспекты общественной жизни [3, с. 5]. С учетом современных тенденций дальнейшее совершенствование деятельности профильного

учебного подразделения Университета в вопросах контроля качества юридического образования возможно может быть организовано следующим образом. В рамках контроля уровня сформированности компетенций — взаимодействие с выпускающими кафедрами по специализациям программ специалитета и учебно-методическим советом, персональное обсуждение итогов практик и первых аттестаций молодых прокурорских работников, мониторинг психологического состояния студентов и учебных групп, участие в работе психологической службы университета по адаптации первокурсников к новым условиям, учет дисциплинарных взысканий и поощрений обучающихся, их участие и победы в различного рода научных и творческих конкурсах, контроль физической готовности в соответствии требованиями комплекса «Готов к труду и обороне» или участие в спортивных соревнованиях высокого уровня — с последующей формализацией всех этих результатов или показателей в виде итогового рейтинга обучающегося в группе, курсе, институте, Университете. Более того, можно отметить, что важность внеучебной деятельности для обучающихся, подтверждается и результатами исследования по определению социологического портрета обучающегося по направлению подготовки «Юриспруденция», которое проводилось в 2021 г. кафедрой гражданского права Уральского государственного экономического университета совместно с социологической лабораторией кафедры прикладной социологии (С. Г. Сидоров, М. В. Клейменов, Т. В. Шалаумова). Анализ анкетирования обучающихся, указывает на то, что данная сфера деятельности выделяется студентами в качестве одной из приоритетных во время обучения в университете. Кроме того, в рамках создания репутационной истории обучающегося, возможно, имеет смысл творческого использования накопленного китайского опыта системы «социального рейтинга» применительно к условиям образовательной организации. На наш взгляд, возможно реализовать проект, назовем его условно «99 специалистов/бакалавров/магистров», где все студенты-выпускники ранжируются по итогам анкетирования в зависимости от условных социальных оценок, выставленных представителями сообщества Университета (профессорско-преподавательским составом, сотрудниками администрации вуза, студенческими объединениями и самими студентами). Полагаем, что желание студента занять достойное место в этом комплексном рейтинге — может оказать известное активно-формирующее и воспитательное влияние на обучающегося, его лично-развивающее отношение к качеству образования и своему Университету.

Подобный комплексный и систематический учет всех достижений (равно и несоответствий будущей деятельности) — потребует формирование электронного социального паспорта в виде электронно-

го портфолио каждого обучающегося с соответствующей их характеристикой уполномоченными лицами. Итоговый документ можно рассматривать не только как попытку зрелой объективной самопрезентации обучающегося, но и самое главное, как активный фактор его стремления к образовательным достижениям, объективности в оценке своих общекультурных, общепрофессиональных, профессиональных и профессионально-специализированных компетенций, повышению общей конкурентоспособности как будущего специалиста и профессионала. Формирование электронного социального паспорта — позволит аккумулировать и систематизировать в одном месте результаты всей академической активности студентов как учебной, так и внеучебной, творческой, спортивной, волонтерской деятельности за все время обучения.

Насколько материал электронного социального паспорта (портфолио) и процесс его формирования может быть основанием успешности выпускника юридического вуза как будущего юриста и специалиста-правоведа в современных условиях цифровизации — покажет опыт и время.

Библиографический список

1. *Бондарь Н. С.* Российское юридическое образование как конституционная ценность: национальные традиции и космополитические иллюзии. — М.: Юрист, 2017. — 72 с.
2. *Левитан К. М.* Юридическая педагогика: учебник. — М.: Норма, 2008. — 432 с.
3. *Мансуров Г. З.* Цифровое право: учеб. пособие. — Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2020. — 122 с.

Возможности и риски применения механизма ГЧП для цифровых инфраструктурных проектов

Аннотация. Переход к цифровой экономике обусловил возложение на государственно-частное партнерство (ГЧП) новых задач по развитию интеллектуальной, научно-технической и внедренческой деятельности. В статье анализируются перспективы организации взаимовыгодного сотрудничества государства и бизнеса в целях построения цифровой экономики России. Указывается на то, что по отдельным ключевым экономическим направлениям у России имеется существенный потенциал применения механизмов ГЧП. Государственно-частное партнерство позволит привлечь инвестиции в исследования и разработки в области информационно-коммуникационных технологий наряду с созданием благоприятных условий для бизнеса.

Ключевые слова: цифровая экономика; государственно-частное партнерство; инновации; цифровые технологии; публичный партнер; частный партнер.

Современные ученые отмечают, что реализация инновационных проектов не может быть полностью связана с бюджетным финансированием, возможности которого в последнее время заметно сократились. Теперь их реализация во многом зависит от привлечения к таким проектам представителей бизнеса и от его спроса на инновационные разработки [1, с. 221]. Д. Д. Крыканов и К. А. Патрунина особо подчеркивают, что инфраструктурное и инновационное развитие может играть роль драйвера в макроэкономическом развитии региона. В условиях цифровой трансформации экономики старые подходы к определению инфраструктуры и инноваций требуют изменения. Главное новшество цифровой экономики — переосмысление информации не как инструмента управления, а как самостоятельного товара [4].

Так, в Концепции формирования Государственной комплексной программы развития машиностроения отмечается, что развитие одного из его инновационных направлений — роботостроения — может осуществляться на началах государственно-частного партнерства (далее — ГЧП) [2]. Более того, Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» предусматривает развитие ГЧП в области цифровых технологий [3]. Применение модели ГЧП для финансирования цифровой экономики предусмотрено указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.», а также Федеральным законом от 29 июня 2018 г. № 173-ФЗ «О внесении из-

менений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», расширяющим перечень объектов соглашений о ГЧП и концессионных соглашений. В настоящее время объектами соглашений о ГЧП могут быть ИТ-системы и проекты. В частности, объектами соглашений о ГЧП и концессионных соглашений могут быть:

1) программы для ЭВМ, базы данных, информационные системы и сайты в интернете или других сетях, либо технологически связанные ИТ-объекты и имущество;

2) совокупность зданий, частей зданий или помещений, объединенных единым назначением с движимым имуществом, технологически связанными с ИТ-объектами, и предназначенных для автоматизации.

При этом в первом случае концессионером не могут являться иностранные инвесторы и российские юридические лица, решения которых прямо или косвенно могут определять нерезиденты, иностранные государства, их органы, за исключением случаев, определенных международным договором Российской Федерации, федеральным законом, указом Президента РФ.

Названный ранее Федеральный закон устанавливает также особенности регулирования отношений, возникающих в связи с подготовкой, заключением, исполнением и прекращением соглашений о ГЧП и концессионных соглашений, объектами которых являются ИТ-технологии и технические средства обеспечения функционирования ИТ.

ГЧП представляет собой новый этап реализации совместных проектов и одновременно эффективный инструмент развития различных отраслей экономики. Полагаем, что оно будет успешно применяться и в сфере информационных технологий, что позволит более эффективно привлекать частный капитал для решения государственных задач в сфере ИТ. Например, ГЧП удобно для разработки и внедрения технологий «Умный город» в регионах России. Ранее федеральное законодательство о ГЧП не учитывало специфику ИТ-проектов. Так, обязательным условием для заключения концессионного соглашения было наличие недвижимого имущества, которое необходимо создать или реконструировать. Это существенно осложняло разработку и модернизацию государственных информационных систем и ИТ-инфраструктуры. Изменения, внесенные в законодательство, позволяют привлекать дополнительные инвестиции частных партнеров для этих целей. По нашему мнению, именно модель концессии является для инвестора оптимальной. Бюджеты государственных структур ограничены, следовательно, частные инвестиции помогут оперативно запускать ИТ-проекты и существенно экономить бюджетные средства. Важной новеллой принятого закона является возможность существенно повысить слож-

ность и комплексность реализуемых в государственном секторе инновационных IT-проектов.

Между тем, следует отметить, что есть определенные риски, связанные с созданием, развитием и эксплуатацией государственных IT-систем, создаваемых в рамках концессионных соглашений. Речь идет, в частности, об изменении требований к порядку создания, развития, ввода в эксплуатацию, эксплуатации и вывода из эксплуатации государственных информационных систем и дальнейшего хранения содержащейся в их базах данных информации, которые определяются постановлением Правительства РФ от 6 июля 2015 г. № 676 «О требованиях к порядку создания, развития, ввода в эксплуатацию, эксплуатации и вывода из эксплуатации государственных информационных систем и дальнейшего хранения содержащейся в их базах данных информации» (далее — постановление Правительства РФ № 676). Действие указанного нормативного акта распространяются на государственные IT-системы, создаваемые в рамках ГЧП. Представляется целесообразным дополнить их созданием IT-систем по концессионным соглашениям. Предлагаемое изменение позволит устранить противоречия между Федеральным законом от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и Федеральным законом от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях». Это представляется важным, поскольку, как было отмечено, концессионное соглашение является одной из форм ГЧП. Кроме того, внесение данного изменения позволит устранить пробел в законодательстве в отношении установления требований к созданию информационных систем на основе концессионных соглашений.

Действующее законодательство, регулирующее вопросы ГЧП и концессий, закрепляет возможность заключения соответствующих соглашений в отношении IT-объектов, в том числе государственных информационных систем. Между тем, следует определить законодательно особенности создания и ввода в эксплуатацию систем, создаваемых на основании концессионного соглашения и соглашения о ГЧП.

Кроме того, при включении концессий в предмет регулирования в постановление Правительства РФ № 676 требования к порядку создания, развития, ввода в эксплуатацию, эксплуатации и вывода из эксплуатации государственных систем не меняются. В действующей редакции постановления речь идет только об органах исполнительной власти и частных партнерах. Между тем, считаем необходимым дополнить данное положение нормой о концессионных соглашениях и концессионерах.

Для государственных IT-систем наряду с требованиями законодательства РФ о концессионных соглашениях необходимо обеспечить соблюдение требований к порядку их создания, развития, ввода в эксплуатацию, эксплуатации и вывода из эксплуатации и дальнейшего хранения содержащейся в их базах данных информации, утвержденное постановлением Правительства РФ № 676. В действующей редакции данного постановления требования учитывают особенности, связанные с созданием или развитием государственных информационных систем в рамках реализации соглашений о ГЧП, но не учитывают аналогичные особенности для концессионных соглашений, что является препятствием для их реализации. Предлагаемые изменения позволят устранить существующие барьеры, что станет основанием для создания или развития государственных информационных систем на посредством концессионных соглашений.

Кроме того, как справедливо отмечается в ряде научных статей, для быстрого и успешного перехода к цифровой экономике в ее ключевых отраслях было бы эффективным установить государственного регулирования цифровой отрасли, в частности, обеспечить полную правовую поддержку оказания цифровых услуг [5, с. 63–64]. Механизмы ГЧП, успешно применяемые в сфере создания транспортной и социальной инфраструктуры, спорта и ЖКХ, могут быть использованы и в IT-отрасли. Соглашения о ГЧП и концессионные соглашения позволят привлечь рынок IT и сформировать наукоемкую базу для создания цифровой инфраструктуры регионов, а также оказать поддержку «стартапам» и субъектам малого и среднего предпринимательства в области разработки и внедрения цифровых технологий в существующие или новые проекты.

Библиографический список

1. Варнавский В. Г., Клименко А. В., Королев В. А. Государственно-частное партнерство: теория и практика: учеб. пособие. — М.: Высшая школа экономики, 2010. — 284 с.
2. Громова Е. А. Соглашение об осуществлении технико-внедренческой деятельности: гражданско-правовой договор // Администратор суда. — 2014. — № 2. — С. 45–50.
3. Клинкаров В. В., Дружинин Е. И. Проблемы определения объекта соглашений в сфере публично-частного партнерства // Юрист. — 2017. — № 11. — С. 16–21.
4. Крыканов Д. Д., Патрунина К. А. Крупные инфраструктурные проекты в сфере цифровых технологий: возможности и риски применения инструментов государственно-частного партнерства для цифровых инфраструктурных проектов. — URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/d82/upravlenie-riskami>

primeneniya-instrumentov-gosudarstvenno-chastnogo-partnerstva-dlya-cifrovyh-infrastrukturnyh-proektov.pdf (дата обращения: 01.05.2021).

5. *Парахина В. Н., Устаев Р. М., Борис О. А., Воронцова Г. В., Момотова О. Н.* О необходимости применения государственно-частного партнерства в развитии цифровой экономики // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. — 2019. — № 2. — С. 62–67.

Д. В. Фролов, Д. А. Юсупова

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Неприкосновенность частной жизни в цифровой среде

Аннотация. Статья посвящена проблемам обеспечения права человека на неприкосновенность частной жизни в цифровую эпоху. Особое внимание уделяется принятым государством мерам по противодействию угрозам неприкосновенности частной жизни. Авторы приходят к выводу, что в России необходимо создать орган по надзору за безопасностью и приватностью личных данных в цифровой среде или наделить соответствующими полномочиями Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ.

Ключевые слова: право; цифровизация; личная и семейная тайна; персональные данные; ГЛОНАСС; GPS.

За два десятилетия XXI века цифровые технологии стали неотъемлемой частью нашей повседневной жизни. Однако отрицательной стороной их распространения стала угроза частной жизни и посягательства на ее неприкосновенность.

Цифровая среда дает неограниченные возможности, в рамках которых могут происходить различного рода посягательства и нарушения права людей на неприкосновенность частной жизни. При этом они могут происходить как со стороны государства, так и юридических и физических лиц. Согласно Доктрине информационной безопасности, «расширение областей применения информационных технологий, являясь фактором развития экономики и совершенствования функционирования общественных и государственных институтов, одновременно порождает новые информационные угрозы»¹.

Как справедливо отмечает С. В. Полищук, «право на неприкосновенность частной жизни, являясь одним из основных конституционных прав человека и гражданина, отражает стремление каждого иметь свой собственный мир интимных, семейных, деловых и иных интересов, не

¹ *Доктрина* информационной безопасности Российской Федерации, утв. указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646.

подлежащих контролю со стороны государства, общества и отдельных граждан» [4, с. 164].

Нормативно-правовое регулирование права на частную жизнь осуществляется посредством как международных, так и национальных нормативно-правовых актов. Рассматривая международный уровень, можно увидеть, что право на неприкосновенность частной жизни закрепляется следующими нормативно-правовыми актами: Всеобщей декларацией прав человека¹ (ст. 12), Международным пактом о гражданских и политических правах² (ст. 17) и Конвенцией о защите прав человека и основных свобод³ (ст. 8). Что касается российского законодательства, то данное право закреплено в Конституции РФ⁴ (ст. 23, 24).

Основная идея всех вышеперечисленных актов заключается в запрете на посягательство в частную жизнь и в обязательном согласии лица на сбор, обработку, использование и распространение информации о ней.

С целью изучения угроз безопасности частной жизни и определения мер по предотвращению и борьбе с ними необходимо выделить наиболее актуальные в цифровую эпоху проблемы, затрагивающие права человека на неприкосновенность личной (частной) жизни.

В условиях цифровой среды перед современным обществом возникла проблема сохранения своих персональных данных. Широкое распространение получило хищение персональной информации граждан при интернет-эквайринге, кража личных данных граждан и доступ к их банковским счетам за счет фишинга со стороны мошенников.

В настоящее время обширную популяризацию получили системы спутниковой навигации, например, ГЛОНАСС и GPS, с помощью которых появилась возможность без проблем устанавливать и отслеживать геолокацию людей в настоящий момент времени без их согласия и ведома.

Нельзя не согласиться с мнением С. В. Нарутто о том, что «...правовое регулирование значительно отстает от сложных технологий» [3]. Действительно, наличие пробелов в законодательстве связано с непрерывным развитием информационных технологий, что значи-

¹ *Всеобщая декларация прав человека*, принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.

² *Международный пакт о гражданских и политических правах*, принят Генеральной Ассамблеей ООН 16 декабря 1966 г.

³ *Конвенция о защите прав человека и основных свобод* (заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г.).

⁴ *Конституция Российской Федерации*, принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.

тельно осложняет защиту прав на неприкосновенность частной жизни. Тем не менее, со стороны законодателей происходит осознание необходимости защиты частной жизни в цифровой среде и внесения изменений в действующее законодательство.

Так, в рамках обновления и совершенствования действующего законодательства мы можем наблюдать позитивные изменения, которые касаются права людей на защиту своих персональных данных. В частности, для борьбы с незаконным распространением персональных данных пользователей были приняты поправки к Федеральному закону от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных», которые вступили в силу 1 марта 2021 г. Согласно данным поправкам, лицо может воспользоваться своим правом на обращение к оператору персональных данных с требованием удалить свои личные данные из открытого доступа без условий доказательства того факта, что его персональные данные уже устарели, являются неполными или же были получены и выложены в сеть незаконным путем. Таким образом, основанием для изъятия или удаления персональных данных закрепляется непосредственное отношение данных к лицу, т. е. признание их личными.

Безусловно, для сохранения неприкосновенности частной жизни в цифровой среде особую важность имеет система образования, которая не только занимается воспитанием подрастающего поколения, но и готовит специалистов по защите прав и свобод граждан — юристов, судей, адвокатов и т. д. Однако и эта система может быть источником распространения сведений о лице, так как сегодня образовательный процесс предполагает использование электронной информационно-образовательной среды [1], а также и сам процесс реализации права на образование предполагает использование цифровых технологий и средств [2].

Как видно, именно цифровые технологии вызвали необходимость пересмотра общественного договора между государством и индивидом с учетом границ вмешательства в личную жизнь. Глобальные угрозы, прежде всего террористические, не могут не влиять на возможности ограничения и вмешательства в личное пространство человека. В этом процессе явление неприкосновенности и тайны частной жизни не должно исчезнуть. В связи с этим первоочередной задачей в сфере защиты права на неприкосновенность частной жизни в цифровой среде является поиск баланса между интересами национальной безопасности и тайной личной жизни человека.

Международный опыт реализации этой задачи включает в себя создание структуры по защите персональных данных в цифровой среде. Законодательством Европейского Союза предусмотрено требование по созданию национальных органов, основными функциями кото-

рого являются надзор за исполнением законов о защите персональных данных и рассмотрение жалоб о нарушении приватности (например, Национальная комиссия по информатике и гражданским свободам во Франции и Федеральное бюро информационно-технической безопасности в Германии).

Таким образом, вопрос о неприкосновенности частной жизни в условиях развития цифровых технологий становится особенно актуальным и требует своевременного и грамотного законодательного регулирования и контроля за его соблюдением. В настоящее время в России не существует специального органа по надзору за безопасностью и приватностью личных данных в цифровой среде, хотя его необходимость давно назрела. Полномочия такого органа должны включать в себя рассмотрение жалоб граждан на вторжение в их частную жизнь, контроль над исполнением законов, экспертизу законодательных инициатив и выпуск рекомендаций по сбору и обработке персональных данных. Представляется, что первоначально можно было бы возложить данные полномочия на Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации.

Библиографический список

1. *Задорина М. А.* Развитие юридического образования в России: вызовы 2020 // Современные проблемы государства и права: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 65-летию Сибирского университета потребительской кооперации (Новосибирск, 10 декабря 2020 г.) / под ред. Р. А. Процалыгина. — Новосибирск: СибУПК, 2020. — С. 520–523.

2. *Задорина М. А.* Цифровизация процесса реализации конституционного права на образование в России // Проблемы взаимодействия публичного и частного права при регулировании цифровизации экономических отношений: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 17 ноября 2020 г.). — Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2020. — С. 36–40.

3. *Нарутто С. В.* Тайна связи // СПС «КонсультантПлюс». — URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 24.03.2021).

4. *Полищук С. В.* Право на неприкосновенность частной жизни в цифровой век // Гуманитарный вестник Военной академии ракетных войск стратегического назначения. — 2019. — № 3 (16). — С. 163–169.

Научный руководитель: М. А. Задорина,
кандидат юридических наук, доцент

Правовые основы сделок с объектами криптоискусства

Аннотация. В статье представлено определение понятия «криптоискусство», выделены возможности совершения сделок с арт-объектами на основании технологии блокчейн. Сделан вывод о том, что технология блокчейн дает преимущества в части защиты авторских прав создателей цифровых объектов искусства. Рост интереса к сделкам с объектами криптоискусства определяет необходимость развития и совершенствования нормативно-правовой базы.

Ключевые слова: криптовалюта; криптоискусство; блокчейн; правовое регулирование; сделка.

Широкое развитие компьютерных технологий оказывает влияние на все сферы общественной жизни, в том числе и на сферу искусства. Это влияние носит разноплановый характер. Во-первых, цифровые технологии все активнее используются для создания визуальных, аудио и мультимедийных эффектов. Инструментами современных художников все чаще становятся не краски и холст, а компьютерные программы. Во-вторых, появляются новые виды арт-объектов: цифровые фотографии и рисунки, видеозаписи, клипы. В-третьих, развитие цифровых технологий стало оказывать влияние не только на создание объектов, но и на закрепление авторских прав и совершение сделок.

Феномен цифрового искусства достаточно активно изучается российскими и иностранными учеными. А. С. Завьяловым цифровое искусство определяется как «практика взаимодействия с цифровым инфопространством, результатом которой является цифровой фрагмент (программа, файл или иные данные), использующийся в творческой работе, маркированной определенной парадигмой искусства как художественное произведение» [2]. С. В. Ерохин еще в 2008 г. поднял вопрос о проблемах подлинности произведений цифрового искусства [1]. Следует отметить, что термин «цифровое искусство» пока используется гораздо чаще, чем «криптоискусство». Российские публикации, посвященные вопросам сделок с объектами криптоискусства пока единичны. Например, В. П. Кириллов анализирует возможности инвестирования в объекты искусства на основании технологии блокчейн [3]. Под «криптоискусством» предлагается понимать вид цифрового искусства, в рамках которого права на объекты фиксируются и передаются на основании технологии блокчейн.

Феномен криптоискусства имеет много аспектов. Он тесно связан с оборотом криптовалют и технологией блокчейн. В блокчейне каждая

запись называется токеном. Наиболее распространенными являются равнозначные и взаимозаменяемые токены, когда один токен можно заменить на другой. Сделки с объектами криптоискусства основываются на невзаимозаменяемых токенах (далее — NFT). Их особенности заключаются в том, что каждый NFT является уникальным, его нельзя заменить, подделать, разделить. Применительно к объектам криптоискусства невзаимозаменяемый токен представляет собой запись о его создателе, информацию о всех владельцах и стоимости. Технология невзаимозаменяемых токенов стала использоваться с 2017 г. на основе смарт-контрактов Ethereum. Активное внедрение NFT в сферу искусства началось в 2020 г.

Криптоискусство — очень привлекательный формат как для молодых художников, так и коллекционеров. Крупнейшие зарубежные аукционные дома уже имеют опыт совершения сделок с объектами криптоискусства. Показательным является следующий пример. Работа художника Бэнкси была конвертирована в NFT. Примечательно, что художник сжег оригинал работы. Цифровой образ сожженной картины был продан за 95 тыс. долл. США. Еще одним интересным примером является цифровой коллаж «Everydays: The First 5000 Days», который был продан на аукционе Christie's за 69,3 млн долл. США. Картина состоит из 5 000 изображений, которые художник рисовал по одному изображению в день на протяжении 13 лет, начиная с 1 мая 2007 г. Из российских художников следует отметить работу Покрас Лампаса «Transition», цена на которую составила 28 тыс. долл. США. По мнению представителей наиболее влиятельных галерей и аукционов, такие токены идеальны для совершения сделок с произведениями искусства, особенно если эти произведения созданы в цифровой форме. Для авторов криптоискусство предлагает способ напрямую продавать свои произведения на основании использования цифровых аукционных площадок. При этом автор может использовать все преимущества глобального рынка. Его работы могут заинтересовать потенциального покупателя из любой точки мира. Интерес коллекционеров оправдывается ростом цен на объекты, что делает их привлекательными для инвестиций.

Увеличение объемов сделок с объектами криптоискусства во многом будет зависеть от развития инфраструктуры. Для совершения сделок с объектами криптоискусства активно создаются специализированные сайты — маркетплейсы. Большинство сделок с объектами криптоискусства осуществляются с помощью криптовалюты Ethereum. В таблице представлена характеристика наиболее популярных сайтов по продаже объектов криптоискусства.

Примеры цифровых площадок по совершению сделок с объектами криптоискусства

Площадка	Валюта/криптовалюта для расчетов	Критерии отбора
Nifty Gateway	Ethereum, долл. США	Работы известных художников, фотографов
Rarible	Ethereum	Любые работы, загруженные на платформу
NFT Showroom	Hive	Любые работы, загруженные на платформу
NBA TopShot	Ethereum	Цифровые объекты на тему баскетбола

Примечание. Составлено автором на основании сайтов маркетплейсов.

Представленный обзор показывает, что большинство сделок с объектами криптоискусства пока совершается на площадках за пределами российской юрисдикции. Однако граждане Российской Федерации уже принимают участие в сделках и как авторы, и как инвесторы.

Технология NFT дает целый ряд преимуществ для участников рынка. Особенность цифрового объекта искусства заключается в том, что его достаточно легко тиражировать. Так, изображение, которое хотя бы один раз появилось в сети, может быть скопировано многократно. Суть технологии заключается не столько в защите от копирования, сколько в фиксации права собственности на объект. Технология блокчейна защищает права владельца, дает возможность их быстрой передачи от собственника к собственнику.

Несмотря на такие преимущества, сделки с объектами криптоискусства пока вызывают много вопросов. Как было отмечено ранее, сделки с объектами криптоискусства совершаются в основном с помощью криптовалют. Следовательно, перспективы развития рынка криптоискусства во многом будут зависеть от регулирования криптовалюты. Волатильность криптовалют затрудняет анализ и прогнозирование рынка. Важной проблемой является отсутствие взаимодействия между галереями, которые используют различные стандарты и идентификацию художников и произведений искусства. Это не исключает возможности повторной продажи объекта на различных площадках. Возможной альтернативной мог бы стать единый реестр объектов криптоискусства, однако на момент подготовки публикации такого реестра хотя бы на уровне отдельного государства не сформировано.

Ряд консервативных инвесторов считает, что возникновение ажиотажного спроса на объекты искусства и необоснованные цены могут подогреваться недобросовестными владельцами и галереями. Если для защиты прав владельцев ценных бумаг уже разработаны правовые механизмы (Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 224-ФЗ «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информа-

ции и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», нормы Уголовного кодекса РФ¹, устанавливающие ответственность за подобные деяния), то для владельцев арт-объектов таких правовых гарантий пока нет. Вступивший в силу Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» пока не создает достаточной базы для регулирования сделок именно с арт-объектами. Неясными также остаются вопросы, связанные с наследованием, дарением, налогообложением.

Подводя итоги небольшого исследования, можно сделать вывод о том, что рост интереса к сделкам с объектами криптоискусства определяет необходимость развития и совершенствования нормативно-правовой базы. В перспективе можно прогнозировать создание реестров объектов искусства по аналогии, например, с реестром недвижимости.

Библиографический список

1. *Ерохин С. В.* Проблема подлинности произведений цифрового изобразительного искусства // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2008. — № 10 (66). — С. 159–165.
2. *Завьялов А. С.* Цифровое искусство как объект социально-философского анализа: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. — М., 2017. — 227 с.
3. *Кириллов В. П.* Возможности инвестирования в искусство при помощи технологии блокчейн // Вопросы науки и образования. — 2020. — № 27 (111). — С. 32–35.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ.

В. С. Шемет

Белорусский государственный экономический университет,
г. Минск, Республика Беларусь

Принципы и сущность организации деятельности Совета Безопасности Российской Федерации в условиях цифровизации

Аннотация. В статье исследуется правовой статус Совета Безопасности Российской Федерации. Сформулирован вывод о его координирующей роли в противодействии современным вызовам и угрозам. Акцентируется внимание на принципах и сущности организации деятельности Совета Безопасности в условиях цифровизации мирового сообщества.

Ключевые слова: Совет Безопасности; информационная безопасность; цифровизация; киберпреступность; национальные интересы.

Формирование и реализация государственной политики в сфере обороны и безопасности является сложной и многогранной задачей для любой страны мирового сообщества. Не вызывает сомнений тот факт, что обеспечить национальную безопасность государства без надлежащей координации деятельности оборонных и правоохранительных ведомств не представляется возможным. В силу этого надлежат государственные органы, рассматривающие наиболее важные аспекты обеспечения национальной безопасности, стратегические приоритеты в сфере внешней и внутренней политики, сформированы и действуют во многих государствах мирового сообщества, в том числе и в Российской Федерации.

Следует отметить, что в условиях цифровизации, постоянно растущих в количественном и качественном аспектах киберпреступлений возникает необходимость консолидации усилий по противодействию современным вызовам и угрозам. В связи с этим под патронажем Секретаря Совета Безопасности России, начиная с 2010 г., ежегодно проводятся заседания делегаций органов власти и различных ведомств иностранных государств, курирующих вопросы информационной безопасности своих стран.

Президент Российской Федерации В. В. Путин на заседании Совета Безопасности 26 марта 2021 г. обратил внимание на то обстоятельство, что «...Цифровую среду используют международные террористы, организованная преступность. Словом, здесь много потенциальных угроз для общей, глобальной безопасности и для отдельных стран, в том числе их суверенитета и национальных интересов»¹.

¹ Путин выступил за неизбежность цифрового суверенитета государств. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4749832> (дата обращения: 16.05.2021).

Об актуальности вопросов, связанных с обеспечением национальных интересов, свидетельствует и рассмотрение в формате Совета Безопасности 14 мая 2021 г. проблем обеспечения безопасности российской денежной системы применительно к разработкам в ведущих государствах мира национальных цифровых валют.

Совет Безопасности Российской Федерации существует почти 30 лет. Пункт «ж» ст. 83 Конституции РФ¹ указывает, что Президент РФ «формирует и возглавляет Совет Безопасности Российской Федерации, статус которого определяется федеральным законом». На сегодняшний день правовой статус Совета Безопасности Российской Федерации предопределяется рядом нормативных правовых актов законодательного и подзаконного уровней. На сегодняшний день утверждены положения о самом Совете Безопасности Российской Федерации, его аппарате, научном совете и различных межведомственных комиссиях при нем (в том числе о Межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации по информационной безопасности)².

Организация деятельности Совета Безопасности Российской Федерации базируется на основных принципах построения и функционирования системы государственной службы. К ним, в частности, относятся следующие принципы: верховенства права; законности; приоритета прав и свобод человека; единства системы государственной службы; самостоятельности деятельности государственных органов и др.

Вместе с тем, наряду с изложенными принципами, в основе организации деятельности Совета Безопасности Российской Федерации лежат и специфические принципы:

- принцип стратегического планирования;
- принцип многообразия организационно-правовых форм деятельности;
- принцип приоритетности защиты национальных интересов Российской Федерации в международной деятельности;
- принцип сочетания рекомендательного характера и обязательного исполнения решений Совета Безопасности;
- принцип научного обоснования принимаемых решений;
- принцип особой координирующей роли Совета Безопасности в сфере обеспечения национальной безопасности;

¹ Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.

² См. подробнее: *О безопасности*: федер. закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ; *Вопросы Совета Безопасности Российской Федерации*: указ Президента РФ от 6 мая 2011 г. № 590.

— принцип адекватности и своевременности принимаемых решений по возникающим вызовам и угрозам [1, с. 107–121].

Полагаем целесообразным обратить внимание на координирующую роль Совета Безопасности Российской Федерации в области внешней разведки, так как она «позволяет заранее прогнозировать возникновение внешних рисков, вызовов и угроз национальной безопасности и превентивно вырабатывать меры адекватного реагирования» [2, с. 290], в том числе и в информационной сфере.

В условиях цифровизации всего мирового сообщества в сфере обеспечения защиты национальных интересов России в информационной сфере особое значение приобретает деятельность Межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации по информационной безопасности, функции которой закреплены в положении об этой комиссии¹.

В процессе деятельности Совета Безопасности Российской Федерации в условиях цифровизации сталкиваются интересы российского государства с одной стороны и интересы противодействующей стороны — с другой. Это может быть одно или несколько иностранных государств, террористическая или экстремистская организация, киберпреступники и т. д. При этом взаимодействие этих субъектов происходит на основе общения, осуществляемого на трех уровнях. В аспекте перцепции субъект противодействия стремится повлиять на работу Совета Безопасности в желательную для себя сторону. С коммуникативных позиций противодействие заключается в стремлении получить разведывательную информацию о характере реальных и потенциальных угроз в информационной сфере и передать дезинформацию о состоянии своих сил и средств. Интерактивность выражается в конфликтном взаимодействии, в несовместимости целей органов государственного управления России и противника [2, с. 290–292].

Таким образом, представляется возможным определить сущность организации деятельности органов государственного управления, в том числе и Совета Безопасности Российской Федерации по обеспечению информационной безопасности, как совокупность целенаправленных процессов или действий, ведущих к ликвидации или минимизации отрицательных факторов перцептивного, коммуникативного и интерактивного компонент, связанных с деятельностью субъектов противодействия в информационной сфере.

¹ *Положение о Межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации по информационной безопасности: утв. указом Президента РФ от 6 мая 2011 г. № 590.*

Библиографический список

1. Конституционно-правовой статус Совета Безопасности Российской Федерации: учеб. пособие / под общ. ред. Н. П. Патрушева. — М.: Известия, 2013. — 448 с.

2. Шемет В. С. О необходимости разработки проекта Закона Республики Беларусь «О внешней разведке» // Концептуальные основы современной криминалистики: теория и практика: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения заслуж. деят. науки Респ. Беларусь д-ра юрид. наук, проф. А. В. Дулова (Минск, 25 октября 2019 г.). — Минск: БГУ, 2019. — С. 288–292.

И. Д. Ягофарова

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Трансформация права в условиях цифровизации

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с трансформацией права в условиях современной цифровизации. Проведен анализ положительных и негативных результатов внедрения цифровых технологий в правовую сферу, которые могут изменить сущность права в целом.

Ключевые слова: цифровизация; цифровые технологии; программный код; правовое регулирование; сущность права; искусственный интеллект.

Спиралевидное развитие современной цивилизации происходит весьма динамично, что можно явно наблюдать по трансформации общественных отношений. Эти изменения связаны с активным внедрением цифровых технологий во все сферы общественной жизни.

Прежде всего, цифровизация коснулась экономической сферы. Развитие экономики все в большей степени подвергается массовому внедрению цифровых технологий, что меняет характер взаимодействия субъектов экономических отношений, а также воздействует на содержательные и видовые характеристики самих субъектов.

Существенные изменения в экономической сфере повлекли за собой изменения в сфере государственного управления, что связано с активной попыткой включения в управленческий процесс искусственного интеллекта, цифровых платформ и иных передовых технологий. Оценка результатов и эффективности цифровизации государственного управления противоречива, однако, отрицать неизбежный процесс поступательного развития современного мира невозможно, поэтому необходимо как можно более гибко и быстро подстраиваться под новые условия и корректировать существующие регуляторы.

Внедрение цифровых технологий невозможно без создания нормативной основы, поэтому на правовую систему ложится основная нагрузка. Однако, реальность такова, что российская правовая система, в силу многих причин, достаточно консервативна. Возникающие вызовы современности требуют быстрых и адекватных ответов в сфере правотворчества, правоприменения, правовой науке. Но не всегда это представляется возможным, поскольку это требует соответствующих временных и ресурсных затрат.

Процессы цифровизации оказывают существенное воздействие на элементы правовой системы и меняют сущность права в целом, что требует внимания со стороны научного сообщества и практических деятелей.

Коммуникативная теория права как постклассическая парадигма исходит из того, что правовая реальность формируется путем действий, производимых субъектами права. Существующие в знаковой форме правила воплощаются только в действиях субъектов, благодаря чему право понимается как совокупность действий субъектов, направленная на реализацию права. Соответственно, правоотношения представляют некий коммуникативный формат общения субъектов права для реализации своих интересов в отношении определенного объекта. Однако происходящие процессы цифровизации приносят свои новые сложности и изменения. Как отмечает В. В. Миронов, «электронная культура порождает целый ряд коммуникативно-психологических проблем» [3, с. 34, 36]. Это связано с тем, что цифровизация влияет на мышление так, что определенные мыслительные функции становятся не нужными. Формируется «клиповое» мышление, которое воспринимает информацию только на поверхности и субъект сначала совершает действие и только потом его обдумывает. В результате этого исчезает навык анализа и толкования конкретных текстов, что не дает возможность установления сущности и содержания проблемы. Это также влияет и на структуру правовых документов, которые становятся более упрощенными и подвижными. Как показывает практика, в целях ускорения создания правовых актов, убирают мотивировочную часть документа, что впоследствии вызывает вопросы у участников правового процесса.

Как отмечают иностранные исследователи [6; 7], использование цифровых технологий делает многие процессы более удобными и простыми, располагает к отказу от жесткого формализма, устойчивых конструкций, что свойственно для многих видов правовой деятельности. Но такая трансформация привычна для тех стран, где право в целом достаточно подвижно. Для российской системы такие движения воспринимаются сложно, поскольку консерватизм и наличие привычных конструкций для многих субъектов являются гарантией стабильности.

В результате всеобщей цифровизации, пришли к необходимости создания новых социальных регуляторов, которые бы отличались гибкостью и могли бы быть использованы всеми участниками отношений. Поскольку изменения в экономической сфере носят более принципиальный характер и связаны с необходимостью подстроиться под изменяющиеся реальности всеобщих процессов глобализации, то правовая система вынуждена будет стирать те жесткие границы, которые были установлены ранее и право будет становиться все более универсальным. Соответственно, раз большая часть деятельности будет осуществляется в виртуальном пространстве, то, к примеру, нормативный правовой акт, как определенная письменная форма закрепления правил поведения субъектов, также будет терять свою значимость и эффективность. Нормативный акт должен стать цифровым, приобрести некую интерактивную форму, дабы сохранить свое сущностное предназначение. В этой связи, сложно отрицать мнение Т. Я. Хабриевой, высказанное в ряде публикаций, что, наряду с традиционными регуляторами общественных отношений, вполне вероятно может возникнуть и новый — программный код, отличающийся от иных регуляторов своей гибкостью и адаптивностью [5, с. 10]. Именно данный социальный регулятор будет отвечать требованиям времени, поскольку обеспечивает процесс быстрой передачи информации в цифровом пространстве. В таких условиях смыслом всей коммуникации становится информация, которая стремительно меняется.

Применение цифровых технологий, их разнообразие и масштабность повысит доступность права, его возможностей, что усилит демократические тенденции в обществе и повысит уровень правовой грамотности населения. Это должно привести к возникновению более тесного диалога государства и гражданского общества, что, как идеалистическая парадигма, становится все более реальным в современных условиях цифровизации [1, с. 95]. Достичь этой модели крайне сложно, в силу противоречивости конечных целей и ожиданий различных социальных групп, но идею достижения некоего оптимального баланса также можно усматривать в этом. Это также будет способствовать укреплению национальной безопасности в целом [2].

Как результат, под воздействием цифровых технологий, право само будет менять свою форму и характеристику, но сама сущность права как основного регулятора общественных отношений, должна остаться неизменной. Достижение этого возможно только при сохранении роли человека в этом процессе, который и будет направлять все технологические процессы в нужное русло, дабы, изменяясь, сохранить основы. Это обусловлено тем, что принципиальное отличие чело-

веческого интеллекта от искусственного в отражении себя как части существующего мира и относительная самостоятельность действий. Искусственный же интеллект не воспринимает себя как-либо и действует только в рамках заложенного алгоритма, что также лишает его возможности принятия вариативных решений, ориентированных на объективные факторы действительности. Поэтому на данном этапе вряд ли целесообразно говорить об искусственном интеллекте как о самостоятельном субъекте права по причине того, что полностью заменить человека в определенных сферах он пока не сможет. Но, поскольку сферы, в которых используются технологии искусственного интеллекта, расширяются, то крайне необходимо проработать правовую регламентацию этого вопроса.

А. И. Овчинников высказал интересное мнение, что «цифровизация прямой дорогой ведет к окончательному техническому дизайну права» [4, с. 259], что касается различных сфер правовой деятельности. Да, с этим сложно не согласиться, но стоит также понимать, что исходной базой искусственного интеллекта, является человеческое решение и желание, которое закладывает те цифровые программы, которые являются необходимыми. Только человек может оценить ситуацию объективно с учетом тех нравственных оценок, которые сложились в конкретном обществе. Да, типовую работу технического плана искусственный интеллект выполнит быстро и профессионально, но человек имеет возможность не согласиться с решением системы и предложить альтернативные варианты решения вопроса. Поэтому внедрение цифровых технологий в правовую сферу имеет массу положительных последствий, но не следует на данном этапе полностью отвергать роль человека как основного действующего лица в сохранении сущности права.

Библиографический список

1. *Грудцына Л. Ю., Лагуткин А. В.* Идея общественного договора как основа диалога государства с гражданским обществом // Государство и право. — 2016. — № 2. — С. 94–98.
2. *Колоткина О. А.* Субъектные приоритеты в сфере обеспечения национальной безопасности // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. — 2019. — № 4. — С. 20–24.
3. *Миронов В. В.* Трансформация культур — от классической к электронной // Философия искусственного интеллекта: материалы Всерос. междисциплинар. конф., посвящ. 60-летию исследований искусственного интеллекта (17–18 марта 2016 г.) / под ред. А. А. Юрьевич. — М.: ИИнтелл, 2017. — С. 34–39.

4. *Овчинников А. И.* Риски в процессах цифровизации права // Юридическая техника. — 2019. — № 13. — С. 257–261.
5. *Хабриева Т. Я.* Право в условиях цифровизации: учеб. пособие. — СПб.: СПбГУП, 2019. — 36 с.
6. *Germain C. M.* Digitizing the World's Laws // Cornell Law Faculty Working Papers. — Ithaca, 2010. — P. 72.
7. *Howes D.* e-Legislation: Law-Making in the Digital Age // McGill Law Journal. — 2001. — Vol. 47. — P. 39–57.

Секция 2

Экспертно-аналитическая деятельность в условиях цифровизации

А. Л. Анисимов

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Проблемы цифровой трансформации: организационно-правовой и управленческий аспекты

Аннотация. Статья посвящена проблемам цифровой трансформации, которые рассматриваются автором с позиций организационно-правового и управленческого подхода. Проведен анализ проблем в сфере реализации национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», выявлены их основные причины.

Ключевые слова: цифровая трансформация; цифровая экономика; национальный проект; проблема; цели; задачи.

Проблема взаимодействия цифровой трансформации и права носит комплексный характер и должна рассматриваться, таким образом, в нескольких аспектах. Более того, следует выделить несколько отдельных комплексных проблем в этой сфере, лежащих в различных плоскостях, которые могут быть как параллельными, так и пересекающимися. Таким образом, мы имеем отдельные совокупности проблем цифровой трансформации и совокупности правовых проблем. Не вдаваясь детально в теорию классификации проблем, отметим лишь, что проблемы могут быть простыми и сложными, текущими и перспективными, организационными и правовыми, социальными и экономическими, внешними и внутренними, одноэлементными и многоэлементными, параллельными и пересекающимися — данный подход позволяет нам классифицировать проблемы достаточно обширно, однако в итоге всех рассуждений мы приходим к выводу, что на современном этапе развития экономики, права, социальной и иных сфер жизнедеятельности общества большинство проблем имеют комплексных характер, что объективно влечет за собой сложности в их преодолении¹.

Проблемы любого характера, лежащие в параллельных плоскостях, между собой, естественно, не пересекаются и не оказывают вза-

¹ *Нестеров А. К.* Управленческая проблема // Энциклопедия Нестеровых. — URL: <http://odiplom.ru/lab/upravlencheskaya-problema.html> (дата обращения: 23.04.2021).

имного влияния, т. е. возможно их параллельное решения, без учета возможных последствий решения или отсутствия такового на состояние какой-либо из них. Например, проблема обеспечения безопасности и обороноспособности государства параллельна проблеме озеленения и благоустройства территории муниципального образования, хотя обе эти проблемы, так или иначе, имеют в своем составе как правовую, так и информационную (читай — информатизационную) составляющие. Наоборот, та же проблема озеленения и благоустройства территории муниципального образования тесно связана (или — достаточно тесно связана) с проблемой обеспечения, например, экологической безопасности как минимум, на уровне данного муниципального образования.

Таким образом, нас интересуют, в первую очередь, проблемы, лежащие в пересекающихся плоскостях (пересекающиеся проблемы), так как их решение должно быть взаимосвязанным, взаимоувязанным, чтобы избежать возможных негативных последствий, которые могут дополнительно возникнуть в плоскости одной из них при решении или отсутствия такового в отношении проблемы из другой плоскости.

Возникает вопрос — проблемы цифровой трансформации и проблемы права представляют собой проблемы, лежащие в параллельных (параллельные проблемы) или пересекающихся плоскостях? Если это параллельные проблемы, то решение проблем цифровой трансформации на связано с решением проблем права и особых сложностей возникать не должно. Если же это пересекающиеся проблемы, то необходим глубокий анализ их сущности, определение их взаимосвязи и их же взаимное увязывание. По мнению автора, проблемы цифровой трансформации и проблемы права лежат в разных плоскостях, но плоскости эти, несомненно, являются пересекающимися. Соответственно, можно сделать вывод, что в месте пересечения этих плоскостей и находится тот перечень первоочередных, актуальных, взаимосвязанных проблем цифровой трансформации и права. Далее рассмотрим место пересечения указанных проблем и попытаемся понять, насколько возможно их эффективное решение в условиях сложившегося теоретического подхода (теоретической базы) и соответствующего правового обеспечения [3, с. 6].

Достаточно общеизвестно, что под цифровой трансформацией (англ. — digital transformation) принято понимать процесс преобразования (превращения) системы управления с помощью пересмотра стратегии, модели, операции, продукта, подхода и т.п., который обеспечивается цифровыми технологиями. Анализ национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»¹, реализуемой на

¹ Программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утв. распоряжением Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р.

основании указа Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.», призванного обеспечить решение задач ускоренного внедрения и развития цифровых технологий в экономике и социальной сфере, позволил сделать следующие основные выводы.

Во-первых, в соответствии с паспортом национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», отсутствует главная (стратегическая) цель проекта, что уже само по себе является достаточно странным с точки зрения общей теории управления и возможности построения «дерева целей» как важнейшего инструмента, направленного на реализацию любой стратегии. Отдельно выделены три цели, первая из которых призвана увеличить внутренние затраты государства, связанные с развитием цифровой экономики («не менее, чем в три раза по сравнению с 2017 г.»). По мнению автора, данное положение может, в лучшем случае, рассматриваться как одна из задач соответствующего уровня (оперативного, тактического или иного), но не в качестве одной из трех основных целей. Следующие две цели проекта связаны с созданием «устойчивой и безопасной информационно-телекоммуникационной инфраструктуры» и использованием «преимущественно отечественного программного обеспечения». По мнению автора, данные цели следовало также представить в виде соответствующих задач тактического или стратегического уровня. Таким образом, национальная программа не структурирована по целям (текущие, оперативные или краткосрочные, тактические или среднесрочные и стратегические или долгосрочные), что само по себе вызывает сомнение в возможности ее эффективной или хотя бы просто реализации [1, с. 184].

Во-вторых, перечисленные в паспорте национальной программы восемь задач также не систематизированы («ни в пространстве, ни во времени»). Абсолютно непонятно, какие из них являются текущими, какие — оперативными, а какие — тактическими или стратегическими. Более того, достижение поставленной цели реализуется посредством решения комплекса соответствующих задач: стратегическая цель — комплекс стратегических задач; тактическая цели или цели — соответствующий комплекс или комплексы тактических задач и т. д. Даже сама формулировка задач, мягко говоря, с большим трудом позволяет привязать их к декларируемым целям, не говоря уж о четком их понимании, взаимосвязи и взаимном увязывании.

В-третьих, внимательное изучение самих формулировок целей и задач не позволяет отличить друг от друга эти категории — цели вполне могли бы быть обозначены как задачи, а практически все задачи — в качестве целей того или иного уровня. Создается впечатление, что при разработке рассматриваемого нормативного акта разработчики

не уделили этом должного внимания. Общеизвестно, что задача отличается от цели большей конкретикой, например — более конкретными временными и стоимостными показателями, чего в документе практически не просматривается. Следует иметь ввиду, что вышестоящая задача или задачи являются, в свою очередь, целями, для достижения которых должны быть реализованы цели нижестоящего уровня. Формулировка же рассматриваемых целей и задач делает это практически невозможным, что влечет за собой невозможность создания действенного механизма реализации национальной программы.

В-четвертых, изучение не только общей теории проектирования, но и постановления Правительства РФ от 31 октября 2018 г. № 1288 «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации», позволяет нам сделать вывод о том, что под термином «проект» следует понимать «комплекс взаимосвязанных мероприятий, направленных на получение уникальных результатов в условиях временных и ресурсных ограничений» (по большому счету, это же относится и к термину «национальный проект»). Соответственно, обращает на себя внимание такой аспект, как «временные и ресурсные ограничения». Здесь необходимо заметить, что определение достаточности ресурсов, а также ресурсных ограничений является необходимой стадией любого проекта — от национального до локального, независимо от его направленности, сущности или содержания. Понятно, что проблему ограниченности ресурсов «никто не отменял», однако при разработке ин национальной программы, ни ее паспорта должного внимание проблеме ресурсного обеспечения уделено не было. Да, в паспорте национального проекта, утвержденном 24 декабря 2018 г., источник финансирования определен как «смешанный», определен бюджет проекта в размере 1 млрд 794 млн 658 тыс. р., определены временные рамки проекта: с 2019–2024 гг., однако связь перечисленных параметров с задачами проекта не просматривается; отсутствует ясность по поводу конкретных источников финансирования, о достаточности ресурсов и, не в последнюю очередь, именно денежных средств. Понятно, что можно «перекинуть» денежные средства из других национальных проектов и программ, но возникает проблема эффективности государственного проектирования в целом [2]. Понятно, что с имеющиеся формулировки целей и, главное, задач и не позволяют, к сожалению, их конкретизировать и взаимно увязать с даже имеющимися параметрами рассматриваемого проекта.

В-пятых, в соответствии с Методическими указаниями при разработке национальных проектов (программ)¹, «реализация националь-

¹ Методические указания по разработке национальных проектов (программ), утв. Правительством РФ 4 июня 2018 г. № 4072п-П6.

ных проектов осуществляется за счет средств бюджетов бюджетной системы Российской Федерации с учетом разграничения полномочий между различными уровнями власти в Российской Федерации, а также за счет внебюджетных источников». Да, правовое обеспечение реализации рассматриваемого проекта имеется, но вот по поводу наличия средств, разграниченных полномочий, а также конкретных внебюджетных источников вопросы, как минимум, остаются.

Справедливости ради следует отметить, что организационная составляющая для реализации рассматриваемого национального проекта представлена, в целом, на достаточно должном уровне. Так, определен руководитель национального проекта, его заместитель и администратор проекта, решены и закреплены в соответствующем нормативном акте иные положения, позиции, функции. Однако достаточно открытым остается вопрос организации разработки и реализации данного национального проекта в соответствующих субъектах Российской Федерации — необходим перечень приоритетных субъектов (из-за проблемы ограниченности ресурсов), определение источников и размеров финансирования, разработка региональных механизмов реализации проекта.

Библиографический список

1. *Аркадьева О. Г.* Оценка эффективности реализации государственных программ: методические аспекты формирования отчетности // Экономический анализ: теория и практика. — 2018. — Т. 17, № 1 (472). — С. 184–200.
2. *Белогорцева Ю. А.* Методические аспекты оценки эффективности государственных программ // Вестник Евразийской науки. — 2018. — № 3. — URL: <https://esj.today/PDF/22ECVN318.pdf> (дата обращения: 01.05.2021).
3. *Городов О. А., Егорова М. А.* Основные направления совершенствования правового регулирования в сфере цифровой экономики в России // Право и экономика. — 2018. — № 1 (01). — С. 6–12.

С. Х. Байдимиров

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Грани взаимодействия цифровых технологий и инструментов финансового контроля в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд

Аннотация. Статья посвящена вопросам распространения цифровых технологий в Российской Федерации для решения федеральных задач в части реализации концепции цифровой экономики и совершенствования контрольной деятельности в сфере закупок в рамках государственной и муниципальной бюджетной политики. Автор обращает внимание на то, что одним из основных направлений развития должно стать повышение прозрачности процессов распределения доходов и расходов бюджетной системы России.

Ключевые слова: цифровая экономика; цифровая безопасность; бюджетная система; закупки; аудит; контроль; мероприятие.

Как известно, централизованный фонд средств федерального бюджета «формируется за счет поступлений, которые перераспределяются между многочисленными сферами и отраслями экономики Российской Федерации, между ее субъектами» [1, с. 50]. Недостаточная степень цифровизации финансовой системы Российской Федерации при осуществлении государственного финансового контроля в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд может привести к возникновению различных проблем, негативно сказывающихся на развитии российского государства и общества. На актуальность нахождения путей решения этих проблем, в том числе за счет внедрения современных информационных технологий, неоднократно указывали многие российские ученые [2; 5].

Главной идеей в части развития добросовестной конкуренции среди участников закупки в рамках Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее — Закон № 44-ФЗ, Закон о контрактной системе) является проведение учета и формирование реестра добросовестных исполнителей контрактов, соответствующих всем требованиям существующего законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок и осуществляющих полноценное и качественное исполнение государственных контрактов на обеспечение государственных и муниципальных нужд.

В правоприменительной практике в части совершенствования контрольной деятельности федеральных органов исполнительной вла-

сти в сфере закупок, в частности ФАС России, существует множество различных проблем, которые требуют незамедлительной реакции от органов власти на различных уровнях [3, с. 132]. Одной из актуальных проблем применения законодательства ФАС России при проведении контрольных мероприятий в сфере закупок также является принятие решения об одностороннем отказе от исполнения контракта со стороны заказчика по отношению к участнику закупки, исполняющему государственный контракт. Сговор на торгах может проявляться в тех случаях, когда на следующий за датой окончания приема первых частей заявок участников закупки день, следует дата проведения самого электронного аукциона. Это, в свою очередь, создает возможность сговора между участниками закупки. Цикличность проведения закупки проявляется непосредственно в неограниченном количестве торгов, которые может проводить заказчик проводимых государственных закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Это создает возможность для заказчика в проведении повторных торгов по закупкам в целях поиска соответствующих требованиям заявок потенциальных исполнителей и заказчиков.

Приоритетными направлениями совершенствования применения законодательства ФАС России при проведении контрольной деятельности в сфере закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд, в частности, по части совершенствования правоприменительного опыта и практики в условиях современной экономики Российской Федерации со стороны ФАС России является направления работы, непосредственно связанные с совершенствованием правоприменительной деятельности ФАС России согласно Закону № 44-ФЗ, решением возникающих практических проблем, развитием добросовестной конкуренции среди участников закупочной деятельности, расширение правовых возможностей и круга полномочий уполномоченных государственных контрольных органов в сфере закупок, а также повышение качества исполнения контрактов непосредственно заключаемых согласно положениям о контрактной системе РФ этого закона (рис. 1).

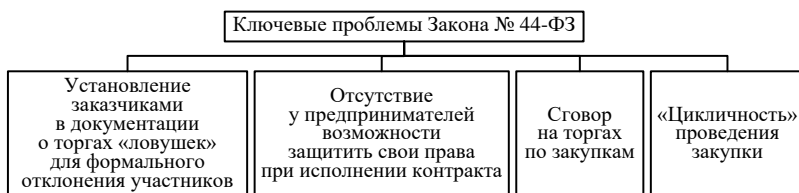

Рис. 1. Ключевые проблемы Закона о контрактной системе

Государственный финансовый контроль в сфере закупок необходимо изучать в разрезе указанных правовых и экономических инструментов, направленных на достижение результатов в рамках решения поставленных задач государством в целях обеспечения государственных и муниципальных нужд:

- аудит в сфере закупок;
- мониторинг в сфере закупок;
- казначейское сопровождение;
- банковское сопровождение контракта.

В перечень основных инструментов в части осуществления органами государственной власти своих полномочий входит комплекс различных контрольных и экспертно-аналитических мероприятий в сфере закупок (рис. 2).

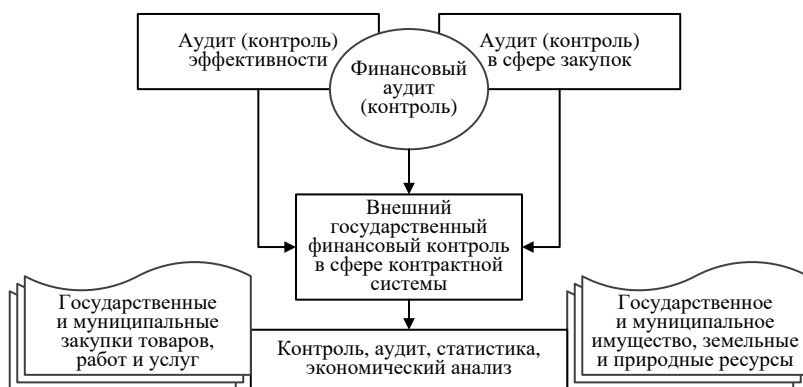

Рис. 2. Контрольные и экспертно-аналитические процедуры в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд

Одной из основных целей проводимого государством контроля в рамках осуществления аудита в сфере закупок является «предупреждение нарушений бюджетного законодательства и иных нарушений законодательства Российской Федерации при проведении закупок» [4, с. 38]. При этом, главной задачей аудита в сфере закупок является выявление нарушений законодательства в сфере закупок, установление причины их возникновения, а также предложение рекомендаций для их устранения.

В соответствии с требованиями Закона о контрактной системе была создана единая информационная система в сфере закупок, обеспечивающая:

- формирование, обработку, хранение и представление данных участникам контрактной системы;
- контроль за информацией о закупках;
- использование усиленной неквалифицированной электронной подписи для подписания электронных документов;
- подачу заявок в электронной форме на участие в определении поставщика (подрядчика, исполнителя) и открытие доступа к таким заявкам.

Основными направлениями в совершенствовании проводимого государственными органами контроля в сфере закупок являются «разработка и внедрение правового и экономического инструментария для осуществления финансового контроля» [2, с. 190]. Новым направлением цифровых технологий в сфере бюджетных правоотношений стало принятие двух документов:

- государственная стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг.¹;
- государственная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»².

Применение вышеперечисленных документов в государственной контрольной деятельности направлено, прежде всего, на формирование и совершенствование информационного общества в России, целью которого является укрепление общественных знаний, российской цифровой экономики, национальных интересов и осуществление стратегических национальных проектов. Кроме того, как отмечает Н. А. Поветкина, «к 2024 г. в России должны быть реализованы пять направлений, которые касаются нормативного регулирования, образования, подготовки квалифицированных кадров, формирования исследовательских возможностей, инфраструктуры и обеспечения цифровой безопасности» [6, с. 99].

Перечисленный нами цифровой инструментарий контроля в сфере закупок позволит:

- повысить результативность деятельности участников торгов в сфере закупок;
- проводить надлежащую оценку бюджетных операций и бюджетных рисков в сфере закупок, а также их влияния на результат выполнения бюджетной процедуры;
- обеспечить исключение влияния коррупционных факторов, возникновения конфликта интересов.

¹ *Стратегия* развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг., утв. указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203.

² *Программа* «Цифровая экономика Российской Федерации»: утв. распоряжением Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р.

Таким образом, в современной России на первый план выходят вопросы развития бюджетной сферы за счет внедрения современных информационных технологий, что, безусловно, невозможно без обеспечения соответствующего качества управленческих решений в отношении государственных финансов, а также цифровой трансформации инструментов финансового контроля в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд.

Библиографический список

1. *Измоденов А. К., Курдюмов А. В.* Основы государственного контроля, надзора и аудита: учеб. пособие. — Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2018. — 109 с.

2. *Вадрецкий И. С.* Значение контроля в сфере государственных закупок // Вестник экономической безопасности. — 2018. — № 4. — С. 190–193.

3. *Лусеженова З. С.* Институт контроля в сфере закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: правовые аспекты // Общество: политика, экономика, право. — 2016. — № 11. — С. 131–133.

4. *Горская О. В.* Правовое регулирование контроля в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд // Труды Института государства и права Российской академии наук. — 2014. — № 4. — С. 34–45.

5. *Дорошенко Т. Г., Суханова И. А.* К вопросу совершенствования механизма осуществления контроля закупок // Известия Байкальского государственного университета. — 2016. — № 4 — С. 583–590.

6. *Поветкина Н. А.* Правовая форма интеграции информационных систем и информационных технологий в сферу публичных финансов // Журнал российского права. — 2018. — № 5 (257). — С. 96–112.

Научный руководитель: А. Л. Анисимов,
кандидат экономических наук, доцент

А. К. Измоленов, А. Д. Копырина

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Цифровизация внешнего государственного (муниципального) финансового контроля за использованием бюджетных средств

Аннотация. В статье рассмотрено значение цифровизации для экономики как муниципальных образований, так и страны в целом, а также ее значение в условиях реализации полномочий по проведению финансового контроля. Особое внимание обращено на информационные технологии и информационные системы, которые используются органами внешнего государственного (муниципального) финансового контроля при осуществлении своей деятельности.

Ключевые слова: цифровизация; государственный (муниципальный) финансовый контроль; правовое регулирование; внешний финансовый контроль; информационные системы; информатизация.

В России за последние десять лет сохраняется тренд информатизации управленческих процессов. Благодаря этому поставленные задачи можно решать в более короткие сроки. Высокий уровень оперативного реагирования на происходящие изменения в значительном массиве объектов контроля достигается благодаря автоматизации процессов управления с применением соответствующих информационных систем. Стоит упомянуть и степень влияния контрольно-счетных органов Российской Федерации, поскольку такой внешний и независимый контроль за качеством управления публичными ресурсами также способствует более качественному донесению информации.

Большую роль играют федеральные программы, которые направлены на развитие информационных технологий в данной сфере. Так, программа «Цифровая экономика Российской Федерации»¹ разработана в целях реализации Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг.² Объемы финансирования федеральной программы за 2020 г. представлены в таблице.

Из таблицы следует, что больше всего средств федерального бюджета выделяется на такой федеральный проект, как «Информационная структура». Он способствует созданию устойчивой и безопасной инфраструктуры высокоскоростной передачи, обработки и хранения данных, доступной для граждан, бизнеса и органов власти.

¹ Программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утв. распоряжением Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р.

² Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг., утв. указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203.

**Объемы финансирования федеральной программы
«Цифровая экономика Российской Федерации» за 2020 г., млрд р.**

Федеральный проект	Объемы финансирования
Нормативное регулирование цифровой среды	0,29
Информационная инфраструктура	320,90
Кадры для цифровой экономики	13,30
Информационная безопасность	9,70
Цифровые технологии	77,20
Цифровое государственное управление	30,90

Примечание. Составлено авторами по: *Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»*. — URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858> (дата обращения: 01.05.2021).

На тенденцию развития государственного (муниципального) финансового контроля влияет процесс цифровизации экономики. В связи с этим необходимо рассмотреть степень влияния цифровизации экономики на организацию деятельности контрольно-счетных органов при проведении государственного (муниципального) финансового контроля.

Для анализа организации деятельности рассмотрим Счетную палату городского округа Верхняя Пышма.

Так, благодаря высокоскоростному доступу к информационно-телекоммуникационной сети Интернет в рамках процесса цифровизации, в работе сотрудников Счетной палаты встречаются общепринятые информационные системы «КонсультантПлюс» и «Гарант Эксперт». Наряду с вышеуказанными информационными системами активно используется Официальный сайт Счетной палаты, при разработке которого были учтены требования федерального законодательства (в частности, ст. 19 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 6-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований» и ст. 10 Федерального закона от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»).

Так, с 2014 г., с учетом вышеуказанных требований федерального законодательства, был создан и разработан официальный сайт Счетной Палаты городского округа Верхняя Пышма, содержащий такую информацию, как:

1) общую информацию о Счетной палате (о руководстве, структуре, полномочиях, задачах и функциях, местонахождении, а также почтовый адрес, адрес электронной почты, номера контактных теле-

фонов), включая перечень законов и нормативных правовых актов, которые регламентируют деятельность Счетной палаты;

2) сведения о нормотворческой деятельности Счетной палаты, в том числе:

— нормативные правовые акты, изданные Счетной палатой, а также сведения о внесении в них изменений, признании их утратившими силу;

— тексты проектов законодательных и иных нормативных правовых актов, внесенных в городскую Думу Верхней Пышмы;

3) введения о результатах проведенных Счетной палатой контрольных и экспертно-аналитических мероприятий;

4) статистическую информацию о деятельности Счетной палаты;

5) сведения о кадровом обеспечении Счетной палаты, в том числе:

— порядок поступления граждан на муниципальную службу;

— информацию о вакантных должностях муниципальной службы;

— квалификационные требования к кандидатам на замещение вакантных должностей муниципальной службы;

— итоги конкурсов на замещение вакантных должностей муниципальной службы;

б) информацию о работе Счетной палаты с обращениями граждан, организаций, общественных объединений, государственных органов, органов местного самоуправления, в том числе:

— порядок и время приема граждан, в том числе представителей организаций, общественных объединений, государственных органов, органов местного самоуправления, порядок рассмотрения их обращений с указанием актов, регулирующих эту деятельность;

— фамилию, имя и отчество руководителя подразделения или иного должностного лица, к полномочиям которых отнесены организация приема, обеспечение рассмотрения их обращений, а также номер телефона, по которому можно получить информацию справочного характера.

Рабочие места председателя и инспекторов Счетной палаты городского округа Верхняя Пышма оборудованы современными техническими средствами. Так, на рабочем столе компьютера у каждого сотрудника Счетной палаты установлен текстовый редактор Microsoft Word. Он необходим для набора текста с помощью клавиатуры, а также редактирования, копирования, создания таблиц. Все документы Счетной палаты, например, заключения на годовой отчет об исполнении бюджета, составляются в вышеуказанном текстовом редакторе. Наряду с этим, в деятельности сотрудников Счетной Палаты применяется программный продукт Microsoft Excel для работы с таблицами, создания графиков и диаграмм, используемых в отчетах и т. д.

Кроме того, в Счетной палате используется бухгалтерский продукт 1С: Бухгалтерия. Данный продукт необходим для автоматизации бухгалтерского учета и предусматривает:

- ведение бухгалтерского документооборота с регистрацией документируемой операции на счетах бюджетного учета;
- формирование первичных документов и регистров учета с получением копий на типовых бланках в бумажном и в электронном виде;
- формирование регламентированной бюджетной, статистической и налоговой отчетности.

Вместе с тем, данный продукт помогает руководителю учреждения виртуально направлять исполнителю поручения. Так, инспектор может получать задания от председателя Счетной палаты о составлении заключения на проект документа, где устанавливается также срок его выполнения. Готовое заключение направляется руководителю, который направил данное задание.

Отметим, что в соответствии с должностной инструкцией председатель Счетной палаты выполняет функции контрактного управляющего в целях реализации Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». В частности, он подготавливает и размещает в единой информационной системе в сфере закупок предусмотренную законом документацию о закупках, проводит консультации с поставщиками (подрядчиками, исполнителями), заключает контракты, участвует в рассмотрении дел об обжаловании результатов определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей) и готовит материалы для претензионно-исковой работы и др. Исходя из вышеперечисленных полномочий контрактного управляющего, следует, что в Счетной палате активно применяется также и единая информационная система в сфере закупок.

Как видно, информационные технологии и информационные системы широко применяются органами внешнего государственного (муниципального) финансового контроля при осуществлении своих полномочий. Это подтверждает тот факт, что они коренным образом отличаются от ранее применяемых средств контроля.

Таким образом, развитие процесса цифровизации в отношении деятельности контрольно-счетных органов направлено на увеличение надежности и прозрачности мер контроля, на снижение сроков их реализации, а также на проведение действенного финансового контроля за бюджетными средствами и имуществом как муниципальных образований, так и страны в целом.

Т. В. Сысоева, Л. В. Мацак

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Некоторые вопросы, связанные со списанием денежных средств с банковского счета должника в условиях цифровизации

Аннотация. В статье рассмотрены наиболее часто встречающиеся на практике вопросы, возникающие при наложении судебным приставом-исполнителем взыскания на денежные средства, находящиеся на банковских счетах должника. Предложены пути совершенствования законодательства Российской Федерации, регулирующего данные вопросы.

Ключевые слова: исполнительное производство; должник; денежные средства; заработная плата; социальные пособия; цифровизация.

В условиях цифровизации, в связи с развитием технического прогресса в современном обществе банковские карты получили очень широкое распространение. В настоящее время почти все работники получают заработную плату, а также пенсию и иные платежи путем перечисления денежных средств работодателем на банковский счет работника. И в том случае, если в отношении лица, получающего данные выплаты, возбуждено исполнительное производство, судебный пристав — исполнитель в предусмотренных законом случаях может осуществить списание денежных средств с банковского счета должника.

Данная предусмотренная законом возможность имеет как положительные, так и отрицательные стороны. Положительные стороны заключаются в возможности пресечения недобросовестного поведения должника (сокрытия имущества, заключения сомнительных сделок, и т. д.). Отрицательные стороны заключаются в возможности судебного пристава-исполнителя бесконтрольно списывать денежные средства со счетов должника, что часто приводит к нарушению действующего законодательства, регулирующего данные вопросы.

Например, возникают случаи, когда судебные приставы-исполнители списывают денежные средства с банковского счета физического лица, в случае назначения ему судебного штрафа (меры уголовно-правового характера), а также штрафа, назначенного лицу в качестве основного уголовного наказания. Между тем, возможность принудительного списания таких штрафов с банковского счета вообще не предусмотрена действующим законодательством Российской Федерации. Судебный пристав может лишь направить в суд представление о замене штрафа иным видом наказания, но никак не списывать в данном случае денежные средства с банковского счета (ст. 103, 103.1 Фе-

дерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»).

Кроме того, возникают ситуации, когда приставы списывают денежные средства со счетов лиц, которые вообще не являются стороной исполнительного производства (в случае совпадения фамилии имени и отчества с Ф. И. О должника). И наиболее часто возникают случаи списания периодических платежей в виде заработной платы в полном размере, либо неправомерного списания денежных средств из социальных пособий.

Полагаем, что механизм защиты прав лица, с которого судебный пристав-исполнитель неправомерно списал денежные средства, предусмотренный действующим законодательством, имеет ряд недостатков. Далее постараемся подробно обосновать свою позицию.

В соответствии с определением Конституционного суда Российской Федерации от 24 июня 2014 г. № 1560-О «необходимость обеспечения баланса интересов кредитора и должника-гражданина требует защиты прав последнего путем не только соблюдения минимальных стандартов правовой защиты, отражающих применение мер исключительно правового принуждения к исполнению должником своих обязательств, но и сохранения для него и лиц, находящихся на его иждивении, необходимого уровня существования, с тем чтобы не оставить их за пределами социальной жизни»¹.

Статьей 98 Федерального закона «Об исполнительном производстве» регулируются вопросы наложения взыскания на заработную плату должника. В соответствии с ч. 2 ст. 99 названного закона, размер удержания из заработной платы не может превышать пятидесяти процентов от заработной платы. В соответствии с ч. 3 данной статьи: «Ограничение размера удержания из заработной платы и иных доходов должника-гражданина, установленное ч. 2 настоящей статьи, не применяется при взыскании алиментов на несовершеннолетних детей, возмещении вреда, причиненного здоровью, возмещении вреда в связи со смертью кормильца и возмещении ущерба, причиненного преступлением. В этих случаях размер удержания из заработной платы и иных доходов должника-гражданина не может превышать 70 %».

Вышеуказанные нормы права означают, что судебный пристав-исполнитель не вправе списать всю сумму периодического платежа, перечисленного в качестве заработной платы, а вправе списать лишь 50 %, а в определенных случаях — 70 %. Кроме того, ограничения для

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Пономарева Александра Леонидовича на нарушение его конституционных прав ч. 2 ст. 99 Федерального закона «Об исполнительном производстве»: определение Конституционного суда РФ от 24 июня 2014 г. № 1560-О.

снятия судебным приставом-исполнителем денежных средств с банковского счета должника установлены также ст. 101 Федерального закона «Об исполнительном производстве». В частности, взыскание не может быть наложено на денежные суммы, выплачиваемые в счет возмещения вреда, причиненного здоровью; компенсационные выплаты, установленные законодательством Российской Федерации о труде: пенсии по случаю потери кормильца, выплачиваемые за счет средств федерального бюджета и т. д. Данный перечень является весьма значительным. Однако, в практике нередко возникают ситуации, при которых приставы списывают периодические платежи, поступающие должнику в качестве заработной платы в полном объеме, либо списывают денежные суммы, выплачиваемые должнику в соответствии со ст. 101 Федерального закона «Об исполнительном производстве». Тем самым приставы допускают грубейшее нарушение закона об исполнительном производстве. В таком случае должник может вообще остаться без средств к существованию.

С целью исключения случаев списания судебным приставом-исполнителем денежных средств из тех видов социальных пособий, на которые по закону не может быть обращено взыскание, 21 февраля 2019 г. были внесены изменения в ст. 70 Федерального закона «Об исполнительном производстве». В частности, была введена ч. 4.1, которая устанавливает следующие положения: «Если должник является получателем денежных средств, в отношении которых ст. 99 настоящего Федерального закона установлены ограничения и (или) на которые в соответствии со ст. 101 настоящего Федерального закона не может быть обращено взыскание, банк или иная кредитная организация, осуществляющие обслуживание счетов должника, осуществляет расчет суммы денежных средств, на которую может быть обращено взыскание, с учетом требований, предусмотренных ст. 99 и 101 настоящего Федерального закона. Порядок расчета суммы денежных средств на счете, на которую может быть обращено взыскание, с учетом требований, предусмотренных ст. 99 и 101 настоящего Федерального закона, устанавливается федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по нормативно-правовому регулированию в сфере юстиции, по согласованию с Банком России»¹.

Порядок обжалования действий судебного пристава-исполнителя в подобных случаях регламентируется главой 18 Федерального закона «Об исполнительном производстве». В соответствии с вышеуказанными нормами права на банк, обслуживающий счета должника была возложена обязанность рассчитывать сумму денежных средств, которые

¹ О внесении изменений в Федеральный закон «Об исполнительном производстве»: федер. закон от 21 февраля 2019 г. № 12-ФЗ.

можно списать со счета должника в случае обращения взыскания в рамках исполнительного производства. Данные изменения в законе безусловно носят благоприятный характер, и позволяют значительно уменьшить случаи неправомерного списания судебным приставом-исполнителем денежных средств с банковского счета должника, особенно из социальных пособий. Однако, проблема неправомерного списания приставом денежных средств до сих пор носит актуальный характер.

Кроме того, законодательством Российской Федерации не решен вопрос о том, как поступать в том случае, если после удержания из заработной платы должника предусмотренных законом отчислений в его распоряжении окажется крайне низкая денежная сумма. Ведь такая сумма может быть даже ниже прожиточного минимума.

Для решения данной проблемы нельзя не согласиться с предложением Д. В. Давитавян «закрепить в исполнительном законодательстве необходимость учета материального положения должника после удержания денежной суммы (не ниже величины прожиточного минимума) и предусмотреть возможность снижения процентной ставки обременительной для должника с целью устранения дисбаланса интересов сторон в исполнительном производстве»¹. Считаю предложенные изменения весьма конструктивными.

Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации² (далее — КАС РФ) предусмотрена возможность подачи в суд административно-искового заявления о признании незаконными действий судебного пристава-исполнителя. В случае неправомерного списания судебным приставом денежных средств, должник вправе обратиться в суд с подобным административным иском заявлением. Подача административного искового заявления об оспаривании действий судебного пристава-исполнителя не облагается государственной пошлиной, что следует из положений ч. 1 ст. 333.36 Налогового кодекса Российской Федерации³.

Однако, в случае необходимости подачи административно-искового заявления в суд, должнику следует помнить о том, что срок исковой давности по данной категории дел ограничен законом. В соответствии с ч. 3 ст. 229 КАС РФ: «Административное исковое заявление о признании незаконными решений, действий (бездействия) судебного

¹ Давитавян Д. В. Баланс интересов сторон в исполнительном производстве: проблема обращения взыскания на заработную плату должника // Юридические науки. — 2020. — № 7 (97). — С. 145–148.

² Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ.

³ Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть 2 от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ.

пристава-исполнителя может быть подано в суд в течение десяти дней со дня, когда гражданину, организации, иному лицу стало известно о нарушении их прав, свобод и законных интересов». В случае пропуска данного срока должнику будет крайне затруднительно вернуть неправомерно списанные денежные средства.

Подготовка и подача искового заявления является весьма трудоемким процессом даже для лица, имеющего высшее юридическое образование. Лицу, не имеющему юридического образования, будет крайне сложно подготовить исковое заявление за десять дней. Поэтому считаем, что десятидневный срок для обращения в суд с административным иском ничтожно мал и должен быть увеличен, как минимум, до одного года. Кроме того, с целью недопущения случаев неправомерного списания денежных средств судебным приставом с банковского счета должника считаем необходимым внести изменения в Федеральный закон «Об исполнительном производстве», согласно которым каждое списание денежных средств с банковского счета можно будет производить только на основании постановления суда. В этом случае, судебный пристав должен будет обратиться в суд с ходатайством о предоставлении разрешения на списание денежных средств с банковского счета должника, предоставить суду необходимые данные о поступлении должнику периодических платежей. И только после этого суд, исследовав все необходимые материалы, может вынести постановление с указанием точного размера денежных сумм, которые могут быть списаны. Полагаем, что предложенные нами изменения помогут существенно сократить количество случаев неправомерного списания приставом денежных средств с банковского счета должника.

Также, с целью минимизации случаев неправомерного списания денежных средств судебным приставом-исполнителем с банковского счета должника, считаем, что лицу, в отношении которого возбуждено исполнительное производство, необходимо направить уведомление в Федеральную службу судебных приставов, в котором должны быть указаны сведения о наличии банковских счетов, а также о поступлении периодических платежей в виде заработной платы или социальных пособий. Это поможет избежать возможности списания периодических платежей в виде заработной платы в полном размере, а также списания денежных средств из тех социальных пособий, на которые в соответствии со ст. 101 Федерального закона «Об исполнительном производстве» не может быть обращено взыскание.

Л. М. Чуркина

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Правовое регулирование цифровых прав в России и за рубежом

Аннотация. Статья посвящена правовому регулированию цифровых прав в Российской Федерации и зарубежных странах. Автор подробно останавливается на изменениях, внесенных в российское законодательство, связанных с перечнем цифровых прав и цифровой формой сделок. Подчеркивается важность регулирования концепции смарт-контрактов. В статье также анализируется правовое регулирование цифровых прав в иностранных юрисдикциях.

Ключевые слова: цифровые права; смарт-контракт; цифровая система; Гражданский кодекс Российской Федерации.

Как известно, 1 октября 2019 г. вступил в силу Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и ст. 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее — Закон). Закон направлен на регулирование цифровых прав и вносит поправки в Гражданский кодекс Российской Федерации¹ 1994 г.

Быстрый рост использования цифровых технологий, технологии блокчейн и смарт-контрактов во всем мире дал российскому законодательству вектор дальнейшего развития в связи с тем, что российское законодательство, чтобы не отставать от новых объектов экономических отношений, возникающих на рынке, нуждается в существенных изменениях. На настоящий момент Российская Федерация не занимает ведущее место в данной сфере правового регулирования [2].

Поиск полезных решений привел к появлению понятия «цифровые права» как нового и самостоятельного объекта гражданско-правового регулирования. Соответствующие поправки были внесены в основной нормативный правовой акт гражданского законодательства Российской Федерации — ГК РФ.

Закон неявно признает концепцию цифровых прав или «токенов», как их называют в некоторых других юрисдикциях. Несмотря на то, что остается много нерешенных вопросов, требующих дальнейшего регулирования, а также много критики со стороны практикующих юристов и ученых, не следует недооценивать значение и важность этих изменений. Это связано с тем, что российское право основывается на

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ.

законодательных нормах и правилах, а не на прецедентах. Это означает, что любая концепция не будет признаваться законом или защищаться правом, если она не закреплена в законодательстве, хотя она может быть общепризнана на практике, например, в прецедентном праве.

Согласно ст. 141.1 ГК РФ цифровые права определяются как договорные наряду с другими гражданскими правами, такими как права собственности. Таким образом, содержание и условия реализации таких прав определяются в соответствии с правилами информационной системы, в которой такие права существуют. Также важно, чтобы информационная система соответствовала определенным установленным законом критериям и нормам.

Это определение вызвало много дискуссий о природе цифровых прав, а именно о том, являются ли они новыми формами гражданских прав или просто новой формой закрепления гражданских прав. В этом отношении цифровые права аналогичны бездокументарным ценным бумагам, которые в соответствии со ст. 142 ГК РФ удостоверяют определенные права, которыми обладает владелец таких ценных бумаг.

Закон оставляет список цифровых прав открытым. Однако концепция цифровых прав не охватывает все объекты, преобразованные для целей транзакций или реализации других прав в цифровой форме и используемые на технологических платформах с различными функциями. Он намного уже.

Во-первых, цифровые права — это только те права собственности, которые указаны в Законе как таковые.

Во-вторых, эти права изначально должны создаваться применительно к определенной информационной системе и существовать только в электронной среде. Кроме того, как упоминалось выше, российское законодательство также должно определять требования к соответствующей информационной системе и то, как эта система должна работать.

В-третьих, реализация и распоряжение, включая передачу, залог и обременение цифровых прав другими способами или ограничение распоряжения цифровыми правами, возможно только в информационной системе без обращения к какой-либо третьей стороне.

Наконец, по умолчанию лицо, которое может распоряжаться цифровым правом в соответствии с правилами информационной системы, считается обладателем соответствующего цифрового права. Передача цифрового права в рамках транзакции не требует согласия лица, связанного таким цифровым правом.

Необходимо подчеркнуть, что Закон регулирует этот вопрос лишь в общих чертах, а дальнейшая специфика, включая правила создания цифровых прав, их классификацию, объем использования циф-

ровых прав и характеристики оборота, будет определена федеральными законами, разработанными с участием Центрального банка Российской Федерации, Министерства финансов Российской Федерации, Министерства экономического развития Российской Федерации и других ведомств.

На данном этапе российские законодатели уже приняли два федеральных закона: Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций через инвестиционные платформы и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации», который вступил в силу 1 января 2020 г., и Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», вступивший в силу с 1 января 2021 г., и будут в дальнейшем стремиться исправить определенные правила, связанные с инвестиционными цифровыми платформами.

До принятия Закона было предписано, что сделки могут совершаться устно или письменно. Устные сделки разрешены, когда письменная форма не требуется по закону или соглашению сторон в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации. Письменная форма имела два варианта: простая письменная и нотариальная.

В соответствии с предыдущими правилами сделка, совершенная в письменной форме, может быть заключена в форме:

- единый документ, подписанный обеими сторонами лично, с подписями мокрыми чернилами;
- единый документ, подписанный факсимильным воспроизведением подписей мокрыми чернилами путем механического или иного копирования;
- единый документ, подписанный электронной цифровой подписью, простой или усиленной;
- единый документ, подписанный другим аналогом собственноручной подписи, любым личным идентификатором, например адресом электронной почты;
- обмен документами по почте, телеграфу, телетайпу, телефону, электронной или иной связи, что позволяет достоверно установить, что документ исходит от стороны по договору.

Закон изменил этот подход, дополнив ст. 160 и 434 ГК РФ новым способом заключения сделки в письменной форме, а именно с использованием электронных или других технических средств, позволяющих неизменное воспроизведение содержания сделки на материальном носителе данных. Закон также упрощает правила подписания таких транзакций и гласит, что требование подписи выполняется, если метод подписания позволяет надежно идентифицировать и проверять лицо,

выражающее желание заключить сделку. Либо законом, либо соглашением сторон может быть предусмотрена конкретная процедура идентификации и проверки сторон.

Кроме того, Закон устанавливает, что договор в письменной форме может быть заключен путем составления одного документа, включая цифровые версии, подписанные сторонами, или путем обмена письмами, телеграммами, электронными документами или другими данными.

В гражданском обороте посредством сети Интернет давно применяется такой способ заключения сделок, как нажатие кнопок на смартфоне, отправка iSMS-сообщений в подтверждение своего волеизъявления [1]. Вышеуказанные поправки отражают существующие практические аспекты заключения договоров в электронной форме через определение сторон, например, с помощью SMS или биометрической идентификации, не ставя под угрозу действительность таких транзакций и позволяя сторонам избежать необходимости заключать отдельное соглашение с использованием утвержденных методов подписания таких сделок.

Это должно было стать законной основой для заключения так называемых «умных контрактов», а также для упрощения выполнения односторонних транзакций в цифровой форме.

Что касается концепции смарт-контрактов, до 2019 г. в российском законодательстве не было ее прямого регулирования.

Закон дополнил ст. 309 ГК РФ новой нормой, устанавливающей возможность совершения сделки с использованием информационных технологий при наступлении обстоятельств, указанных в такой сделке, и без необходимости представления сторонами отдельного документа, заявления о волеизъявлении на такое исполнение. В этом положении ГК РФ теперь признается, что контракты, как правило, могут исполняться автоматически, а именно обязательства сторон могут выполняться автоматически без каких-либо действий со стороны сторон.

Эти изменения стали первым правилом для смарт-контрактов в соответствии с российским законодательством.

Стоит отметить, что концепция смарт-контрактов не подразумевает какой-либо конкретной формы или типа контракта и может быть в равной степени применима к любой транзакции, особенно в сфере электронной коммерции и цифровой торговли.

В то же время, по мнению многих практиков в юридической и экономической сферах, на данном этапе концепция классического смарт-контракта, основанная на концепции автоматического выполнения всех обязательств, по-прежнему трудна для реализации. По-прежнему существует потребность в дополнительных и более подроб-

ных правилах нормального функционирования технологии. Например, до сих пор не решены вопросы, связанные с уязвимостями, необъявленными функциями кода, незащищенными лицами (в первую очередь, потребителями) и односторонним завершением.

Что касается зарубежного опыта, можно отметить, что США имеет наиболее развитое законодательство в сфере правового регулирования различных видов цифровых данных, получивших название «цифровые активы», на федеральном законодательном уровне в рамках единообразных законов, рекомендованных для принятия штатами США.

Германия на сегодняшний день обладает опытом регулирования отношений по обороту «цифрового контента» на национальном уровне, в том числе ввиду влияния регулирования, разрабатываемого на наднациональном уровне в праве Европейского союза.

Очевидно, что вышеуказанные российские законы представляют собой существенное изменение, но хочется надеяться, что в будущем появятся новые и более подробные правила, регулирующие цифровые права, информационные системы и криптовалюты, возможно с учетом опыта зарубежных государств.

Библиографический список

1. *Жаботинский М. В.* Цифровые права как объекты гражданских прав: понятие и возникновение правового регулирования // Юридический сетевой электронный научный журнал. — 2019. — № 1 (8). — С. 36–44.
2. *Хасимова Л. Н., Гайфудинова Р. З., Юценко Н. А.* Правовое регулирование цифровых прав как объектов гражданского права по законодательству Российской Федерации // Вестник экономики, права и социологии. — 2020. — № 1. — С. 89–92.

Содержание

Вступительное слово	3
---------------------------	---

Секция 1

Публичное и частное право в условиях цифровой трансформации

Бахтеева Е. И. Несоблюдение правил промышленной безопасности опасных производственных объектов как угроза экономической безопасности: уголовно-правовой аспект	4
Бельдина О. Г. Взаимодействие частного и публичного права при регулировании оборота Больших данных в цифровой экономике	9
Беляев Г. А. К вопросу об обязанности страхователя уплачивать страховую премию по договору страхования ответственности руководителей юридических лиц	12
Бурлака С. Н. Здоровье и цифровые технологии: правовые проблемы взаимодействия	16
Бучакова М. А., Мушаков В. Е. Персональные данные: правовой аспект ...	21
Гальцов В. С. Криминалистические аспекты воздействия информационного пространства сети Интернет на несовершеннолетних лиц	25
Евсеев Т. И., Евсеев И. В. Правовые особенности при разрешении вопросов, связанных с введением моратория на банкротство в России	30
Жамалова Г. Г., Айматова Ф. Х. Актуальные проблемы юридической ответственности в цифровой среде	42
Задорина М. А. Цифровизация здравоохранения и ее влияние на конституционное право на охрану здоровья и медицинскую помощь	45
Истомин В. Г. Правовые формы взаимодействия государства и частного бизнеса в сфере охраны окружающей природной среды	48
Кожевников О. А. Цифровизация и конституционные права граждан: новые грани взаимодействия	55
Колоткина О. А. К вопросу о трансформации объективного и субъективного права в условиях цифровизации: теоретико-правовой аспект исследования	61
Малкерев В. Б. Использование цифровых технологий для регулирования отношений в сфере труда	65
Мансуров Г. З. Искусственные нейронные сети	70
Миннегалиева Л. И. Электронный документ как доказательство при рассмотрении гражданских дел	73

Подшивалова В. А., Мусаева М. О. Цифровая трансформация образования: проблемы и перспективы	77
Свалова Н. А. Цифровая платформа: понятие и содержание	81
Сидоров С. Г., Бараковских С. А. Особенности электронного социального паспорта обучающегося в современных условиях цифровизации	87
Троценко О. С. Возможности и риски применения механизма ГЧП для цифровых инфраструктурных проектов	92
Фролов Д. В., Юсупова Д. А. Неприкосновенность частной жизни в цифровой среде.....	96
Чудиновских М. В. Правовые основы сделок с объектами криптоискусства.....	100
Шемет В. С. Принципы и сущность организации деятельности Совета Безопасности Российской Федерации в условиях цифровизации	104
Ягофарова И. Д. Трансформация права в условиях цифровизации.....	107

Секция 2

Экспертно-аналитическая деятельность в условиях цифровизации

Анисимов А. Л. Проблемы цифровой трансформации: организационно-правовой и управленческий аспекты	112
Байдимиров С. Х. Грани взаимодействия цифровых технологий и инструментов финансового контроля в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд.....	117
Измоденов А. К., Копырина А. Д. Цифровизация внешнего государственного (муниципального) финансового контроля за использованием бюджетных средств.....	122
Сысоева Т. В., Мацак Л. В. Некоторые вопросы, связанные со списанием денежных средств с банковского счета должника в условиях цифровизации	126
Чуркина Л. М. Правовое регулирование цифровых прав в России и за рубежом.....	131

Научное издание

**ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ПУБЛИЧНОГО И ЧАСТНОГО ПРАВА
ПРИ РЕГУЛИРОВАНИИ ЦИФРОВИЗАЦИИ
ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ**

М а т е р и а л ы

IV Международной научно-практической конференции

(Екатеринбург, 19 мая 2021 г.)

Печатается в авторской редакции и без издательской корректуры

Компьютерная верстка *Н. И. Якимовой*

Поз. 61. Подписано в печать 16.09.2021.

Формат 60 × 84 ¹/₁₆. Гарнитура Таймс. Бумага офсетная. Печать плоская.

Уч.-изд. л. 8,0. Усл. печ. л. 8,1. Печ. л. 8,75. Заказ 451. Тираж 11 экз.

Издательство Уральского государственного экономического университета
620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45

Отпечатано с готового оригинал-макета в подразделении оперативной полиграфии
Уральского государственного экономического университета

УРАЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ